

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

**ЯЗЫК
СОЗНАНИЕ
КОММУНИКАЦИЯ**

Выпуск 30

Москва
2005

ББК 81
Я410

К 250-летию МГУ имени М.В. Ломоносова

*Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова*

Рецензент:

д.ф.н., проф. *Е. Г. Руднева*

Электронные версии (.pdf) всех опубликованных выпусков доступны на
http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_index.html

Представляя рукопись в редколлегию, авторы тем самым выражают согласие с её безнонорарным опубликованием в сборнике "Язык, сознание, коммуникация" в печатном и/или электронном виде, включая размещение в Интернете

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред.
Я410 В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2005. –
Вып. 30. – 260 с.

ISBN 5-317-01585-5

Сборник содержит статьи, рассматривающие различные проблемы коммуникации как в свете лингвокогнитивного подхода, так и в сопоставительном аспекте, а также наиболее актуальные проблемы лингводидактики. Особое внимание уделяется национальной специфике общения, проявляющейся в особенностях ассоциативных рядов, коннотативного потенциала и восприятия художественных текстов.

Сборник предназначен для филологов – студентов, преподавателей, научных сотрудников.

Выпуски 1 и 2 опубликованы в 1997 г., выпуски 3, 4, 5, 6 – в 1998 г., выпуски 7, 8, 9, 10 – в 1999 г., выпуски 11, 12, 13, 14, 15 – в 2000 г., выпуски 16, 17, 18, 19, 20 – в 2001 г., выпуски 21, 22 – в 2002 г., выпуски 23, 24, 25 – в 2003 г., выпуски 26, 27, 28 – в 2004 г., выпуск 29 – в 2005 г.

ББК 81
Я410

ISBN 5-317-01585-5

© Авторы статей, 2005

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК И ОБЩЕСТВО

- Телия В. Н.* О феномене воспроизводимости языковых выражений 4
- Чернейко Л.О.* Базовые понятия когнитивной лингвистики
в их взаимосвязи 43
- Прохоров Ю.Е.* К проблеме «концепта» и «концептосферы» 74
- Карасик В.И.* Концепты-регулятивы 95
- Ананьева Н. Е.* Концепт ‘желание’ в польском и русском языках
(I. польск. *chęć* – *chcieć*, русск. желание – хотеть) 109
- Сорокин Ю.А.* Этноконфликт: модель и ее составляющие 125
- Шаховский В.И.* Эмоции во лживой коммуникации 133

ЛИНГВИСТИКА

- Всеволодова М.В.* Категория русского управления 147
- Васильева В.Ф.* «Чистая» транспозиция и редистрибуция
содержания транспонированной лексемы (на материале
деадъективных существительных в русском и чешском
языках) 165
- Усикова Р.П.* Типологические характеристики
македонского литературного языка 173

ЛИНГВОПОЭТИКА

- Ромашко С. А.* Речи вождей, или литература как метаязыковое
моделирование 188

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Запись дискуссии, проходившей в рамках рабочего совещания
«Культурные факторы воспроизводимости в дискурсе»
02 декабря 2004 года в Пушкинской гостиной
филологического факультета МГУ 197

ЯЗЫК И ОБЩЕСТВО

О феномене воспроизводимости языковых выражений

© доктор филологических наук В. Н. Телия, 2005

Воспроизводимость как особый феномен языка, явно контрастирующий с общим для дискурсивных практик законом свободного выбора и комбинации языковых структур, обычно вызывает в лингвистической традиции после широко известных работ Ш. Балли и особенно – В. В. Виноградова, выполненных в русле структурной доктрины, устойчивую ассоциацию с фразеологией как особой лингвистической дисциплиной [Балли 1961; Виноградов 1977].

Однако воспроизводимость – не только «достояние» фразеологии.

Начиная с поиска путей исследования «человека вместе с языком и языка в человеке» – творца и носителя языка как конкретной языковой личности, что требовало выхода за пределы изучения языка только как системно-структурного образования [Караулов 1987: 7], феномен воспроизводимости расширил свои границы, охватив сначала территорию «прецедентных текстов» [Караулов 1987: 244], а затем – и всех «прецедентных феноменов» [Красных 2003: 169–229].

И с лингво-когнитивных позиций, представленных, по Ю. Н. Караулову, тремя уровнями структуры языковой личности – «вербально-семантическим, или лексиконом», «тезаурусом личности», в котором запечатлен «образ мира», или «система знаний о мире», «мотивационным, или уровнем деятельностно-коммуникативных потребностей, отражающий прагматикон личности» [Караулов 1987: 238], и с позиций когнитивного пространства сознания личности [Красных 2003] к прецедентным феноменам стали относить и однословные наименования (обычно это личные имена, типа *Плюшкин*, *Шекспир* и т. п.) как своего рода когнитивные «свертки» текста, ассоциативно-образно разворачивающиеся на фоне текста.

Основная цель данной работы – привлечь с позиций лингокультурологии внимание к феномену воспроизводимости (начиная от культурно маркированных несколькословных и однословных наименований, высказываний и текстов) как к феномену культурно-знаковому, а потому и «киноприродному» по отношению к регулярным для естественного

языка средствам и способам отбора и комбинации языковых сущностей в ходе организации дискурсивного потока.

Методологической базой лингвокультурологического анализа служат идеи, «родословная» которых восходит к трудам Гердера–Гумбольдта. Еще в 1827 г. В. фон Гумбольдт писал, что «язык исходя из глубин духа, законов мышления и из человеческой организации в целом, все же воплощается в отдельной личности и вновь модифицируется через отдельные свои проявления», что изучение языка «не включает в себе конечной цели, а вместе со всеми прочими областями служит высшей и общей цели совместных устремлений человеческого духа, цели познания человечеством самого себя и своего отношения ко всему видимому и скрытому вокруг себя» [Гумбольдт 1985: 383].

Следуя этому высказыванию, можно утверждать, что лингвокультурология с неизбежностью вписывается в антропологически ориентированную парадигму и ищет ответ на вопрос: как культура панхронически действует в речи современных носителей языка, как даже самые архаичные ее пласты живут в сознании субъектов языка и культуры.

Эти идеи Гумбольдта пронизывают труды Вайсгербера, Сепира, а также современные нам труды, касающиеся проблемы взаимоотношения языка и культуры, Ю. С. Степанова, В. Н. Топорова, Н. Д. Арутюновой, А. Вежбицкой.

Гипотеза о том, что воспроизводимость – это следствие инкорпорации в формах естественного языка таких сущностей, знаковый смысл которых принадлежит культуре и ее «языку», оставляя свой след в культурной коннотации языковых знаков, была выдвинута нами применительно к наименованиям фразеологического характера – идиомам и фразеологическим сочетаниям [Телия 1993; 1996: 215–237].

Эта гипотеза может быть расширена и на всю предметную область воспроизводимых феноменов, так как именно этот коннотативно-знаковый смысл и создает феномен устойчивости языковых сущностей и характерные для него способы организации текста в дискурсивных практиках, а также их известность носителям языка и те интертекстуальные ассоциации, или линии «смысловых связей» (по Р. Барту), которые отображают культурный смысл этих языковых структур – социальный и духовный, восходящий к архетипическим, мифологическим и т. п. концептуализированным в языке слоям такого рода смыслов или к другим пластам-эпохам культуры.

Сама необходимость в выдвижении новых гипотез возникает тогда, когда, как пишет Ю. С. Степанов, «не находя ответа на возникающие вопросы в существующих гипотезах-теориях, лингвисты-практики пе-

рестают "выбирать" из наличных теорий и начинают предъявлять новые требования к самим гипотезам и теориям. Ситуация выбора сменяется ситуацией изменения научной "парадигмы"» [Степанов 1980: 11–12].

Как известно, в лингвистике с середины 80-х годов наметилось движение от решения проблемы взаимодействия языка и культуры сначала в рамках страноведения как дисциплины лингводидактической, все более уверенно переходящей на уровень осмысления этого взаимодействия в рамках теории, близкой к идеям В. фон Гумбольдта (Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров¹).

Вместе с тем эта проблема стала рассматриваться в школе этнолингвистики Н. И. и С. М. Толстых (а также в трудах В. Н. Топорова) с целью реконструкции «окультуренного» мировидения славянского ареала по данным истории языка с его древнейшей поры и его современного состояния с учетом корреляции языка и культуры как двух разных семиотических систем.

В то же время лингвокультурологические штудии все более уверенно разворачивались в русло антропологической парадигмы решения проблемы взаимоотношения языка и культуры, главным постулатом для которой является язык, конструирующий ментальность человека, в том числе – и его культурное самосознание. Становилось все более очевидным, что носители языка эксплицитно или имплицитно (на уровне бессознательного) способны осуществлять когнитивные процедуры, соотносящие знаки естественного языка с «языком» предметной области культуры, что свидетельствует об их культурно-языковой компетенции.

Исследователь этих процессов – тот же носитель языка, владеющий культурно-языковой компетенцией, но, кроме того, обладающий «тренированной интроспекцией» (А. Вежицкая), что предполагает его знание историко-диахронических языковых процессов и археологии культуры.

На фоне антропологической парадигмы с начала 90-х годов прошлого века стал интенсивно развиваться лингвокультурологический анализ взаимодействия языка и культуры.

Помимо конкуренции теоретических решений проблемы, становится все более очевидным, что в языке не только действует основной для него закон свободной комбинаторики, но существует неисчисленное (а может быть, и неисчислимое) количество воспроизводимых «в готовом виде» комбинаторных структур, несвобода комбинаторного выбора

---

¹ К сожалению, фундаментальный труд Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова «Язык и культура» (М., 2005) вышел уже после того, как данная статья была завершена. Надеемся, что в этом труде содержатся ответы на многие из касающихся сущностных признаков перечисленных выше вопросов.

которых обусловлена фактором инкорпорации «языка» культуры в языковые сущности. Тем самым закон свободной комбинаторики действителен для языка только тогда, когда он рассматривается безотносительно к фактору культуры.

Таким образом, при увеличении собственно языкового материала воспроизводимых языковых сущностей (весьма разнообразного по структурной организации и по характеру инкорпорации в нее иноприродного естественному языку «языка» культуры), а также при наличии целого ряда авторитетных теорий, не ставивших перед собой цели решить проблему воспроизводимости языковых сущностей в рамках антропологической парадигмы, мы попытаемся обосновать выдвинутую выше гипотезу, имеющую характер гипотезы теоретического уровня (подробнее о классификации гипотез см. [Постовалова 1980]), с позиций лингвокультурологии.

Но прежде чем *обосновать* эту гипотезу применительно ко всем воспроизводимым в языке феноменам, описанным в ряде приводимых ниже работ, и определить «предметное поле», охватываемое этими феноменами, представляется уместным раскрыть ту позицию, с которой в рамках «частной эпистемологии» (по терминологии Р. М. Фрумкиной [Фрумкина 1995]) лингвокультурологического анализа рассматривается взаимоотношение языка и культуры как особых семиотических систем (хотя эта позиция уже неоднократно декларировалась в ряде наших работ).

Язык, как известно, – естественно сложившаяся и развивающаяся по своим внутренним законам семиотическая система, обеспечивающая познавательно-речемыслительную коммуникативную деятельность во всех ее сферах.

Концептосфера культуры, являющаяся достоянием созданного человеком мира «Идеальное» (по терминологии А. Вежбицкой), или ментефактов, – это особая, отличная от естественного языка семиотическая система, которая складывается из нескольких ее предметных областей: из культуры материальной – всей совокупности артефактов, несущих, наряду с функционально-«вещным» их бытием, надличностный культурный смысл, и из плодов социального и духовного самоосознания человека как *личности* в микро- и макрокосмосе, которые сформировались на основе «коллективных представлений» (по К. Леви-Брюлю) родо-племенного сообщества людей.

В качестве исходного, рабочего, определения такое базовое понятие, как *культура* (в этом понятии мы стремились синтезировать наиболее существенные, с нашей точки зрения, признаки многочислен-

ных – «классических» и энциклопедических – определений феномена культуры), рассматривается как результат (и бесконечный процесс) самопознания и самосознания человека, осознающего себя как личность в макро- и микрокосме, в социальной и духовной сферах личностного и надличностного бытия. В ходе этих рефлексий над материальным, социальным и духовным бытием человек выступает как творец совокупности создаваемых им окультуренных представлений, дополняющих собственно природно-биологическое его бытие.

Мотивация этих представлений в сфере социального бытия человека имеет ценностно-установочный характер – прескрипции культуры, не исключая преференций личности в выборе ценностных для нее ориентиров, которые зависят от самоосознания своего «Я» по отношению к «Ты – Он» и к «возделанному» человеком его социальному миру-устройству. Для носителя социальной культуры эти ориентиры имеют характер *моральных* установок по преимуществу и сближаются с понятием деонтической нормы, обычно размытой действием преференций в выборе ценностей.

По отношению к духовным ценностям эти ориентиры имеют характер *нравственных* установок, размытость которых имеет своим следствием не нормативную, а личностную или надличностно-групповую абитуализацию, межпоколенно воспроизводимую по традиции (по словам В. Гете, «все, что дозволено, – все подобает» личности).

Культура – это семиотически бытующая в человеке в виде ментальных структур осознания мира «символическая Вселенная» (по Кассиреру), заимствующая для презентации ментефактов знаковые «тела» в природе, а также в артефактах и ментефактах других семиотических систем, и в естественном языке как одном из семиотически наиболее универсальных способов концептуализации и означивания.

Начало окультуренного самопознания восходит, по свидетельству исторической антропологии, к ориньякскому (т. е. наиболее раннему) периоду палеолита, когда биологические факторы освоения мира стали обретать социальную и духовную мотивацию и интерпретацию в формах архетипических моделей мира, анимизма, фетишизма, ритуала, магии, мифологических представлений об устройстве мира и ролей человека в нем и т. п.

Вместе с этими процессами в концептосфере культуры складывался и «язык» этой интерпретации – «символярий» культуры (по В. Н. Топорову), т. е. все надфизические, функционально значимые для окультуренного бытия «вещи» [Топоров 1995: 29] и, мы бы добавили, непредметные сущности, извлеченные из «вещей» и реальных свойств челове-

ка. Последовательность возникновения этих форм культуры, равно как и ее символика, имела скорее всего параллельный характер (Э. Тайлор, Л. Леви-Брюль).

Естественный язык, как уже отмечалось выше, – один из семиотически наиболее универсальных способов концептуализации и означивания «языка» концептосферы культуры. Когда он выступает в этой функции, в «глубинных», чаще всего имплицитных, внутренних формах образного содержания языковых знаков любой протяженности сохраняется мотив выбора языкового средства для выполнения этих ролей, если образное содержание имеет референцию к символической или текстам культуры. И это вполне закономерно, ибо субъект языка – это всегда и субъект культуры. Эта мотивация и является основой культурной коннотации языковых сущностей.

Нам неоднократно приходилось цитировать мнение Ю. С. Степанова: «Когда ставится задача объединить в рамках <...> единой теории данные языка и данные культуры, то, по-видимому, нельзя переносить языковую модель на предметную область культуры и, напротив, модель культуры на предметную область языка. Речь должна идти скорее о том, чтобы выработать третий более общий аппарат понятий, приложимый к лингвистической теории, с одной стороны, и к теории культуры – с другой» [Степанов 1974: 574].

Предметная область лингвокультурологии – изучение взаимодействия культурного фактора в языке и языкового фактора в человеке на фоне живых коммуникативных процессов и их связи с осознанной или бессознательно проявляющейся ментальностью носителей языка, являющихся и носителями культуры (см., например, [Телия 1999; 2004: 19–22]).

Лингвокультурология нацелена на изучение действия «языка в человеке» и, тесно сближаясь с когнитивистикой, выходит за пределы традиционной для лингвистики цели – исследование мыслительно-отражательных «следов» человека в языке на всем «пространстве» форм вербально-коммуникативного содержания и выражения языка – в сферу взаимодействия языка и культуры. Она изучает «новую реальность» в русле формирующейся, новой для лингвистики, антропологической парадигмы [Постовалова 1999], в которой языковые процессы предстают как антропометричные – соответствующие языковой и культурной компетенции носителей языка как акторов речемыслительных процедур.

С позиций антропологической парадигмы язык, а также взаимодействующая с ним культура рассматриваются не «в самих себе и для себя», а в тесной связи с бытием человека – с его самопознанием и осоз-

анием мира не только как физически воспринимаемого, но и как созданной человеком духовной реальности: моральных и нравственных устоев его бытия в «Я – Ты – Он» взаимоотношениях.

Основные задачи статьи сводятся к комплексу постановки проблем, выдвинутых в работе Р. М. Фрумкиной «Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология?» [Фрумкина 1995].

Главной из этих проблем для нас является построение такого конструкта объекта исследования в рамках частной эпистемологии лингвокультурологии, в котором содержались бы ответы на вопросы: какие существуют способы и средства, используемые для воплощения культуры в языковые сущности; в чем состоит суть «природы» культурной коннотации и какова ее роль как «посредника», который обеспечивает референцию языковых структур к концептам и символярию «языка» культуры, придавая языковым структурам роль культурно маркированных знаков, и способствует воспроизведению языковых структур как знаков «языка» культуры; и наконец – и это главное, почему в языке существует сам феномен воспроизводимости.

В отличие от этнолингвистики, отечественная версия которой представлена школой Н. И. Толстого [Толстой 1995], ставящей своей основной задачей исследование отношения между культурой и языком как целого и его части, лингвокультурология сосредоточена на исследовании языка и культуры как разных семиотических систем в их интерактивном взаимодействии. Признавая автономность этих семиотических систем, этнолингвистика понимается как «комплексная дисциплина, предметом изучения которой является "план содержания" культуры, народной психологии и мифологии, независимо от средств и способов их формального воплощения (слово, предмет, обряд, изображение и т. п.)» [Толстой 1995: 39].

Метод ретроспекции, характерный для этнолингвистики, обеспечивает стремление постичь «прежде всего специфические – национальные, народные, племенные – особенности этноса» [Толстой 1995: 27].

Задачи лингвокультурологии во многих аспектах, особенно в пристальном внимании к кумулятивной функции языка, к живым процессам коммуникации, к культурным и социальным «кулисам» речевой деятельности, тесно смыкается с лингвострановедением. Но последнее, исследуя преимущественно национальное своеобразие взаимоотношения языка и культуры, имело конечной целью обучение иностранному языку и аккультурацию, уделяя особое внимание лингводидактике [Верещагин, Костомаров 1983: 49].

В связи со сказанным нельзя не упомянуть конструктивно четкое, а главное – не плоскостное, определение в рамках лингвострановедения языкового знака как «культураны», сформулированное В. Г. Гаком, в котором показана роль языка как формы выражения и формы содержания культурного «подлежащего»: языковой знак является культураны, если его содержание и форма выступают как обозначающее, а реальность культуры – как обозначаемое [Гак 1998, 139–151] (выделено нами. – *В.Т.*).

В рамках данной статьи в самых общих чертах предъявлены три (как представляется, полностью методологически обоснованные) концептуально-терминологические интерпретации феномена воспроизводимости и соответствующее этим интерпретациям многообразие воспроизводимых языковых сущностей: во-первых, это теория фразеологии как особой лингвистической дисциплины, во-вторых, разработанная Ю. Н. Карауловым теория «прецедентных текстов», в-третьих, теория «прецедентных феноменов», разрабатываемая В. В. Красных, Д. Б. Гудковым, И. В. Захаренко и их коллегами (естественно, на основе тех языковых объектов, которые привлекаются как аргументирующие эти определения конструируются).

Цель такого концептуально-терминологического сопоставления – показать те общие признаки, которые характерны для феномена воспроизводимости, независимо от различий в аспектах его интерпретации, а следовательно (поскольку все познается в сравнении), эти признаки и можно полагать существенными для данного феномена.

С учетом приводимых ниже концептуально-терминологических построений и иллюстрирующего их фактического материала мы и намерены выделить и определить ту предметную область, которая образуется всеми воспроизводимыми феноменами «обычного» языка, противопоставленную структурам, создаваемым сообразно регулярной для языка свободной комбинаторикой.

Как известно, акад. В. В. Виноградов, определивший в 1947 г. основные типы фразеологических единиц в русском языке, еще в 1946 г. писал, что «прежде чем пускаться в обширную, но почти совсем неизвестную область речевой деятельности, необходимо запастись точными знаниями об основных типах фразеологических единиц, свойствах общей языковой системы, об основных категориях, управляющих механизмом фразообразования в языке» (выделено нами. – *В.Т.*) [Виноградов 1977].

Так была поставлена задача поиска системно-структурных и классификационных признаков идиоматичности, устойчивости и на этой

основе – воспроизводимости несколькословных наименований, а также различного рода высказываний, обладающих этими признаками, как известных носителям языка выражений, передаваемых по традиции из поколения в поколение.

Однако объем и границы того корпуса языковых сущностей, которые В. В. Виноградов и его школа относили к фразеологии, оказались чрезвычайно размыты. И не было бы смысла возвращаться к проблемам объема фразеологии, если бы в его пределы не входили те несколькословные воспроизводимые структуры, обладающие и текстообразующей функцией, которые получили в упомянутых выше концепциях определение «прецедентные».

Достаточно четко по системно-структурному основанию в корпусе фразеологии выделены только два класса несколькословных наименований, способных выполнять собственно номинативную функцию.

Во-первых, это полностью переосмысленные фразеологизмы-идиомы: «сращения», утратившие для носителей современного языка мотивированность значения (типа *собаку съел в чем-нибудь*, *бить баклуши*, *так себе* и под.), и «единства», в которых еще сохраняется мотивированность и потенциальная выводимость значения (типа *намылить шею кому-л.*, *до тех пор пока* и т. п.).

Во-вторых, «фразеологические сочетания» (типа *оказать помощь*, *хранить* или *потерять надежду*, *раб страстей*, *щекотливый вопрос* и под.), представляющие собой не что иное, как лексико-аналитические структуры (по терминологии [Гак 1977]). Следует отметить в этой связи, что в модели «Смысл – Текст» этот класс фразеологизмов был впервые описан на основе аппарата «лексических функций», где было показано, что переосмысленное значение играет роль, аналогичную словообразовательным средствам, и выступает в функции аргумента при семантически господствующем слове [Жолковский, Мельчук 1966].

В нашей работе 1981 г., написанной не без влияния указанных выше трудов, было показано, что во фразеологических сочетаниях аналитического типа образно мотивированное, «связанное» (по терминологии В. В. Виноградова) значение слова дополняет и расширяет концептуальный объем номинативно опорного для сочетания слова, образуя косвенные для него наименования (подробнее см. [Телия 1981: 85–93 и след.]).

Что же касается других выражений, разделяющих признаки идиоматичности и устойчивости, воспроизводимых «в готовом виде», также включенных В. В. Виноградовым в объем фразеологии, то они не впи-

сывались в единицы номинации, равно как и в жесткие рамки единой структурно-классификационной системы.

И поэтому в связи с уже упомянутыми выше введением в лингвистический обиход терминов-понятий «прецедентный текст» и «прецедентный феномен», также связанных с воспроизведением языковых выражений, представляется уместным напомнить, что еще в 1957 г. С. И. Ожегов предложил (в связи с проектом фразеологического словаря русского языка) различать фразеологию «в узком и широком смысле».

Мы позволим себе достаточно пространную цитацию из этой работы, поскольку эти термины будут неоднократно приводиться в тексте нашей статьи. С. И. Ожегов писал: «Устойчивые словесные сочетания, бытующие в речи, разнородны по строению и характеру использования в языке. Их объединяет только одно общее – их устойчивость. Отсюда они так легко объединяются одним именем фразеологии (выделено нами. – *В. Т.*). Но одни из них обладают определенными структурными особенностями и являются, наряду с отдельными словами, средствами построения предложения или элементами предложения. Подобные устойчивые словесные сочетания, фразеологические единицы языка, можно назвать фразеологией в узком смысле. Другие устойчивые словесные сочетания, не обладающие указанными признаками, можно назвать фразеологией в широком смысле».

К последней С. И. Ожегов относил всю массу «авторских» оборотов (крылатые слова – «любые отрезки контекста с законченным смыслом, употребляющиеся в речи как цитаты»), всевозможные афоризмы, фразы, извлеченные из контекстов и ставшие ходовыми цитатами (типа *А Васька слушает да ест* (Крылов), *жизнь есть деяние* (Горький), *Как дошла ты до жизни такой!* (Некрасов)). Сюда же им отнесены пословицы, поговорки и подобные им словесные сочетания, объединяемые обычно как произведения народного творчества с присущими им жанровыми и художественными особенностями (типа *Белые ручки чужие труды любят; Тише едешь – дальше будешь; Руки в боки, глаза в потолок*). В этот «расширенный» объем фразеологии входят, по мнению С. И. Ожегова, также «индивидуальные типические особенности словоупотребления словосочетаний и фразообразования в творчестве отдельных писателей или, преимущественно, в произведениях тех или иных направлений и школ, а также фразовые особенности отдельных социальных слоев, профессиональных групп» [Ожегов 1957: 38–41].

Нам остается добавить, что к «фразеологии в широком смысле» часто относят устойчивые и воспроизводимые, но обычно лишённые идиоматичности различного рода клише или речевые заготовки – фор-

мулы приветствия, вежливости, предложение услуг, совета и т. п. (типа *добро пожаловать, прошу извинить меня*), а также штампы официально-деловой речи и т. п. (достаточно подробно об объеме фразеологии и типах ее единиц см. [Телия 1996: 96–83]).

Таким образом, обходя при определении прецедентных текстов, а также феноменов, упоминания о материале «фразеологии в широком смысле», авторы, видимо, стремились отмежеваться от ассоциаций со структурно-системной концепцией фразеологии как особой лингвистической дисциплины.

А между тем, как мы постараемся показать ниже, верификация и фразеологизмов-идиом, являющихся микротекстами по своему существу (термин «микротекст» был введен И. Н. Черкасовой в одной из публикаций, связанных с разработкой словарных статей для Машинного фонда русской фразеологии в 90-е гг. XX в.; см. также [Телия 1996: 214–269]), и «связанных» значений фразеологических сочетаний слов, и однословных «прецедентных» имен и текстов различной природы может быть осуществлена только при обращении к их культурным смыслам.

И более того, само определение существенных признаков прецедентных текстов (в терминологии Ю. Н. Караулова) или прецедентных феноменов (по В. В. Красных) расходится с определением содержания признаков фразеологизмов и «в узком» и «в широком» смыслах скорее по теоретическим предпосылкам авторов и по объему избираемых объектов рассмотрения и его аспектов, а также терминологических предпочтений, чем по сути такого фундаментального их свойства, как феномен воспроизводимости.

В концепции Ю. Н. Караулова, основанной на лингво-когнитивном фундаменте, раздел «Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности» начинается с максимы: «Человек живет в мире текстов». А это значит, по нашему мнению, что речь идет о том, что языковая личность погружена и в интертекстуальное пространство культуры, которое является частью тезауруса – лингво-когнитивного, по Ю. Н. Караулову, «уровня организации языковой личности», который, образуя картину мира, «размывает знаковость» вербально-семантической сети «из-за своей картинности».

Тезаурус в концепции Ю. Н. Караулова – это своего рода «ключ» к понятию прецедентных текстов. И мы позволим себе, хотя и редуцированно, применительно к нашей теме, привести цитаты, поясняющие суть характера его единиц.

Единицы тезауруса, пишет Ю. Н. Караулов, разнородны: «среди них могут быть и научные понятия, и просто слова, приобретшие статус обобщения, символа, за которым скрывается целая область знаний, и образы, картины и "осколки" фраз ("обрывки мыслей"), стереотипные суждения, вербальные и другие формулы. Употребляемое иногда для обозначения способа упорядочения знаний сочетание "картина мира" при всей своей кажущейся метафоричности очень точно передает сущность и содержание рассматриваемого уровня: он характеризуется представимостью, перцептуальностью составляющих его единиц, причем средством придания "изобразительности" соответствующему концепту (идее, дескриптору) служат самые разнообразные приемы. Это может быть создание индивидуального образа на базе соответствующего слова-дескриптора или включение его в некоторый постоянный, но индивидуализированный контекст, или обрастание его определенным набором опять-таки индивидуальных, специфических ассоциаций, или выделение в нем какого-либо особого нестандартного, нетривиального отличительного признака и т. п.» [Караулов 1987: 172].

В этом пассаже представляется интересным обоснование того, что слова как единицы тезауруса могут «скрывать за собой целую область знания», организуя тем самым «свертки» ассоциативно-тезауральной сети (что, как представляется, близко к мысли А. А. Потебни о «сжатии сюжета», в том числе – и в одном слове), и таким образом служить сигналом скрытого за ними текста.

И далее, говоря о тезаурусном уровне, Ю. Н. Караулов отмечает, что принципиальное отличие единиц тезауруса от единиц языковой семантики – «в их постоянстве, устойчивости, воспроизводимости для данного субъекта, данной языковой личности, в их тяготении к инвариантному характеру, т. е. здесь мы встречаем устойчивый образ, стереотип, стандартную пропозициональную структуру, с незамещенными местами, стабильное эмоциональное отношение, постоянный вербальный символ, способный к развертыванию в целый фрагмент "картины мира" и выражаемый словом, морфемой, корнем, словосочетанием, "осколками" фразы, формулой генерализованного высказывания» [Караулов 1987: 181] (выделено нами. – В. Т.).

Полностью разделяя эпистемически блестящее, с нашей точки зрения, выделение тезаурусного уровня, отметим, что для нас остается непонятным, почему идиомы-микротексты и фразеологические сочетания оставлены автором только на уровне единиц семантики: все признаки этого уровня присущи и названным выше воспроизводимым сочетаниям. Остается только предположить, что это – результат обладания ими и но-

минативной функции, которая рассматривалась в школе В. В. Виноградова как основание для системно-таксономической их классификации.

В концепции Ю. Н. Караулова акцентируются знания вообще, независимо от различия в их семиотической разнородности. «Сумма знаний (общества, человечества), как нечто фиксированное и статичное, откладывается и закрепляется не только с помощью языка, не только в текстах, ее воплощением и материализацией является в конечном счете вся культура, все продукты цивилизации – архитектура городов, машины, мосты, симфонии, самолеты, бытовая техника, мебель и космические ракеты, и каждый природный феномен, ставший объектом акта познания» [Караулов 1987: 174].

Ю. Н. Караулов, в соответствии с лингвокогнитивной концепцией, считает также, что в его трехуровневом построении входит и «промежуточный язык», роль которого отводится (в основном под влиянием идей Н.И. Жинкина) «языку мысли» – «языку представления знаний в человеческом интеллекте» [Караулов 1987: 184, 209].

К элементам «промежуточного языка» причислены: образы («самый распространенный представитель рассматриваемого <...> феномена»), гештальты, схемы, фреймы, двигательные представления, пропозиция, картина, символы («эмбрион образа», «имеющий знаковую и образную одновременно» природу), диаграммы, формулы, слова («выступающие в качестве символа для большого символического комплекса, играющие роль смысловых вех, мнемонических опор при понимании и продуцировании текста») [Караулов 1987: 184–207].

Итак, к инструментарию «промежуточного языка» отнесен весь набор, служащий в науках когнитивного цикла целям категоризации вообще – «процессу членения внешнего и внутреннего мира человека, сообразно существенным характеристикам его функционирования и бытия <...> одному из ключевых понятий в описании познавательной деятельности человека, связанный едва ли не со всеми когнитивными способностями и системами в его когнитивном аппарате...» [Кубрякова 1996: 42]. Процесс категоризации обеспечивает выявление принципов «восприятия и понимания речи» в процессах когнитивной обработки и переработки информации человеком, отмечает В. З. Демьянков. И далее: «Эту систему иногда называют "языком мысли"» [Демьянков 1996: 63–64].

В соответствии с концепцией языковой личности и тезаурусным уровнем представления знаний, Ю. Н. Караулов и вводит понятие прецедентных текстов (вошедшее в обиход лингвистических штудий, так или иначе касающихся воспроизводимых авторских текстов).

Он пишет: «Назовем прецедентными – тексты, (1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, (3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов 1987: 218].

Автор отмечает, что «в самом общем случае можно было бы сказать, что состав прецедентных текстов формируется из произведений русской, советской и мировой классики, имея в виду, что сюда входят и фольклорные шедевры». «Способы существования и обращения прецедентных текстов в обществе довольно однообразны», их, по мнению автора, три: когда текст «в первоизданном виде» доходит до читателя или слушателя как прямой объект восприятия; когда текст предполагает трансформацию в иной вид искусства или его цитацию в статьях и т. п.; когда текст обретает семиотический характер – «обращение к оригиналу дается намеком, отсылкой, признаком, и тем самым в процесс коммуникации включается либо весь текст, либо соотносимые с ситуацией общения или более крупным жизненным событиям отдельные его фрагменты. В этом случае весь текст или значительный его фрагмент выступают как целостная е д и н и ц а обозначения». Если два первые два способа существования доступны любому тексту, то семиотический присущ только прецедентному. Ср., с одной стороны, употребленную говорящим цитату: «В мои года не должно сметь Свое суждение иметь», а с другой стороны, предупреждение Щедрина о том, что в пореформенной России «ожили господ Молчалины» (см. [Караулов 1987: 217]).

Не отрицая тех способов существования прецедентных текстов, которые приводит Ю. Н. Караулов, мы не можем – в связи с высказанной нами в начале статьи гипотезой – не отметить, что цитата из А. С. Грибоедова также обладает семиотической значимостью: ее «глубинно-культурная» верификация возможна только при обращении ко всем признакам, характеризующим Молчалина в тексте «Горя от ума» как «приспособленца» к идеологии «Фамусовых», во-первых; а во вторых, к еще более глубинным пластам культуры, в частности, к одной из древнейших архетипических оппозиций «старый (мудрый, опытный) / молодой (незрелый умом, неопытный, несамостоятельный)». Ср. в этой связи глубокий анализ культурного концепта «Личность», в котором «достаточно определенно вырисовываются две линии», как пишет

Ю. С. Степанов: «а) социализация <...>; б) индивидуализация <...>» [Степанов 1997: 551–559].

Резюмируя, может быть, излишне подробное изложение оригинальной концепции прецедентных текстов Ю. Н. Караулова, заметим:

1) сам термин «прецедентный» исключает принципиально безымянные «фольклорные шедевры», принадлежащие народной мудрости;

2) очень важное, с нашей точки зрения, замечание о том, что ввод прецедентных текстов в дискурс «в чем-то сродни языковой номинации» (выделено нами. – *В. Т.*), никакого, даже глухого намека на фамильное (в терминологии Витгенштейна) сходство с идиомами-микротекстами и фразеологическими сочетаниями автор не приводит.

А между тем само определение прецедентных текстов, данное автором, имеет именно такое сходство: указанные выше классы фразеологизмов всегда *сверхличностны и значимы для тех, кто их использует в речи*, иначе они не *воспроизводились* бы от поколения к поколению. Но этот класс (за исключением достаточно редких единиц, когда субъектом становится любой говорящий, типа *перейти Рубикон, сжечь мосты* и под.) уже утратил своего автора, а следовательно, и прецедентность.

3) Не только третий способ («когда текст обретает семиотический характер») в явной форме отсылает к семиотике культуры – к ее концептосфере (о чем свидетельствует хотя бы приведенный нами выше краткий культурологический комментарий к цитате из «Горе от ума»), но и не утратившие образную мотивированность несколькословные единицы номинации – идиомы и аналитические структуры, а также прецедентные тексты, соотносимые с «цитациями» (в той или иной форме – явной или коренящейся в глубинах бессознательного владения субъектом культуры и языка – панхроничных способов и средств ее концептуализации).

Оригинальная концепция «прецедентных феноменов» – «системы единиц и значений <...> хорошо известных любому "среднему" представителю русского национально-лингво-культурного сообщества» [Красных 2003: 170 и др.], в основе которой лежит постулат о «сознании (языковом сознании) как феномене, тесно связанном с культурой» [Красных 2003: 354], разработана В. В. Красных².

---

² В. В. Красных отмечает, что разработка этой проблемы велась в рамках семинара «Текст и коммуникация» и нашла свое отражение в ряде работ (см., напр., [Красных, Гудков, Захаренко, Багаева 1997; Гудков 1998; Захаренко 1997]), а также в словаре коллектива авторов «Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь». Вып. 1. [2004] (И.С. Брилева, Н.П. Вольская, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В. В. Красных).

В. В. Красных, рассматривая все виды «прецедентных феноменов» как часть когнитивной базы носителей языка («по крайней мере <...> ее периферии») с позиций национально-культурной специфики языкового сознания, дискурса, коммуникации, в явной форме указывает на связь «прецедентных феноменов» и языкового сознания «национально-лингво-культурного сообщества» [Красных 2003: 93–95].

Объекты описания в словаре «Русское культурное пространство» представлены четырьмя типами «прецедентных феноменов»:

(1) «Зооморфные образы» – зоонимы, регулярно употребляющиеся в качестве характеристики человека, типа *баран, бык* и т. п.

Отметим, что фразеологизмы-идиомы и устойчивые сравнения, в которых эти образы сохраняют культурно-символический смысл, восходящий к мифологическим представлениям, приводятся в иллюстративном материале (напр.: *брать/взять быка за рога, как красная тряпка на быка* действовать, *здоров, как бык*).

(2) Прецедентные имена – имена собственные, связанные с широко известным текстом или ситуацией, а также мифологические имена лиц, живых существ, «духов» и «волшебных» предметов, типа *Илья Муромец, Обломов, Моцарт, Домовой, Золотая рыбка, Золотой ключик* и под.

(3) Прецедентные тексты – «законченный продукт речемыслительной деятельности, (поли)предикативная единица; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу <...>. К числу прецедентных текстов относятся произведения художественной литературы (*"Евгений Онегин", "Бородино"*), тексты песен (*"Подмосковные вечера", "Ой мороз, мороз..."*), рекламы, политические и публицистические тексты и др. <...> Основным критерием прецедентности является существование инварианта его восприятия, который хранится в когнитивной базе и знаком большинству членов национально-лингво-культурного сообщества» [Красных 2003: 29].

(Заметим, что прецедентные тексты в словаре – это один из классов «прецедентных феноменов», а не общее имя для всех воспроизводимых текстов как единиц тезауруса, по Ю. Н. Караулову).

(4) Прецедентные высказывания – «продукт текстовой редукции» (термин был предложен в [Костомаров, Бурвикова 1994]). Ср. в этой

ных / Ред. И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. Г. Гудков) – первом, насколько нам известно, словаре собственно лингвокультурологической ориентации. В разделе вводной части словаря «Теоретические положения» редакторы пишут, что авторы предприняли попытку «описывать не то, что "следует знать", а то, что реально "знает" практически любой социализированный представитель русского <...> национально-лингво-культурного сообщества» [Красных 2004: 9].

связи мнение В. В. Виноградова о том, что литературная цитата воспринимается «на фоне представления того целого, из которого она извлечена» (цит. по: [Красных 2004: 31]).

«Данный подход позволяет, – пишет В. В. Красных, – относить к разряду прецедентных высказываний не только крылатые выражения <...> но и цитаты из популярных художественных фильмов, из рекламы, "цитаты" из современного молодежного фольклора, а также (с некоторыми оговорками) пословицы и поговорки», имея в виду, что они «восходят к прецедентным ситуациям и выступают как маркеры этих ситуаций <...> в фольклорных прецедентных высказываниях» [Красных 2004: 32].

Итак, «немного модифицируя определение Ю. Н. Караулова» (см. [Караулов 1987: 216]), заключает В. В. Красных, «к числу *прецедентных* относятся феномены:

1) хорошо известные всем представителям национально-лингвокультурного сообщества ("имеющие сверхличностный характер"); 2) актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном плане); 3) обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингвокультурного сообщества» [Красных 2004; 2003: 170]).

Мы специально так подробно остановились на трех методологически развернутых концепциях, непосредственно касающихся феномена воспроизводимости языковых сущностей, столь разнообразных по их структурной архитектонике и функционально-смысловым способам воплощения в дискурсивные практики, – В. В. Виноградова, Ю. Н. Караулова и В. В. Красных – с тем, чтобы показать, что по сути дела основные признаки феномена воспроизводимости совпадают в них, различаясь терминологически в зависимости от того, идет ли речь о фразеологии («в широком» и «узком» смысле, по С. И. Ожегову) или только о «прецедентных» явлениях в языке.

Назовем еще раз эти признаки (учитывая терминологическую синонимичность и редуцируя ее до инвариантных свойств):

1) *Известность* (или, по крайней мере, опознаваемость) для обычных носителей «общего» современного русского языка, являющихся и носителями культуры, которая зиждется на «сверхличностном» характере.

2) *Познавательная, эмоциональная и культурно маркированная значимость*, обуславливающая межпоколенную трансляцию, имеющую традиционную устойчивость (в рамках узуальных и/или окказиональных вариаций).

3) *Воспроизводимость в дискурсивных практиках* «общего» языка (или его социокультурных вариантов).

Из всего сказанного можно сделать вывод о том, что:

(1) Признаки, сформулированные для прецедентных языковых структур, совпадают с сущностными признаками фразеологизмов с той оговоркой, что прецедентность в указанных концепциях предполагает цитацию, т. е. текстовый источник, и воспринимается как «фигура на фоне» этого источника, а корпус фразеологии («в узком смысле») уже утратил для носителей языка в культурных скрижалях языкового сознания такого рода источник и воспринимается как безымянный (даже в случаях, когда этот источник имел автора или вышел из прецедентного текста, типа *перейти Рубикон; ахиллесова пята; стереть с лица земли* и под.).

(2) Фразеологизмы-идиомы и фразеологические сочетания восполняют (помимо их культурно маркированной значимости) номинативно-функциональный запас языка и – тем самым – единицы лексикона и образно обогащают тезаурус, в то время как всевозможного рода цитации, будучи, как пишет Ю. Н. Караулов, «в чем-то сродни языковой номинации» (см. [Караулов 1987: 9]), восполняют тезаурус как культурно-образно мотивированную сокровищницу языка, отсылая коллективные (сверхличностные) представления членов социо-лингвокультурного сообщества – носителей языка и их языковую память – к прецедентным, т. е. известным текстам (феноменам).

Выделенные нами в (1) и (2) признаки – это своего рода «водораздел», который подпитывается в его глубинных слоях источниками с той и другой стороны возвышенности.

Означает ли это, что общие для фразеологизмов как единиц номинации и прецедентных феноменов как единиц, представляющих собой в общем случае «сжатые» коммуникативные структуры, признаки дают основание для возврата к «двум фразеологиям» – фразеологии «в узком и широком смысле», тем более что главным признаком, отличающим их от «регулярного» для языка закона свободной комбинаторики, является воспроизводимость?

Думается, что ни термин «фразеология» в его «узком смысле», содержание которого обогащено за последние десятилетия лингвокогнитивным аспектом исследования под эгидой антропологической парадигмы, ни тем более термин фразеология «в широком смысле», которая переросла в теорию прецедентных феноменов, развернутую под знаменами этих же достижений современной лингвистической мысли, уже не отображают изначально заложенного в этот термин принципа системно-

структурного исследования и описания воспроизводимых языковых сущностей.

Помимо этого, объем фразеологии остается крайне размытым. За исключением достаточно четко выделяемых идиом и фразеологических сочетаний, обладающих номинативной функцией, он напоминает хаотичное нагромождение разных по признакам фразеологичности всех тех языковых структур, которые не производятся в речи, а воспроизводятся в ней.

Следует отметить, что и в единицах номинации существует масса фразеологизмов, которые утратили для «обычных» носителей языка свою изначальную образность. Мы имеем в виду не только идиомы, соотносимые с лексическими и морфологическими архаизмами, историзмами, «неправильными» кальками и т. п. (типа *семо и овамо, по-пасть впросак, не в своей тарелке* и т. п.), но и фразеологические сочетания, «связанное значение» которых также утратило изначальную образность (типа *оказать помощь, зло берет*, ср. ярость *охватывает*, но не *берет* и под.). Только этимологический или страноведческий анализ раскрывает их «внутреннюю форму» и ее образность.

Термин «прецедентные тексты», или «прецедентные феномены» (ср. его этимологический смысл: *лат. precedens, precedentis* – предшествующий), также не охватывает всего многообразия типов воспроизводимых языковых структур. Кроме того, остается вопрос: «предшествующий» или «прецедентный», т. е. предполагающий уже существующий и известный национально-культурному сообществу текст, а можно ли считать «прецедентными» фразеологические единицы лексикона, поскольку им «предшествует» образное основание, отражающее веками складывавшееся мироосознание и мировидение народа – носителя языка? При этом идиомы сами являются микротекстами, а фразеологические сочетания расширяют объем опорного для них концепта, как общее правило, соотносимого с константами культуры, (как они определены в [Степанов 1996: 76–78]). И те, и другие представляют собой (в терминологии Ю. С. Степанова) «фразеологические слои» в областях концептуализации констант культуры.

Во многом неопределенным и «промежуточным» остается в теории прецедентных текстов статус вышедших из прецедентных текстов фразеологизмов (типа *демьянова уха* и под.), штампов и клише, формул речевого этикета, пословиц и поговорок, а также самого понятия «прецедентной ситуации», введенного В. В. Красных, на основе которой последние и определяются как «прецедентные феномены» [Красных 2003: 170–173]. Но пословично-поговорочные речения являют собой

«народную мудрость» и как таковые принадлежат не к «общему» языку, но именно к народной культуре, которая межпоколенно воспроизводит их как издревле сложившиеся в ментальности народа на основе обиходно-бытовых ситуаций прескрипции этой культуры.

Думается, что вопрос о термине «прецедентные тексты» (по Ю. Н. Караулову), или «прецедентные феномены» (по В. В. Красных) не относится к терминологической казуистике, поскольку он касается общего имени для воспроизводимых языковых сущностей, которым в языке несть числа, вопреки его закону регулярно-свободной комбинаторики.

Мы полагаем, что термин «*воспроизводимые феномены*» может выполнять функцию общего имени, противопоставляющего воспроизводимые по смыслу и/или по форме языковые сущности производимым в дискурсивных практиках комбинаторным-языковым структурам – не только несколькословным наименованиям (идиомам и именам аналитического типа), но и «прецедентным текстам», а также собственным именам, символический смысл которых раскрывается на фоне этих текстов.

То, что культура оставляет свой след в языке, со времен Гумбольдта стало непреложным мнением и занимало умы младограмматиков и представителей психологического направления. Оставались открытыми вопросы: как культура воплощается в иноприродную для культуры систему языка и почему культура, воплощаясь в языковые знаки, придает им межпоколенную воспроизводимость?

Д. Н. Шмелев, оставаясь в рамках структурной доктрины языка и имея прежде всего явление многозначности, ввел, помимо парадигматического и синтагматического измерения лексики, еще и измерение эпидигматическое, или деривационное (в широком смысле). Он писал, что «внутриязыковые отношения двусторонних единиц не исчерпываются их линейными (синтагматическими) и ассоциативными (парадигматическими) связями», «благодаря тому, что каждая из этих единиц имеет материальную "форму" и смысловое "содержание", она является в какой-то мере и средоточием и этих двусторонних связей, объединяющих ее, с одной стороны, с рядами формально близких слов, с другой – с теми точками "семантического пространства", с которыми так или иначе соприкасается ее собственное смысловое "содержание"» [Шмелев 1973: 191].

Анализируя вторичные (обычно фиксируемые в словарях как переносные) признаки значений слов, в частности, типа *чернить*, *пятно* в сочетаниях со значением ‘клеветать на кого-л.’, ‘нечто позорящее, крайне неприятное’, Д. Н. Шмелев отмечал, что «в известном смысле

это не элементы собственно значения слова, а устойчивые ассоциации, связанные с представлением о явлении, которое обозначает слово. Но вместе с тем это и не полностью внеязыковые ассоциации <...> эти ассоциации образуют обширные тематические поля, втягивая в сферу своего воздействия целые группы слов <...> (ср., например, вторичные значения слов горячий – холодный и переносное употребление слов <...> *грязь, пачкать, марать* <...> *пятно, нечистый, чернить* и т. д.) [Шмелев 1973: 194]. Тем самым неизбежно был намечен выход и в культурно-семантическое пространство.

В связи с приведенной цитацией нельзя не вспомнить, что в словаре В. Даля, построенном на «гнездовом» принципе описания значений, был реализован еще в конце 80-х годов XIX в. деривационно-тематический подход к толкованию на основе языковых и внеязыковых ассоциаций, мотивирующий объединение значений слов и сочетаний слов в «гнезда» [Даль 1956]. В этом словаре явственно проступали и культурно-ассоциативные связи в пределах «гнезд».

Итак, на основе приведенного выше материала воспроизводимых в языке сущностей (а не производимых в нем согласно закономерностям свободной комбинаторики речевых практик) мы исходим из постулата о том, что воспроизводимость – это более широкий (чем только фразеологический) и неисчерпаемо глубокий феномен. Суть его заключена в том, что воспроизводимость есть (по преимуществу) проявление культурно-языковой компетенции, часто дремлющей в глубинах бессознательного: культурно-языковая память, впитавшаяся в живой язык «с молоком матери», – вот ключ к разгадке этого феномена (а заодно и самого содержания термина «воспроизводимость», изначально узурпированного фразеологией).

Провидение мотивированности «несобственно» языковых признаков с теми точками «семантического пространства», с которыми так или иначе соприкасается собственное смысловое «содержание» языковых единиц, в приведенных выше высказываниях Д. Н. Шмелева обрело характер закономерности в концептуализации, создающей именование концептов культуры [Степанов 1995: 40–76].

Ю. С. Степанов, определяя понятие концепта как константы культуры, считает, что процесс концептуализации, в частности в языке, не может не быть мотивированным. Он пишет, что «с в о б о д а в ы б о р а п р и з н а к а» при концептуализации «("случайность") <...> ограничена. Но тем самым характер закономерности приобретает не сам конечный результат – наименование, а тот ряд, в пределах которого наименование совершается. Ряд же принадлежит уже не

только языку, но сфере культуры, и закономерность наименования из сферы языка переносится в сферу культуры, связанную, в частности, и с языком. Такую сферу, точнее – каждую такую сферу (т. е. "ряд"), мы назовем "концептуализированной областью (сферой)". <...> "Концептуализированные области" <...> становятся одним из важнейших принципов группировки слов и "вещей" в новых представлениях о культуре – наряду с представлениями по принципам "полей", "рядов", "тематических групп" и т. д. Именно в таких явлениях, принадлежащих одновременно языку и культуре – вскрывается глубокая мотивированность наименований – неслучайность наименований. Язык принуждает – или, лучше сказать, – не принуждает, а мягко и благотворно направляет людей в именовании, присоединяя поименованное к самым глубинным пластам культуры» [Степанов 1997: 61, 68].

В концепции Ю. С. Степанова были «предрешены» вопросы не только, «как культура воплощается в язык», но и «почему она воплощается». Тем самым был открыт доступ к культурно-языковым коннотациям, которые, как уже отмечено нами выше, и являются опосредованными «свидетелями» результатов действия «языка-посредника», обеспечивающего взаимодействие разных семиотических систем – языка и культуры.

Прежде чем перейти к иллюстрации на конкретных примерах, соответствующих высказанной нами гипотезе о том, что феномен воспроизводимости обусловлен фактором наличия в них иноприродных естественному языку глубинных «слоев» концептов культуры, необходимо в рамках частной эпистемологии лингвокультурологии предъявить своего рода модель того, из чего и как сконструированы эти воспроизводимые объекты.

Лингвокультурология, если она стремится избежать «плоскостного» описания взаимодействия языка и культуры, а именно – использование данных только значения языковых знаков и их плана выражения (включая явленную в нем внутреннюю форму или этимологические истоки), должна включить в модель и данные «языка» культуры. Иными словами, эпистемическую объемность объект лингвокультурологии обретает только при условии такого его конструирования, в котором сочетались бы факты и естественного языка, и семиотически иноприродной языку предметной области культуры (о чем нам уже неоднократно приходилось писать, см., напр., [Телия 1996; 1999] и др.).

Чтобы наглядно прояснить сказанное, используем схематическое отображение того, какие факторы взаимодействуют при интеракции семиотически иноприродных сфер – системы языка и порожденной на ее основе наивной картины мира, с одной стороны, а с другой – концеп-

тосферы культуры, и каковы результаты этой интеракции, осуществляемой субъектом языка, который является и субъектом культуры. При этом мы исходим из допущения, что носитель языка и культуры осуществляет концептообразующую процедуру, исходя из осознанного или интуитивного намерения интерпретации языковых знаков как знаков «языка» культуры, владея (в том или ином инвариантном – по Красных – объеме) когнитивной базой культуры.

Поэтому в приводимой ниже схеме в начале дается модельное представление о базовых составляющих «языка» культуры (вариант этой схемы был впервые опубликован в [Телия 2002: 92–93]).

Предметная область культуры

Культурные модели мира: формы их «бытия» в ментальных структурах коллективных представлений или в глубинах коллективного бессознательного: архетипические, ритуальные, мифологические, религиозные и т. п.

Инструментарий культуры: анимизм, фетишизм, табу, отождествление целого и части и т. п.

Коды культуры: космический, пространственный, временной, вещный, зооморфный, фауноморфный, гастрономический... антропоморфный и под.

Тексты культуры // Тезаурус культуры

Константы культуры, «парящие» (по Ю. С. Степанову) над сферой языковой ее концептуализации.

Предметная область естественного языка

Языковой знак: означаемое/означающее.

Внутренняя форма знака (форма содержания/форма выражения, по Г. Шпету).

Ментальные структуры знания

Когнитивный инструментарий оязыковлениа.

Язык.

Наивная языковая картина мира.

Мир «Действительное» и мир «Идеальное» (по А. Вежбицкой).

Культурная коннотация как результат интерпретативно-концептуализирующего соотнесения естественно-языковой семантики с различными слоями области констант культуры: с культурными концептами, символами, ритуалами, мифологемами, эталонами, стереотипными представлениями и т. п., воплощенными в форму содержания и/или форму выражения двусторонних языковых сущностей.

Объект лингвокультурологии: двусторонний языковой знак (любой протяженности), окультуренный смысл которого создается культурно-коннотативной референцией к какой-либо части или к целостному содержанию знака «языка» культуры.

Всякая схема упрощает и потому нуждается в некоторых комментариях. Приведем самые необходимые:

(1) Построчное построение схемы не имеет ничего общего с пространственно-временными процессами последовательности возникновения форм культурного осознания мира (К. Леви-Брюль, Э. Тайлор).

(2) В схеме не раскрыты процедуры языковой категоризации и концептуализации, соответствующие интенции говорящего употребить языковой знак для выражения смысла, несущего информацию о концепте культуры, в области концептуализации которого и формируется его значимость как одного из «слоев» этого концепта в «языке» культуры, а также то «место», которое занимает культурная коннотация как след интерпретативно-концептуализирующего осознания слушающим интеракции языковой и культурной памяти субъектов языка и культуры (о локализации и содержании культурной коннотации более подробно, хотя и в конспективной форме, поскольку нам уже неоднократно приходилось писать об этом, см. ниже).

(3) Представляется, что объект лингвокультурологии выделен в схеме достаточно четко: языковой знак, когда он играет роль «тела» для концептов «языка» культуры, выступает как знаковая их презентация в целом, но при этом языковой знак в пространстве системы языка не утрачивает своих «первоприродных» функций языковой номинации и коммуникации.

(4) Из приведенной выше схемы следует, что основными методами лингвокультурологии мы считаем:

а) описание средств и способов естественной языковой категоризации и концептуализации констант культуры, выступающих как «фигура на фоне» всех значимых для предметной области культуры сущностей;

б) процедуры интерпретации (непрерывно включающие в себя выводное знание) тех языковых выражений, которые принадлежат семиотической системе языка как средству коммуникации, в пространстве другой семиотической системы – культуры [Телия 1993], между которыми, согласно уже приведенному выше мнению акад. Ю. С. Степанова, нет одно-однозначного соответствия;

в) процедура интерпретации мыслится нами как когнитивная процедура выявления культурной коннотации: той информации, которая интроспективно создается субъектом языка и культуры и которая содержится в форме содержания или форме выражения языковых сущностей, неся сведения о концептуальной интеракции языкового знака со знаком «языка» культуры.

Итак, *культурная коннотация* – это тот «след», который оставляет осмысление языковых знаков как части текста или целого текста в концептуальном пространстве «языка» культуры, или, используя терминологию Ю. С. Степанова, в «областях концептуализации, над которыми "парят" константы культуры».

Когнитивная процедура культурно-языковой интерпретации заключается не только и не столько в выявлении ассоциативно-мотивированной для субъекта языка и культуры корреляции между языковым знаком и знаком «языка» культуры (чем обычно и ограничивается описание «культурной семантики» языковых знаков в школе Н. И. и С. М. Толстых).

Суть этой процедуры – установление на основе такого рода корреляции «вершинного» для языковых знаков, выступающих в роли знаков «языка» культуры, модуса культурной коннотации, который в самом обобщенном смысле можно представить в виде модальной рамки: «достойно / недостойно личности моральное (для фактов социальной культуры) или нравственное (для культуры духовной) мироосознание, характерное для лингвокультурного сообщества».

Речь в данном случае идет об «общем», инвариантном для социума мироосознании, в силу чего приведенный выше модус имеет статус «общих» же для субъектов языка и культуры предпочтительных установок, или прескрипций. Естественно, что в зависимости от того, с каким из социумов и с какими духовно-нравственными предпочтениями субъект языка и культуры себя идентифицирует, варьирует и характер мироосознания (см., например, по этому поводу [Современный... 2003]). При этом и тот и другой модусы, как общее правило, синергетически взаимодействуют в одном языковом выражении, проявляясь как прескрипции морально-нравственные.

Независимо от инвариантных для лингвокультурного сообщества или его социально-духовных вариантов мироосознания, суть когнитивной процедуры, создающей культурно-языковую коннотацию и ее модус, имеет, по всей вероятности, панхронический и универсальный характер для окультуренных народов.

Содержание культурной коннотации, в отличие от собственно языкового спектра – рационально-оценочного, эмоционального, функционально-стилистического, вычерпывается из референции к предметной области культуры и оставляет свое косвенное свидетельство в регистре чувств-отношений (которые мы рассматриваем как реакцию на упомянутый выше инвариантный для культурной коннотации модус) типа «одобрение», «неодобрение», «презрение», «пренебрежение» и т. п.

Ниже мы позволим себе небольшой историографический экскурс в понятийно-терминологическое содержание упомянутых выше чувств-отношений.

Как лексикографические пометы *одобр.* (одобрительно), *неодобр.* (неодобрительно), *презр.* (презрительно), *пренебр.* (пренебрежительно), *уничж.* (уничжительно) и т. п. употреблялись еще в «Словаре Академии Российской» (1847 г.). И эта лексикографическая традиция сохраняется и в наше время, свидетельствуя о том, что и впоследствии составители словарей, употребляющие эти пометы, интуитивно осознавали их «инородность» собственно оценочному, эмоциональному и функционально-стилистическому регистрам.

Пометы такого рода были теоретически осмыслены в конце 80-х годов XX в. в ряде концепций как выражающие эмотивность языковых сущностей (см., например, [Лукьянова 1986; Шаховский 1987]).

Необходимо отметить, что реестр этих помет не совпадает в терминосистемах, используемых, по крайней мере, в славянских, германских и романских языках, а их значение не совпадает с обычными значениями слов типа *одобрять*, *презирать*, *пренебрегать* и под.

Автор этой работы тоже долгое время был сторонником склеенного эмоционально-оценочного, или эмотивного, смысла такого рода помет, полагая, что они подводят своего рода экспрессивный итог всех модусов субъекта языка, употребляющего образно мотивированные слова или фразеологизмы.

И только обращение к их культурным истокам прояснило, в чем заключена уже упомянутая выше их иноприродная языку как средству коммуникации суть: субъектом такого рода помет является личность как носитель культуры, владеющая культурно-языковой компетенцией, выносящая свой вердикт тому, что обозначено языковым знаком. Небе-

зынтересно отметить, что В. И. Шаховский, считая, что «базовые эмоции универсальны, общечеловечны» (как и категория эмотивности), в одной из последних работ пишет, что «сфера эмотивной фразеологии в межкультурной коммуникации – это в принципе сфера лингвокультурных лакун за счет эмотивных спецификаций национально-культурных образов, варьирующих семантику универсальных эмоций. Этот тезис справедлив и для многих словных эмотивов» [Шаховский 2004: 47–48].

Чтобы прояснить сказанное, приведем пример интерпретации образно мотивированного фразеологизма *выйти из себя* ‘пребывать в состоянии нервного возбуждения, озлобления, досады; терять самообладание, хладнокровие’ в когнитивной семантике, с одной стороны, а с другой – в рамках лингвокультурологии.

В когнитивной семантике это выражение описывается как образная схема контейнера, в рамках которого и осуществляется концептуализация раздвоенного состояния субъекта. В референтном аспекте «Я» и его объектное *себя* тождественны, выражение указывает на раздвоение целостного «Я»: первое хотя бытийно и остается как бы в пространстве «Я» и вместе с тем создает в наивной картине мира представление о теле как о вместилище психоэмоционального «Я»-субъекта в его естественном телесном пространстве-контейнере, но не входит в фокус объекта этого контейнера, а его бытийное место занимает пассивная объектная копия (см. [Кубрякова 1999; Берестнев 2000]).

Тем самым в когнитивной семантике в фокусе внимания находится категоризация и концептуализация человека как целостного «Я» в его телесном и психоэмоциональном аспектах. Категория «Личность» субъекта как константы культуры остается вне этого фокуса. И не случайно в когнитивной лингвистике культурная коннотация и ее содержание остаются неинтерпретируемы.

В рамках лингвокультурологии, для которой личность является базовым концептом, «Я» и его объектная форма *себя* вписываются в категорию идентичности, как одного из признаков константы культуры «Личность». Состояние раздвоения личности интерпретируется в концептосфере культуры в архетипической оппозиции «свой / чужой», т. е. другой, не идентичный своему «Я». В мистико-мифологических формах осознания мира эта инаковость своему «Я» могла означать в коллективных представлениях разного рода оборотничество, а в библейских пластах культуры *выйти из себя* значило поддаться греховной самости, что «недостойно человека», созданного «по образу и подобию Божию» [Телля 2002, 94–95]. Ср. также архетипическое значение оппозиции «свой / чужой», которое обретает в сочетаниях типа *выйти из себя, сам*

не свой, вне себя и т. п. (описанных В. В. Красных для находящегося в печати «Большого фразеологического словаря. Значение. Употребление. Культурологический комментарий») культурно значимый смысл ‘отчужденный, инаковый для личности в ее ментально-эмоциональной идентичности, подпавший под действие нечистой силы, оборотничества’ и освобождение от раздвоенности личности в выражениях типа *прийти в себя*.

Тем самым в лингвокультурологическом анализе приведенных выражений «Я» и его объектная форма интерпретируются на фоне константы культуры «Личность» и категории ее идентичности, а образная схема контейнера «вместилище» сохраняет лишь мотивирующее представление о личности как совокупности входящих в нее свойств, вместе создающих «Я»-особь.

Поскольку концепт «Я» является основой осознания человеком его личностной идентичности, то и приведенные выше примеры выступают как знаки «языка» культуры, входящие в область концептуализации константы «Личность». При этом они наследуют при категоризации и концептуализации не только этимологические и тропеические признаки, которые просвечивают через форму содержания и форму выражения языковых знаков, но, проходя через фильтр «языка» культуры – ее кодов и символика (вплоть до археологических их пластов – архетипов и мифологем), – обретают мотивацию для их выбора в качестве означающих для знаковой презентации «слов» (по выражению Ю. С. Степанова) культурно-значимого смысла константы «языка» культуры «Личность». Напомним в этой связи, что Ю. С. Степанов в качестве одного из принципов культуры называет «неслучайность наименования», обретаемого концептом культуры (или его части) в области его языковой концептуализации [Степанов 1997: 62–64].

Таким образом, лингвокультурология, используя аппарат когнитивистики, идет дальше семантического анализа, привлекая к интерпретации смысла культурно маркированных языковых знаков категоризацию и концептуализацию, действенную для «языка» концептосферы культуры.

Применительно к материалу фразеологии основой для исследования лингвокультурологического аспекта взаимодействия языка и культуры, которое было нацелено на то, чтобы ответить на вопросы не только *как*, но и *почему* эта интеракция осуществляется, послужили работы в этой области членов Проблемной группы Института языкознания РАН «Общая фразеология. Язык и культура» (под руководством В. Н. Телия), в работе которой активное участие принимал Д. О. Добровольский. И сама постановка проблемы, и ее решение не родились, как Афродита из пены.

И то, и другое рождались в процессе создания словарных статей в рамках экспериментального проекта по созданию Машинного фонда русского языка (под эгидой Президиума АН СССР, рук. Ю. Н. Караулов), частью которого являлся и проект Машинного фонда русской фразеологии [Фразеогрфия... 1990]. Только семантический блок этих статей предусматривал 38 возможных типов информации, для которой Ю. П. Скоканом была создана программа. (К сожалению, проект Машинного фонда в целом не был завершен из-за отсутствия финансирования. И как не вспомнить в связи с судьбой этого проекта воспроизводимую более четырех веков сентенцию В. Шекспира: «Так погибают замыслы с размахом, вначале обещавшие успех», и переключку этого прецедентного высказывания с прецедентным же изречением В. Черномырдина, ставшим уже воспроизводимым, хотя изначально оно было погружено в политический дискурс России середины 90-х годов прошлого века: «Хотели, как лучше, а получилось, как всегда»!).

Участниками проекта и членами вызревшей из него указанной Проблемной группы было установлено, что фразеологизмы-идиомы – это знаки-микротексты, имеющие сложную макрокомпонентную структуру – денотацию, рациональную оценку, мотивационный комплекс, образуемый формой выражения и формой содержания, в образное содержание которых вклиниваются слова (или ряд слов, часто архаичных) и словоформы, смысл которых включается в тропеическую их структуру, в уже «готовое» их значение, синтаксическую и/или морфологическую парадигму (что и позволило в рамках фразеологии относить случаи подобного рода к результатам исторических видоизменений).

Стало очевидно, что значения такого рода слов и словоформ, метонимически инкорпорированных в тропеический фон фразеологизма, не совпадают с их «свободными» значениями, обычно фиксируемыми в словарях (или помечаются в них пометой *перен.*), и что именно их комбинаторные связи всегда имеют неполную парадигму по сравнению с общими «правилами» сочетаемости. Более того, подобные слова и словоформы обладают своим символическим, эталонным или стереотипным (восходящим к ритуалу) смыслом (типа *взять власть в свои руки*, *болеть душой* или *сердцем*, *от горшка два вершка*, *гроша ломаного не стоит*, *перемывать косточки*, *от ворот поворот* и т. п.).

Кроме того, такого рода сочетания обычно и сопровождаются в словарях разного типа пометами типа *одобр.*, *неодобр.*, *презр.*, *пренебр.*, *уничиж.* и т. п. (подробнее см. [Макет... 1991]).

Теоретическое осмысление опыта по созданию словарных статей для Машинного фонда русского языка в когнитивно-интерпрета-

ционном аспекте, предпринятое М. Л. Ковшовой, подтвердило, что фразеологизмы-идиомы как «свернутые микротексты» в своем основном большинстве несут в себе «особый категориальный компонент – культурную коннотацию, понимаемую автором как особый тип знания, возникающий (актуализирующийся) в ходе культурной интерпретации – процедуры опосредования макрокомпонентов значения ФЕ в семантическом пространстве категорий культуры» [Ковшова 1996: 13]. Как пишет М. Л. Ковшова, «образно-ассоциативный комплекс ФЕ <...> коннотирует (взаимодействует) с системой эталонов, стереотипов, символов и т. д., выработанных в системе народного мировоззрения; с помощью коннотаций осуществляется связь между ФЕ и духовной (мы бы добавили – социальной и материальной. – В.Т.) культурой народа» [Ковшова 1996: 12].

Благодаря этой ассоциативно-интерпретативной соотнесенности фразеологизмов (и – как мы намерены показать ниже – всех воспроизводимых языковых структур) знаки языка в их двусторонней связи обретают способность выступать как экспоненты «языка» культуры, традиционно передаваемые из поколения в поколение [Телия 1993].

Таким образом, уже в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого века участники проекта по созданию Машинного фонда фразеологии русского языка установили в ходе эксперимента, что в тропеическую структуру фразеологизмов (частично или полностью) вклиниваются иноприродные ей сущности, принадлежащие «языку» культуры как особой семиотической концептосферы.

И вместе с этим возникла проблема поиска ответа на вопрос не только *как*, но и *почему* уже упомянутые выше экспрессивные пометы типа *одобр.*, *неодобр.*, *презр.*, *пренебр.* и т. п. обычно сопровождают те языковые сущности, которые так или иначе ассоциируются с концептосферой культуры и выражают морально-нравственное по своему содержанию мнение личности как субъекта культуры о различного рода проявлениях свойств или качеств другой личности же как объекта эмоционально-оценочного отношения.

Кроме того, возникла необходимость найти ответ на вопрос, как построить объект дальнейшего исследования, в котором была бы определена референция семантики двусторонней структуры собственно языкового знака и «языка» концептосферы культуры, а тем самым – определить содержание культурной коннотации, субъектом которой является личность, выносящая свой «вердикт» о достойном или недостойном проявлении свойств и качества «другого» с позиций ее культурно-языковой компетенции.

Построение нового объекта исследования вызвало, в свою очередь, необходимость деконструкции культурной коннотации как связующе-интерпретативного звена между двусторонним языковым знаком и концептосферой культуры при сохранении вершинного модуса культурной коннотации, выражающего мнение субъекта культуры о достойном / недостойном проявлении свойств и качеств личности. Этот вершинный модус нуждается в конкретизации и расширении за счет указания на сопровождающее его одобрение, неодобрение, презрение, осуждение, пренебрежение и под. в зависимости от того, по какому именно аспекту содержания языкового знака и его ассоциативно-образного комплекса, с учетом текстовых пресуппозиций, эмпатии говорящего, высказываний о третьем лице, о собеседнике, о себе самом это мнение выражается.

Первая и пока что единственная попытка исследовать в семантическом ракурсе содержание структуры упомянутых выше экстенционалов чувств-отношений в русском языке, традиционно используемых в лексикографической практике как эмотивные (или экспрессивные) пометы, была предпринята в работе Т. А. Графовой. Данное исследование показало, что это содержание указывает не только на рациональную и эмоциональную оценки – оно «представляет собой сложные аспектуализированные чувства-отношения, детерминированные категориями текста <...> от того, кем является и кем себя считает, какую роль берет на себя субъект <...> от того, кем (чем) является в его глазах объект», но – главное – отсылает к моральному и/или нравственному аспектам оценки субъектом речи того, что «подсказывают» мировидение и миропонимание, запечатленные в образно-мотивирующем основании слов и фразеологизмов (см. [Графова 1991: 98–99]).

Знаменательно то, что в Теории речевых актов репертуар «вердиктивов», эксплицирующих (по Остину) иллокутивную силу высказывания, почти полностью совпадает с репертуаром традиционно-лексикографических помет, приведенных выше (уместно напомнить, что наименования «вердиктивов», в том числе и употребляемых как словарные пометы, не совпадают в английском и русском языках).

Дж. Остин писал, что «вердиктивы выделяются по признаку вынесения приговора присяжным, арбитром или рефери, что и заключено в их названии» [Остин 1986: 119]. И еще важное для нас высказывание: «В жизни человека часто бывают ситуации, когда он испытывает какую-либо "эмоцию", или желание, или определенным образом относится к чему-либо <...> данную эмоцию или желание можно, конечно, испытывать реально; но поскольку другим людям нелегко распознать наши чувства или желания, то мы обычно и с п ы т ы в а е м п о т р е б -

ность сообщить окружающим об их наличии» (выделено нами. – *B.T.*). И далее приводятся примеры, в которых имеют место и прямые соответствия указанных выше чувств-отношений: «Я порицаю», «Я одобряю», «Я осуждаю» [Остин 1986: 73].

Однако это совпадение содержания и функциональной роли «вердиктивов» долгое время оставалось вне поля зрения исследователей, занимающихся проблемами эмотивности.

Итак, «вершинный» модус культурной коннотации – «достойно / недостойно личности моральное (для фактов социальной культуры) или нравственное (для культуры духовной) мироосзнание, характерное для лингвокультурного сообщества». Именно этот модус отличает его от других модусов разного рода: от рационально-оценочных отношений, отображаемых обозначаемым языковой сущности, от собственно эмоциональных позитивных или негативных реакций-переживаний по поводу обозначаемого, а также от отображаемого ею эмотивного отношения, или «вердиктивов», репертуар которых неоднократно приводился выше.

Весь этот кортеж коннотаций переключается при наличии «вершинного» модуса культурной коннотации на интерпретацию языковой сущности в пространстве концептосферы культуры, для которой базовой категорией является Личность, и – соответственно – на референцию обозначаемого языковой сущности к этому пространству и его базовому субъекту – Личности.

В результате такого деконструктивного переключения «вершинный» модус культурной коннотации выступает как модус-посредник между собственно естественно-языковым кодом и кодом культуры, а обозначаемое языковой сущности воспринимается на «языке» культуры и потому обретает способность выполнять роль знака «языка» культуры.

Попытка конструктивного решения ряда проблем лингвокультурологического анализа на материале фразеологии была предпринята авторами «Большого фразеологического словаря. Семантика. Употребление. Культурологический комментарий» И. С. Брилевой, Д. Б. Гудковым, И. В. Захаренко, И. В. Зыковой, С. В. Кабаковой, М. Л. Ковшовой, В. В. Красных (по проекту В.Н. Телия – отв. редактора издания), в котором фразеологизмы разных типов впервые исследуются и описываются как знаки «языка» культуры. Содержание эмотивных помет в этом словаре по-прежнему сохраняется в традиционном для лексикографической практике виде (что было обусловлено ориентацией на широкий круг читателей, а также тем, что изложенная выше деконструкция культур-

ной коннотации осложнила бы привычный для него формат лексикографического описания).

Опыт работы над словарем показал, что общие закономерности, присущие культурной коннотации фразеологизмов как знаков языка, однотипны закономерностям, характерным для референции к предметной области культуры тех текстов и дискурсивных практик, верификация которых имеет своими глубинными истоками не семантику этих образований, а их культурные смыслы.

Таким образом, сам термин культурная коннотация нуждается, как уже отмечалось выше, в деконструкции: речь идет об активации того культурного смысла, который соотнобразится со смыслом, согласующимся с текстом, в котором он реализует свое содержание.

Ответы на эти вопросы проясняют, как представляется, на основе чего осуществляется референция к ним в традиционно воспроизводимых прецедентных феноменах культурной коннотации, придающих этим феноменам роль знаков «языка» культуры.

Итак, в работе рассматривается способность нести сигналы, сообщающие о референции языковых знаков к предметной области культуры – «инаковой» по отношению к естественному языку семиотической системы, отображающей результаты и непрерывные процессы самоосознания человеком своего личного, межличностного и надличностного бытия в мире – как в микрокосме, так и в макрокосмической Вселенной.

Если в языковых знаках присутствуют знаки «языка» культуры, они, при условии сохранения ими смысла, присущего концептосфере культуры, оказывают непосредственное воздействие на ограничения свободы комбинаторно-лексического выбора, характерного для семантико-синтаксических «правил» естественного языка. И это проявляется, как общее правило, в «несвободной» – и мы бы добавили, в культурной связанности – воспроизводимости языковых сущностей. Следует еще раз отметить, что культурная связанность отличается от связанности комбинаторных структур, порожденных внутренними законами развития языка, в результате действия которых языковые сущности утрачивают мотивированную референцию к предметной области культуры.

Типология, намечающая предметную область воспроизводимых феноменов, представлена в данной статье в самом общем виде, когда приводятся типы воспроизводимых феноменов без рассмотрения существенных деталей и подробностей.

I. Единицы языка.

1) **Несколькословные номинативные единицы языка:** фразеологизмы-идиомы (сращения и единства) – известный по трудам Ш. Балли, В. В. Виноградова фразеологический («в узком смысле», по С. И. Ожегову) корпус языка.

2) Фразеологические сочетания (или аналитические структуры, по В. Г. Гаку), где в качестве опорного наименования выступает концепт культуры, а культурно-связанное значение выполняет роль косвенного наименования: *хранить терпение, раб страстей, злая судьба* и под.

II. Единицы дискурса³.

1) **Собственные имена**, выполняющие в тексте функцию символярия культуры: *Плюшкин, Обломов* и т. п.

2) **Сочетания слов, функционирующие как «фигура на фоне»** культурных текстов во всем их многообразии: *Баба-Яга, Аленький цветочек, волшебная палочка* и под.

3) **Моно- и полипредикативные высказывания:** *остаться у разбитого корыта; Все смешалось в доме Облонских; коня на скаку остановит, в горящую избу войдет* и под.

4) **Рассеянные по тексту имена, ассоциируемые с прецедентными ситуациями;** см., например, библейскую ситуацию греховного соблазна, устойчиво сопровождаемую связями: *змей, женщина/Ева, яблоко* и т. п.

5) **Канонические правила организации текстов**, создающие стилевые пласты разных эпох и культур (**каноны**): ср., например, мифологические, фольклорные тексты, а также различные жанры (например, средневековая баллада, тексты романтизма, символизма и под.).

В культурной коннотации языковые сущности играют роль символов, эталонов, мифологем и других видов знаков символярия (в смысле В. Н. Топорова) «языка» культуры. Поэтому их интерпретация должна осуществляться в пространстве концептосферы культуры.

В соответствии с развернутой выше гипотезой предполагается уточнить различие в закономерностях 1) воспроизводимости лексико-синтаксических структур как следствие внутренних для языка процессов его исторического развития (В. В. Виноградов), типа *оказать помощь, коварная судьба*, но **коварная доля, участь*, и 2) их воспроизводимости, обусловленной эксплицитной или имплицитной концептуаль-

---

³ В процессе создания данного фрагмента типологии самое активное и непосредственное участие принимала В.В. Красных.

ной связью с вкрапленными в языковые выражения знаками «языка» социальной и духовной культуры, типа *держат в руках*, где *рука* – символ политической власти или власти имущественной, *под носом, под рукой, ни на шаг*, где сочетания в целом выступают как эталоны достижимого для человека соматического пространства, *река забвения*, где прослеживается аллюзия к мифологическому представлению о смерти как переправе через реку Стикс и т. п.

Такой подход создает предпосылки для изучения и описания собственно культурной семантики, предопределяющей воспроизводимость фразеологизированных выражений как экспонентов знаков «языка» культуры – национальной или универсальной.

Деконструкция живой археологии культуры – один из путей выявления традиционной воспроизводимости *прецедентных* языковых сущностей и их культурно значимого смысла.

Пути к интерпретации языковых сущностей в контексте культуры мы усматриваем в нескольких этапах преодоления этого пути.

Первый шаг – это соотнесение языковых структур с *базисными пластинами культуры*.

Второй – установление корреляции с *кодами культуры*, теми источниками окультуренного мировидения (живыми существами, артефактами, ментефактами), которые явились предметами культурного осмысления и оценивания в контексте культуры и которые служат своего рода «обозначаемыми» собственно культурных знаков, которые и лежат в основе тропеического осмысления языковых сущностей, представляя собой «подоснову» культурной интерпретации явленного в языковой оболочке языкового образа.

Третий шаг – соотнесение с *тропами и интерпретация фразеологизированных структур в контексте культуры*, т. е. на ее «языке».

Четвертый шаг – расшифровка собственно языкового образа в целом как знака «языка» культуры или роли компонентов этого образа как *элементов символика культуры*.

Базисные пластины культуры.

а) *Архетипические* (от *греч.* прообраз, первоначало; образец), т. е. наиболее древние формы коллективно-родового (надличностного) осознания и моделирования мира-хаоса; архетипы – результат схематизированного преобразования хаоса в порядок, основанный на типизированно-системных оппозициях («верх / низ», «короткий / длинный», «чистый / грязный», «свой / чужой» и т. п.). Архетипы лежат у истоков универсального или этнического окультуренного формирования

ния констант мира духовного и представляют собой спонтанно действующие (как в диахронии, так и в синхронии) интуитивно постигаемые когнитивные структуры обработки, хранения и репрезентации коллективного опыта. Напр., *во всю ширь* восходит к архетипическому противопоставлению «широкий – узкий», *на носу* в целом восходит к «близкий – далекий», *свой парень*, *Ну как не порадеть родному человечку* – к «свой – чужой», ср. также проходящее по всему роману «Война и мир» подразделение на «свой / чужой, опасный».

б) Древнейшие мифологические представления об окультуренном мироустройстве, преображающем в сознании человека хаос в антропоморфный космос, воспринимаемый «на веру» как объективный миропорядок, в том числе и «вещный». К такого рода представлениям относится анимизм, т. е. одушевление и часто символизация частей тела (соматизмов), особенно «орудийных», объектов «предметного» мира и мира зооморфного; фетишизм, т. е. почитание «вещей» как магически-божественных существей; *табу* и т. п.) (напр., *в глубине души*; *полон рот забот*, *родиться в рубашке*, см. *вода* и *огонь* как очищающая сила, а также «Кысь» Т. Толстой и под.).

в) Мифы, т. е. зафиксированные тексты и аллюзии к ним, соответствующие мифопоэтическому восприятию мира (древнегреческие и т. п. мифы, напр., *разрубить гордиев узел*; *персонажи низшей мифологии* (*русалка*, *домовой*, *кикимора* и др.); *персонажи волшебных сказок* (*Баба-Яга*, *Кощей Бессмертный* и др.) и т. п.)

г) Ритуал, т. е. исторически сложившаяся форма предсказуемого, социально канонизированного, упорядоченного поведения (в том числе – обряд, оберег, обычай), изначально преследующего цели сакрально-символического – магического или религиозного воздействия на некоего адресата (см., напр., *перемывать косточки*, *не выносить сор из избы*, *от ворот поворот*; *накормить*, *напоить*, *спать уложить* и под.).

Ритуал и миф – две формы коллективного окультуренного восприятия мира, ни одна из которых не является первичной по отношению к другой.

д) Библейские слои культуры – книги Ветхого и Нового Завета, а также апокрифическая литература (ср., напр., *лепта вдовицы*; *козел отпущения*; *голос крови*; *якорь спасения* и т. п.).

е) Фольклор, представляющий собой неисчерпаемый запас народно-традиционных прескрипций.

ж) Художественно-литературные тексты разных исторических периодов и жанров, представляющие собой «образцы»

направлений в искусстве (... барокко, романтизм...), или известных писателей (напр., *дым отечества, пустая бочка громче гремит*).

е) Публицистические тексты и другие средства массовой культуры (напр., *сесть на иглу; залезать в окопы*).

Возможны и другие источники, которые так или иначе указывают на связь образа фразеологизированной структуры с формами мировидения и/или миропонимания, напр., *Мамаево побоище; заткнуть за пояс; шапками закидать*.

Коды культуры.

Они представляют собой многообразный реестр «строительного материала» для тропа. Помимо уже упомянутых выше: домоустроительный (напр., *строить замки на песке, танцевать от печки*), гастрономический (напр., *заварить кашу, хлеб-соль*), природно-ландшафтный (напр., *пуп земли; как с луны <с неба> свалился*), духовно и/или религиозно-антропоморфный код (напр., *совесть зазрела; Бог его знает; черт ногу сломит; у черта на рогах*); временно-пространственный коды (напр., *час пробил, на край света; медвежий угол*). Полного списка кодов, насколько нам известно, еще не существует ни в этнологии, ни в лингвокультурологии.

Тропы и интерпретация.

Метафора – это основанное на сходстве по аналогии или подобию *переосмысление* обозначаемого уже готового знака для выражения нового номинативного/коммуникативного замысла и «сотворение нового» (по Аристотелю) значения знака путем отбора и синтеза признаков, пригодных для нового обозначаемого. Аналогия удерживает в метафоре двуплановость, мотивированность (за исключением «стершихся» метафор).

В метафоре языковой образ через коды культуры уподобляется его культурно-концептуальному содержанию. Напр., *выходить/выйти из себя* – внешние (поведенческие) проявления человека уподобляются его психо-эмоциональному состоянию, вызванному «расщеплением» целостности «Я», когда эмоциональное «Я» более не подконтрольно «Я» рациональному, интеллектуально-волевому, что недостойно человека.

Как известно, помимо метафоры существуют и другие виды тропов, напр., синекдоха, метонимия, оксюморон.

«Симболярный», или «язык», культуры.

Указанные ранее шаги с полной неизбежностью приводят к интерпретации фразеологизированных структур как знаков языка культуры.

Л и т е р а т у р а

- Балли Ш.* Французская стилистика (1909). М., 1961.
- Берестнев Г.И.* Самосознание личности в зеркале языка: Автореф. ... д-ра филол. наук. М., 200.
- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., 1983.
- Виноградов В.В.* Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины (1946) // В.В. Виноградов. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977.
- Гак В.Г.* Сопоставительная лексикология. М., 1977.
- Гак В.Г.* Асимметрия в лингвострановедении (1994) // В.Г. Гак. Языковые преобразования. М., 1998.
- Графова Т.А.* Смысловая структура эмотивных предикатов // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. М., 1991.
- Гудков Д.Б.* Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М., 1999.
- Гумбольдт В. фон.* О двойственном числе // Язык и философия культуры. М., 1985.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956.
- Демьянков В.З.* Когнитивная обработка и переработка // Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
- Демьянков В.З.* Когнитивная обработка языковых данных // Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
- Жолковский А.К., Мельчук И.А.* О системе семантического синтеза. 1. Строение словаря // Научно-техническая информация. М., 1966.
- Захаренко И.В.* Прецедентные высказывания и их функционирование в тексте // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. М., 1977.
- Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987.
- Ковшиова М.Л.* Культурно-национальная специфика фразеологических единиц (когнитивные аспекты): Автореф. ... канд. филол. наук. М., 1996.
- Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д.* Как тексты становятся прецедентными // РЯЗР. 1994, № 1.
- Красных В.В., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Багаева Д.В.* Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1997, № 3.
- Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003.
- Кубрякова Е.С.* Категоризация // Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
- Кубрякова Е.С.* Семантика в когнитивной лингвистике (О концепте контейнера и формах его объективации в языке) // Изв. АН Сер. лит-ры и языка. 1999. Т. 58, № 5-6.
- Лукьянова Н.А.* Экспрессивная лексика разговорного употребления. Новосибирск, 1986.
- Макет словарной статьи для автоматизированного толково-идеографического словаря русских фразеологизмов. Образцы словарных статей. М., 1991.
- Ожегов С.И.* О структуре фразеологии (в связи с проектом фразеологического словаря русского языка) // Лексикографический сборник. Вып. II. М., 1957.
- Остин Дж.Л.* Слово как действие // НЗЛ. Вып. XVII. Теория речевых актов. М., 1986.
- Постовалова В.И.* Лингвистическая гипотеза в аспекте науковедения // Гипотеза в современной лингвистике. М., 1980.
- Постовалова В.И.* Лингвокультурология в свете антропологической парадигмы (к проблеме оснований и границ современной фразеологии) // Фразеология в контексте культуры. М., 1999.
- Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь. Вып. 1. М., 2004.
- Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2003.

- Степанов Ю.С.* Семантическая реконструкция (в грамматике, лексике, истории культуры) // Proc. of the Eleventh Intern. Congr. of Linguists. Bologna-Florence. Aug. 28–Sept. 2, 1972. Bologna, 1974. (Цит. по: Степанов Ю. С., Проскурин С. Г. Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в период двоеверия. М., 1993.)
- Степанов Ю.С.* Введение // Гипотеза в современной лингвистике. М., 1980.
- Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.
- Телия В.Н.* Культурно-национальные коннотации фразеологизмов (от мировидения к миропониманию) // Славянское языкознание. М., 1993.
- Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
- Телия В.Н.* Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. М., 1999.
- Телия В.Н.* Объект лингвокультурологии между Сциллой лингвокреативной техники языка и Харибдой культуры (к проблеме частной эпистемологии лингвокультурологии) // С любовью к языку: Сб. науч. трудов. Посвящается Елене Самойловне Кубряковой. М.–Воронеж, 2002.
- Телия В.Н.* Культурно-языковая компетенция: ее высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического фонда языка. М., 2004.
- Толстой Н.И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.
- Топоров В.Н.* Вещь в антропоцентрической перспективе (апология Плюшкина) // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. Избранное. М., 1995.
- Фразеография в машинном фонде русского языка. М., 1990.
- Фрумкина Р.М.* Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? // Язык и наука конца 20 века. М., 1995.
- Шаховский В.И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж, 1987.
- Шаховский В.И.* Эмотивность фразеологии как межкультурный феномен // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках. М., 2004.
- Шмелев Д.Н.* Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.

Базовые понятия когнитивной лингвистики в их взаимосвязи

© доктор филологических наук Л. О. Чернейко, 2005

*По мере того, как знание дробится,
умножается и число точек соприкоснове-
ния между фактами, оставшимися до-
толе удаленными друг от друга.*

И. М. Сеченов

*Если слова «язык», «опыт», «мир» на-
ходят применение, оно должно быть столь
же непритязательным, как и использова-
ние слов «стол», «лампа», «дверь».*

Л. Витгенштейн

Введение

Цель современных лингвистических исследований состоит в том, чтобы через все многообразие реальных реализаций языка в речи (parole) прояснить необъятную сферу релевантных для культуры содержания (смыслов), всю область понятого и пережитого. Перенос акцента с изучения языка как системы с имманентной структурой (langue) на речевую деятельность (langage), структура которой во многом определяется личностными качествами говорящего (виртуальным и актуальным «пси-фактором»), его представлениями о слушающем («портретом адресата») и о себе («автопортретом»), их интересами и интенциями, социальным статусом и характером межличностных отношений, а также уровнем культуры общества в целом, привел исследователей к необходимости очертить границы сравнительно нового научного объекта под терминологическим названием *ДИСКУРС*. Разработка этого понятия необходима для определения семантического места термина в метаязыковой парадигме, в поле смежных с ним как относительно новых, так и проверенных временем терминов когнитивной лингвистики (и просто лингвистики): *КОННОТАЦИЯ*, *КОНЦЕПТ*, *КАРТИНА МИРА*, *ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА ЯЗЫКА И РЕЧИ*.

Дискурс

1.1. В современной отечественной лингвистике отношение к этому объекту колеблется от его принятия (*Дискурс есть*) до полного отрицания (*Дискурса нет*). Но и среди тех, кто признает наличие дискурса как реальности, нет единства мнения ни по поводу означающего термина

ДИСКУРС (этимологически оправданная фонетическая форма – *диску*рс, не оправданная – *ди*рскурс), ни по поводу означаемого (8 пониманий термина со ссылкой на П. Серию представлено в учебнике М. А. Кронгауза «Семантика»).

Проблема дискурса входит в обширный круг обсуждаемых проблем реальности таких лингвистических объектов, как *УРОВЕНЬ*, *ФОНЕМА*, *ЗНАЧЕНИЕ*, *ТЕКСТ*, и подобных, составляющих основу языка науки о языке, метаязыка. Для тех, кто понимает *ДИСКУРС* как «коммуникативную ситуацию, включающую сознание коммуникантов и создающийся в процессе общения текст» [Моделирование... 1987: 41], дискурс не является произвольно построенным теоретическим (дедуктивным) конструктом в отличие, например, от текста. «То, что обычно понимается под термином «текст», – пишет А. Е. Кибрик, – это скорее артефакт лингвистической теории, нежели действительная сущность. «Текст вообще» есть гипотетический конструкт лингвистической теории» [Моделирование... 1987: 46].

Однако любой «объект вообще», а не только научный являет собой ментальное образование («конструкт», «артефакт»), локализованное в идеальном пространстве сознания и предназначенное для идентификации бесконечного множества дискретных объектов физического мира. Так что между «текстом вообще», или просто текстом как семиотическим образованием со своими особыми параметрами, и «дискурсом вообще», или просто дискурсом, феноменом, отличным и от текста, и от языка, онтологическое различие отсутствует: и то и другое – «артефакты лингвистической теории», сущности действительные, но идеальные, абстрактные, без которых невозможно познание такой материальной субстанции, как фиксированное во времени и пространстве говорение, т. е. принадлежащая каждому речь, созданный и создаваемый каждым говорящим конкретный текст.

Объективность существования любого этнического языка означает только его независимость от индивидуального сознания каждого носителя языка. Как писал В. Гумбольдт, «являясь по отношению к познаваемому субъективным, язык по отношению к человеку объективен, ибо каждый язык есть отзвук общей природы человека» [Гумбольдт 1984: 320]. Это свойство приравнивает язык к явлениям физического мира. Но язык, будучи сущностью идеальной, проявляется в речи и постольку соединяет в себе физическое и идеальное. Материальность означающего, сопряженная в актуальном знаке с идеальностью означаемого, обеспечивает внутренней жизни человека, происходящим в нем психическим процессам объективацию – их доступность чувственному восприятию (для другого – в акте коммуникации, для самого говорящего – в акте интроспекции). Тем не менее, являясь универсальной формой отображения и репрезентации мира, язык не доступен в своей целостности непосредственному наблюдению.

Поэтому все концепции устройства языка и прочих не данных в ощущениях объектов представляют собою гипотетические конструкции, отражающие определенную точку зрения исследователя и/или научного направления.

Термин любой науки, взятый в аспекте анализа его спонтанного употребления в текстах, в частности в окружении предикатов, составляет самостоятельный объект изучения, позволяющий раскрыть глубинную, интуитивную базу той научной концепции, которой придерживаются исследователи. Проблема моделирования лингвистических взглядов (концепций, теорий) является одной из актуальных проблем общей лингвистики и входит в нее на правах металингвистики.

В анализируемой концепции авторов достаточно широко цитируемой коллективной монографии «Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах» (1987) *ДИСКУРС* мыслится и как (а) «коммуникативная ситуация», и как (б) одна из составляющих «текущей ситуации текстообразования», которая в свою очередь является составляющей «текущего сознания», а сама состоит из речевых актов. Эта схема отношения понятий выводится из следующих контекстов: для (а) – приведенное выше определение и такая, например, синтагма – *фрагмент действительности (ФД), введенный в рассмотрение в данном дискурсе* [Моделирование... 1987: 41]; для (б) – *В текущем сознании Г (говорящего. – Л.Ч.) в качестве исходной информации содержатся сведения о всех составляющих текущей ситуации текстообразования, включая дискурс* [Моделирование... 1987: 45]; *Текст обычно изучается: <...> в отрыве от КС (коммуникативной среды. – Л.Ч.), в которую был погружен соответствующий дискурс* [Моделирование... 1987: 46]; *ФД и КС есть тот внешний мир, в который погружены коммуниканты мысленно и физически во время процесса языкового взаимодействия. Внутренним, важнейшим звеном этого процесса является дискурс и составляющие его РА (речевые акты. – Л.Ч.)* [Моделирование... 1987: 41].

Подчеркнутые предикаты, через которые дискурс обнаруживает свои свойства в рамках рассматриваемой концепции, являются объективным источником информации о сути самой концепции. Определение термина *ДИСКУРС* одновременно через коммуникативную ситуацию, сознание коммуникантов и текст представляется избыточным, поскольку метаединицы *СОЗНАНИЕ* и *ТЕКСТ* являются импликатурами терминологического сочетания *КОММУНИКАТИВНАЯ СИТУАЦИЯ*: трудно себе представить коммуникативную ситуацию, в которую не вовлечено сознание коммуникантов (в противном случае это бред), еще

труднее – ту, в которой не рождается текст (нормальный, бредовый или абсурдный). Сокращение импликатур в приведенном определении делает дискурс тождественным коммуникативной ситуации, что означает избыточность самого термина *ДИСКУРС* или, по крайней мере, первого из двух выделенных исследователями значений.

Кроме того, экзистенция коммуникативной ситуации не тождественна экзистенции дискурса: *СИТУАЦИЯ* – это социальный квант физического пространства и времени, тогда как *ДИСКУРС* может пониматься не иначе, как инструмент познания этих квантов, взятых в их максимальной совокупности, как способ их анализа, подобно лингвистическому понятию *УРОВЕНЬ*, введенному в науку с целью классификации множества разнообразных явлений, охватываемых термином *ЯЗЫК*, «в соответствии с определенным логическим принципом» [Бенвенист 1974: 129]. С этой точки зрения, *ДИСКУРС* – теоретический конструкт, реальность эпистемологическая, фиксирующая такую ненаблюдаемую сущность, которая в рамках рассматриваемой концепции [Моделирование... 1987] получила название «составляющая текущего сознания». Однако вопрос о специфике этой составляющей в рамках монографии остается открытым.

Применение предложенного метода анализа к концепции дискурса М. Фуко позволило бы выявить «лингвистический портрет» термина *ДИСКУРС*, что стало бы надежной основой для моделирования его точки зрения на проблему. Подобная работа явилась бы масштабным научным исследованием оригинальных текстов автора, на фоне которого можно было бы оценить такие предлагаемые им логические формулировки термина, как: 1) «Будем называть дискурсом совокупность высказываний постольку, поскольку они принадлежат к одной и той же дискурсивной¹ формации» [Фуко 1996: 117]; 2) «Это совокупность анонимных исторических правил <...>, которые установили в данную эпоху и для данного социального, экономического, географического или лингвистического пространства условия выполнения функции высказывания» [Фуко 1996: 118]. Как сово-

---

¹ Французское прилагательное *discursif*, -ve имеет значение ‘рассудочный’ в противоположность интуитивному (*la connaissance, la methode – discursive*) и дается в словарях с пометой «специальное». Русский эквивалент этого прилагательного – *ДИСКУРСИВНЫЙ* – является компонентом аналитического термина русской философии *ДИСКУРСИВНОЕ МЫШЛЕНИЕ*, который появился в ней задолго до термина *ДИСКУРС* и не имеет к его лингвистическому пониманию прямого отношения. Поэтому семантически мотивированной формой производного прилагательного этого термина следует признать *ДИСКУРСНЫЙ*. Предлагаемая аргументация позволяет избежать смешения двух прилагательных, которое часто встречается в лингвистических текстах. Последовательно прилагательное *ДИСКУРСНЫЙ* употребляется в [Квадратура смысла 1999].

купность всего высказанного дискурс представляет собой материальную субстанцию, но ничем не отличается от текста. Как совокупность неосознаваемых говорящими правил, позволяющих осуществиться высказыванию («сказаться» и быть понятым или хотя бы услышанным), дискурс является субстанцией идеальной, выявляемой в результате исследования речи, взятой в аспекте ее отношения к коллективному и индивидуальному сознанию, в частности к мировоззрению. С этой точки зрения, дискурс реален как эпистемологическая сущность, как особый инструмент познания речи в заданном аспекте.

Термин *ДИСКУРС* схватывает реально существующие сложные связи языка (общего для всех членов социума кода), культуры (исторически конкретного образа жизни социума, форм его деятельности, включая речевую, которые основаны на символической способности человека) и индивидуального сознания (психической способности человека переживать и интерпретировать информацию о событиях внешних и внутренних). Дискурса нет как физической субстанции, дискурс реален (есть, существует) как особая идеальная субстанция и как ее гипотетический коррелят (научная модель), вводимый термином *ДИСКУРС*, без которого субстанция не стала бы реальностью для научного сознания.

1.2. Многочисленные попытки терминологизации понятия *ДИСКУРС* в современной лингвистике оставляют открытым вопрос о месте этого понятия в ряду традиционных *ЯЗЫК* и *РЕЧЬ*. Как представляется, объективный ответ на этот вопрос может быть получен на пути лексикографической обработки лингвистических текстов, посвященных проблеме дискурса, а также тех, где этот термин употребляется спонтанно. При изучении полученных конкордансов термина *ДИСКУРС* особенно информативными являются те контексты, где его замена терминами *ЯЗЫК* и *РЕЧЬ* невозможна или проблематична. Именно они задают «легитимный уровень формализации» (М. Фуко) термина.

Даже далекое от полноты описание сочетаемости трех рассматриваемых терминов выявляет определенную закономерность: есть зона индивидуальной сочетаемости каждого термина, выявляющая их семантическую специфику, и зона пересечения сочетаемости. Так, например, все три термина свободно сочетаются с относительными прилагательными, обозначающими сферу профессиональной деятельности человека: *научный, политический, медицинский // язык, дискурс, речь*; с именем отправителя речи: *язык, дискурс, речь субъекта*; с пространственным предлогом *в*: *в языке, в дискурсе, в речи X-а*. При этом каждый термин в этих одинаковых условиях контекста сохраняет свою семантическую индивидуальность. Например, *политический язык* как обслужи-

вающая данную сферу деятельности виртуальная система знаков противостоит *политической речи* – совокупности всего сказанного и высказываемого в устной и письменной формах на определенном этапе жизни общества, а также *политическому дискурсу*, который есть не что иное, как определенная идеология (идеология власти), направляющая политическую речь тех, кто ей привержен.

Если в контекст, где все три термина возможны и при этом сохраняют свою семантическую самостоятельность (сильная позиция), ввести идею времени, термин *ЯЗЫК* оказывается семантически невозможным: *в ходе развертывания дискурса / речи / *языка; независимо от течения дискурса / речи / *языка*. Невозможен он и во множестве других контекстов, где актуализируется идея не языка-кода (системы), а речевой деятельности (языка-процесса): *адекватный ответ на этот дискурс; в секрет шифра речи включен дискурс другого* – Ж. Лакан; *каждый из участников дискурса имеет свой план поведения; фаза дискурса* – Е. А. Кибрик. В контекстах *конкретный дискурс, упорядочивающий сознание* (Ж. Лакан) и *коннотация является неотъемлемой частью текста дискурса* (О. Г. Ревзина) невозможны ни термин *ЯЗЫК*, ни термин *РЕЧЬ*. При этом есть контексты, где все три термина находятся в отношениях свободного варьирования в позиции семантической нейтрализации: *дискурс субъекта приобретает характер бреда* (Ж. Лакан).

Если взять политическую речь современной России, то она подчинена законам основных сложившихся в ней политических дискурсов (либерального, коммунистического). В одном из писем Платона находим следующее рассуждение: «Ведь, право, у каждого политического строя, как и у разных живых существ, свой собственный язык: один у демократии, другой у олигархии, а еще иной – у монархии. Надеюсь, он (ученик Платона Евфрей. – Л. Ч.) найдет оправдание для монархии не хуже тех, кто составляет твое окружение» [Платон 1994: 473]. Различие между языком «разных живых существ» (идиолектами) и разных социально-политических систем (дискурсами) опирается на оппозицию «субъективность ↔ intersубъективность»; общность между ними, на которой строит свое сравнение Платон, состоит в отсутствии тождества как между идиолектами, так и между дискурсами, хотя и те и другие используют общий код.

1.3.1. Без языка нет дискурса, но, как представляется, *ДИСКУРС* – это не «проявление речевой деятельности», «многообразной» и «разнородной» (Ф. де Соссюр), и не сама речевая деятельность, а ее важнейший фактор. Говорящий, рассуждая о каком-либо явлении, берет слова

из общего всем кода (языка), что, по словам Э. Бенвениста, позволяет каждому говорящему «как бы присваивать себе язык целиком» [Бенвенист 1974: 296], в чем и проявляется субъективность («Я») в языке. Но выбор слов и их соединение в линейной последовательности, подчиняясь логике причинно-следственных отношений, подчиняются (а) мировоззрению говорящего и его мироощущению (духовному укладу личности) и (б) укоренившемуся в культуре способу осмысления интенционального явления и рассуждения о нем.

Первая составляющая дискурса (а) – это *ДИСКУРС СУБЪЕКТА*.

В связи с определением этого понятия представляются важными следующие положения концепции В. Гумбольдта: «многое в строе периодов и речесложении (здесь и далее подчеркнуто мною. – Л.Ч.) не сводится, однако, к законам, а зависит от каждого говорящего или пишущего» [Гумбольдт 1984: 106]; «каждую человеческую индивидуальность, даже независимо от языка, можно считать особой позицией в видении мира» [Гумбольдт 1984: 80]; «индивидуальное миропонимание и мировосприятие <...> заявляют о своих правах» [Гумбольдт 1984: 170]. Бесспорно, речь индивидуальна, в ней проявляется личность говорящего. Однако в бесконечной вариативности, «особости» позиций видения мира выделяются инварианты мировосприятия и миропонимания. Насколько «мир счастливого отличен от мира несчастного» [Витгенштейн 1994: 71], насколько «мир меланхолии» отличается от «мира мании» [Фуко 1997: 277], а «мир болезни» [Фуко 1998: 30] – от «мира здоровья», настолько различны и дискурсы этих миров («дискурс бреда» и «дискурс разума» [Фуко 1997: 249]).

Обоснование выделения понятия *ДИСКУРС СУБЪЕКТА* опирается прежде всего на концепцию известного представителя французской школы анализа дискурса П. Серио, предложившего обстоятельную аргументацию разграничения понятий *ЯЗЫК – ДИСКУРС – РЕЧЬ* в монографии 1985 года, посвященной анализу советского политического дискурса ([Seriot 1985]). В разделе «Дискурс не есть речь» (*Le discours n'est pas la parole*) П. Серио пишет: «Высказывания подчинены правилам селекции, комбинации и оформления, подчинены они особого рода принуждениям, которые не являются проявлением свободного индивидуального творчества»² [Seriot 1985: 51]. При этом «порядок дискурса – это порядок *излагаемого*, того, что может и должно быть высказано» (*l'ordre de l'énonçable, de ce, qui "peut et doit être dit"* [Seriot 1985: 52]).

---

² «Les énoncés sont soumis à des règles de sélection, combinaison et enchaînement, à des contraintes spécifiques qui ne sont pas uniquement du ressort de la pure créativité individuelle» (перевод мой. – Л.Ч.).

Разделяя точку зрения одного из основоположников французской школы анализа дискурса М. Пешё, логическую спецификацию понятия *ДИСКУРС* П. Серио видит в том, что оно лишает говорящего центральной роли для его включения в функционирование высказываний, текста. Условием такого включения являются «идеологические образования» (*des formations idéologiques* [Seriot 1985: 52]). Иными словами, дискурс как реалья речевой деятельности социума является принуждающей мировоззренческой³ силой индивидуального речетворчества, неким неписаным законом вербализации принимаемых личностью убеждений.

О диктате такой составляющей индивидуального сознания, как мировоззрение (идеологической составляющей), писал в лекциях 1933 года З. Фрейд: «Мировоззрение – это интеллектуальная конструкция, которая единообразно решает все проблемы нашего бытия, исходя из некоторого высшего предположения, в которой в соответствии с этим ни один вопрос не остается открытым, а все, что вызывает наш интерес, занимает свое определенное место» [Фрейд 1989: 399]. Но любая культура располагает не единственной, а потому и не единой для всех «интеллектуальной конструкцией», приводящей к всеобщему «единообразию» отношений членов социума с миром, их имперсонализации. По замечанию З. Фрейда, наука, религия, философия «имеют равные притязания на истину, и каждый человек свободен выбирать, откуда ему черпать свои убеждения, во что верить» [Фрейд 1989: 401]. И с этой точки зрения, культура обеспечивает каждого не только общим инструментом передачи информации о мире, языком как кодом, но и определенным набором идеологем как инвариантов отношения к миру, его видения. Русский язык «знает», что то или иное мировоззрение *принимается*, становится персональным только в том случае, если оно *разделяется*, т. е. черпается из общего для многих источника.

Духовный уклад личности включает в себя доминантную эмоциональную установку в отношении к миру, сформированную на основе принимаемой системы ценностей, а также его видение, понимание, которые направляют индивидуальную речь в каждом акте говорения и обнаруживаются в ней как инвариантные «пси-факторы» (термин построен по аналогии с термином «пси-функция» из: [Моделирование... 1987]). В конкретном акте говорения проявляются и актуальное психическое состояние личности, и индивидуальное понимание конкретной

---

³ Говоря о тяготении русской простонародной речи к диминутивам, С. С. Аверинцев отмечал, что «за ними может стоять целое мировоззрение – “каратаевское” (люди тихие, маленькие)» [Аверинцев 1977: 176].

ситуации (актуальный «пси-фактор»), однако диапазон варьирования конкретных психических состояний задается эмоциональной и рациональной доминантами.

Следует еще раз подчеркнуть, что эмоциональное отношение к миру и его понимание как иррациональная и рациональная возможности интерсубъективны, инвариантны в рамках одной культуры. И равное количеству людей количество взглядов на мир (их множество, их вариативность) определяется комбинацией присущих культуре мировоззренческих инвариантов⁴, выявить которые – одна из основных задач когнитивной лингвистики, в частности лингвистики дискурса.

В. Гумбольдт писал: «Даже люди одного направления ума, занимающиеся одинаковым делом, различаются в своем понимании дела и в том, как они переживают на себе его влияние». При этом «индивидуальные особенности коренятся в изначальном духовном укладе» [Гумбольдт 1984: 165]. Духовный уклад конкретной личности, взятый в его отношении к речепорождению, может быть определен через совокупность инвариантных «пси-факторов», направляющих индивидуальную речь и проявляющихся в ней как дискурс субъекта. Таким образом, *ДИСКУРС СУБЪЕКТА*, обнаруживаемый в индивидуальной речи каждого носителя языка, по своей сути интерсубъективен, имперсонален.

1.3.2. Вторая составляющая дискурса (б) – это *ДИСКУРС ОБЪЕКТА*, аналогичный «бессубъектному дискурсу» в концепции О. Г. Ревзиной, в соответствии с которой «язык пользуется человеком»⁵, а не «человек пользуется языком» [Ревзина 1999: 26]. *ДИСКУРС ОБЪЕКТА* – сложившийся культурный код, в котором явление, конституируя себя как область знания, «распространяет» о себе информацию в социуме через предикаты имени, говоря словами М. Хайдеггера, «выходящего навстречу» субъекту объекта.

Диктат вербализованного опыта «общения» социума с явлением (предметом материальным и идеальным), обусловленный исторически конкретным представлением о нем, направляет индивидуальную рече-

---

⁴ Для сравнения мысль Ж. Лакана: вы радуетесь встрече с кем-либо, кто говорит на том же языке, что и вы, не потому, что вы встретились с ним в рамках общего дискурса, а потому, что вы связаны с ним особым словом (*vous lui êtes uni par une parole particulière*) [Лакан 1995, 68].

⁵ В своей «Нобелевской лекции» (1987 год) И. Бродский сформулировал следующую мысль: «Поэт всегда знает, что то, что в просторечии именуется голосом Музы, есть на самом деле диктат языка; что не язык является его инструментом, а он – средством языка к продолжению своего существования» [Бродский 1992: 191–192].

вую деятельность. В концепции М. Фуко дискурс определяется, в частности, как язык практики. Об этом же в своих лекциях писал А. Р. Лурия: «Язык, который сначала был глубоко связан с практикой, вплетен в практику <...>, постепенно стал отделяться от практики и сам стал заключать в себе систему кодов, достаточных для передачи любой информации» [Лурия 1998: 25]. Практика, опыт человека в определенной сфере деятельности не могли не оставить свой след в языке этой сферы. И след этот – в сложившейся практике «думания» об обыденных или научных объектах, в практике вербализации представлений о них. *ДИСКУРС ОБЪЕКТА*, как и язык, – «нечто социальное по существу и независимое от индивида» [Соссюр 1977: 57], но это не осознаваемый субъектом intersубъективный посредник между объектом, на котором сфокусировано внимание субъекта, т. е. интенциональным объектом, и речью об этом объекте, а также продуктом речи – текстом.

И *ДИСКУРС СУБЪЕКТА*, и *ДИСКУРС ОБЪЕКТА* состоят между собой в сложных отношениях, которые требуют специального изучения. Однако нельзя не согласиться с утверждением Ж. Лакана, что «конституирование объекта подчинено реализации субъекта» [Лакан 1995: 62]. Ведущая роль в дискурсе потому принадлежит субъекту, что бессознательный или сознательный выбор и интенционального объекта, и ракурса его видения, и общей «идеологии» жизни, и собеседника, а также выбор между говорением и молчанием всегда остаются за субъектом. И одна из основных задач исследования дискурса состоит, по мнению М. Фуко, именно в том, чтобы «найти в нем поле регулярности различных позиций субъективности» [Фуко 1996: 56], «пространство множества разногласий» [Фуко 1996: 155], того «скрытого массива мысли, игры репрезентаций», которые «анонимно протекают между людьми» [Фуко 1996: 137] и по существу являются их точками зрения, а не «собственно знания», скорее их заблуждениями, нежели истинами, скорее «менталитетом», нежели «формами мысли» [Фуко 1996: 137].

Соотнеся термины *ЯЗЫК* и *ДИСКУРС* по их общему семантическому основанию ‘обеспечение коммуникации’, можно сделать вывод, что *ЯЗЫК* в его ипостаси *РЕЧЬ* – материальная сторона коммуникации (инструмент, средство, «тело»), тогда как *ДИСКУРС* – ее intersубъективная идеальная сторона (но скорее «душа», чем «ум», бессознательное, а не рациональное). И если язык обслуживает широкую социальную среду, то дискурс обслуживает определенный мир этой среды, упорядочивая сознание каждого и создавая сознание коллективное (включающее и коллективное бессознательное), что невозможно без мировоззрения, без идеологии в ее широком понимании, лишенном

политических коннотаций. Важное теоретическое положение французской школы анализа дискурса, как его формулирует П. Серио, состоит в том, что дискурс не является «первичным и эмпирическим объектом: имеется в виду теоретический (конструированный) объект, который побуждает к размышлению об отношении между языком и идеологией» [Серио 1999: 27].

1.4. Итак, термин *ДИСКУРС* применим, по крайней мере, к двум факторам речевой деятельности, которые направляют речь каждого члена культурного сообщества: это мировоззрение (включающее и мироощущение) как обобщенное представление о мире (в научном познании оно принимает форму модели понимания мира), которое базируется на восприятии мира и обуславливает эмоциональное отношение к нему.

Хотя конкретным субъектом мировоззрения является личность, оно по своей природе интерсубъективно, инвариантно, поскольку многих объединяет и разделяет. У мировоззрения такая же интегрально-дифференциальная функция в социуме, как и у языкового знака по отношению к внеязыковой действительности. При этом речь каждого направляется не только философией жизни, но и психотипом личности, между которыми существует сложная связь. В сравнении с обыденным фатическим вопросом *Как жизнь, что хорошего?* вопрос *Что плохого?*, который задает всем при встрече меланхолический персонаж Кира Булычева, можно считать нетипичным, но психологически вполне мотивированным.

Направляет речь говорящего и сама ситуация, а именно то, как говорящий ее понимает, т. е. образ ситуации. Главный фактор в ней – адресат, каким говорящий его себе представляет, т. е. образ адресата, или, более привычное сочетание, «портрет адресата»: это конкретный собеседник, а также реальная или потенциальная аудитория, представление о которой говорящий имеет и реакцию которой может спрогнозировать. Реклама драгоценностей из глянцевого журнала *Измерь успех в каратах* выглядела бы неуместной на страницах журнала «Работница» или «Крестьянка». Важнейший «диктатор» индивидуальной речи – логика и мифология интенционального объекта, а также «мифология адресата».

Всеми этими факторами и определяется сочетаемость термина *ДИСКУРС*. Его атрибуция охватывает: 1) характеристику субъекта (единичного и множественного) по социальным параметрам: *дискурс каждого из кандидатов, дискурсы оппонентов* = ‘вербализация политической платформы’; *лингвистический, литературоведческий, медицинский, естественнонаучный дискурс* = ‘множественный профессионально ориентированный субъект, ограниченный рамками дисциплины’;

2) характеристику объекта, мифологизированного под субъект: *дискурс жизни, свободы, хаоса, порядка, закона*; 3) характеристику ситуации, которая метонимически предстает как субъект: *дискурс выборов, борьбы, победы, поражения*.

Становится ясно, почему нельзя сказать **воровской дискурс*, но можно сказать *дискурс диссидентов, дискурс андеграунда*. Система, сознательно противопоставившая свою идеологию, свою систему ценностей общепринятой идеологии, но оставшаяся в рамках общего культурного кода, создает свой дискурс. Социальная система, создавшая свой язык и тем самым полностью противопоставившая себя господствующей культуре, стоит вне законов этой культуры.

Для дискурса не актуальны такие параметры, как возраст, и связанные с ним социальные характеристики: проблематичны синтагмы *взрослый дискурс (дискурс взрослых)* и *детский дискурс (дискурс детей)* и вовсе невозможны (а если и возможны, то комичны) синтагмы **дискурс пенсионеров, дошкольников, *детсадовский дискурс*. В пресуппозицию сочетания *детский дискурс* входит информация о возрасте детей, обеспечивающая семантическую базу (мотивацию) сочетанию, зоной референции которого является речевая деятельность детей, уже являющихся носителями данной культуры, т. е. тех, кто имеет направляющее речь представление о мире. Эта способность проявляется у детей не раньше шести лет.

Что же касается профессиональных характеристик субъекта дискурса, то ограничения на сочетаемость термина с именами профессий и родов деятельности (например: **административный, коммунальный, сельскохозяйственный, спортивный, рыболовецкий дискурс*) задаются особенностями существующих сфер деятельности. Термин *ДИСКУРС* свободно сочетается с названиями тех родов деятельности человека, объект которых теоретичен по своей сути (греческое слово *theoria* означает 'наблюдение, исследование'). Метафизический, умозрительный характер объектов наблюдения (язык, социум, человек, личность), а также физические объекты, природа и сущность которых не могут быть определены однозначно (квант, поле, кварк, галактика), рожают диалог взглядов на их суть и структуру, оседающий в культурной памяти в виде того языка, на котором объект заставляет о себе говорить в рамках избираемой исследователем концепции (*ДИСКУРС ОБЪЕКТА*), что и обуславливает атрибутивную сочетаемость термина: *научный, социологический, философский, физический, лингвистический дискурс*.

Наблюдается некоторая закономерность в распределении относительных прилагательных и мотивирующих их существительных при

термине *ДИСКУРС*. Если в фокусе внимания говорящего находится научный объект, а речь о нем направляется «принципом дисциплины», то избирается прилагательное – *лингвистический дискурс, компьютерный дискурс*. Если же внимание говорящего фокусируется на субъекте научного мировоззрения, то избирается существительное – *дискурс лингвистов, дискурс компьютерщиков*.

Термин *ДИСКУРС* связывается только с прилагательным в том случае, если субъект растворен в интенциональном объекте, как, например, верующий в своей религии, в Боге, что и является семантическим обоснованием сочетания *религиозный дискурс*. Имя субъекта при термине *ДИСКУРС* (*дискурс управленца/ев, путешественника/ов*) имеет меньше ограничений, чем прилагательное объекта (**управленческий дискурс*), что свидетельствует, как уже отмечалось, о приоритете дискурса субъекта над дискурсом объекта и об отсутствии во многих сферах человеческой деятельности как самого доминантного интенционального объекта, так и, естественно, его языка.

Таким образом, *ДИСКУРС* – это не язык, т. е. не общий для всего социума код (реально существующая знаковая система, служащая для хранения и передачи информации), и не речь, т. е. не индивидуальная реализация общего кода, обеспечивающая коммуникацию. *ДИСКУРС* – это вербализованный идеологический посредник между индивидуальной речью (идиолектом) и языком-кодом, это вербализованное мировоззрение, говорящее бессознательное, это речь, направляемая субъективными представлениями о мире, в которых обнаруживаются инварианты картины мира (обыденной, научной, философской, религиозной, поэтической).

Если идиолектов в рамках единого языка столько, сколько его носителей, то дискурсов намного меньше, поскольку дискурс intersубъективен. Каждый носитель культуры находится в сложных социальных связях с другими носителями, поэтому в пределах одного идиолекта вычленяются разные дискурсы. Но и в пределах одного дискурса могут вычленяться разные страты. Когда говорят об обыденном дискурсе, его противопоставляют научному, поэтическому, философскому, религиозному. Обыденный дискурс является базовым для любой культуры, достигшей определенного уровня цивилизации, так как отражает накопленный поколениями опыт стихийного постижения действительности и представляет собой вербализацию обыденной картины мира со всей ее логикой и мифологией. Однако обыденный дискурс отнюдь не гомогенное образование: «обыденность» верхних слоев общества (элиты) и его нижних слоев разная, поскольку различаются системы ценностей, что

отражается, например, в пословице *У кого жемчуг мелкий, а у кого щи жидкие*. А различия в системе ценностных ориентаций микросоциума определяют различия представлений о мироустройстве, т. е. различия в картине мира.

Профессиональный дискурс – необходимая составляющая идиолекта в силу того, что человек говорящий (*homo loquens*) является одновременно человеком производящим, делающим (*homo faber*). Сложившиеся в той или иной профессиональной среде представления о мире диктуют определенные синтагматические связи слов, семантическое согласование которых мотивируется этими представлениями.

Если, следуя завету Ф. Соссюра, «встать на почву языка и считать его основанием (*noème*) для всех прочих проявлений речевой деятельности» [Соссюр 1977: 47], то можно сказать, что *ДИСКУРС* – это интерсубъективная духовная составляющая личности, направляющая ее речевую деятельность и обнаруживающая себя в речи как «составляющая текущего сознания». Другими словами, *ДИСКУРС* – это вербализованное мировоззрение, выступающее по отношению к речи как диктат смысла, ценности: субъект речевой деятельности через присвоенный им общий код (язык) оречевляет направляемое «присвоенной» им идеологией свое видение и понимание интенционального явления в границах принятой в данной культуре его символизации. Все другие значения термина *ДИСКУРС* представляются метонимически производными.

Коннотация

2.1. В основе *ДИСКУРСА ОБЪЕКТА* лежат те обыденные представления о явлении (фрагменте материальной и идеальной действительности), которые сложились в культуре данного социума и предшествуют речи любого ее члена. С этой точки зрения, они объективны. Но по отношению к существующему явлению они субъективны, поскольку отражают интерпретацию явления и его свойств коллективным сознанием социума и формируют мнение (неверифицируемое знание) о нем. Поэтому в дискурсе субъекта «вещь звучит» не «реицентрически», согласно собственной природе, а «антропоцентрически», согласно «культурным» представлениям о ней.

Интерпретативность явлений и событий на языковом уровне проявляется в их метафоризации – способности мыслить о явлении X-основном субъекте метафоры через предикаты имени явления Y-вспомогательного субъекта метафоры. Эта универсальная способность человека обнаруживает себя прежде всего в сфере непознаваемой сущности явлений, «трансценденталий». По словам Й. Хейзинги, «там, где

говорится о непознаваемой сущности вещей, каждое слово есть образ» [Хейзинга 1995: 225].

В *ДИСКУРСЕ ОБЪЕКТА-ВЕЩИ*, т. е. мира физического, метафоризация является факультативным по сравнению с прямой номинацией способом мышления о фрагментах этого мира, ее образной «альтернативой»: *Туман скрывал поля, съедал снег.* (И.А. Бунин. Деревня); *И Чанг, лежа под столом, слушает все это в тумане хмеля, в котором уже нет более возбуждения.* (И.А. Бунин. Сны Чанга); *Ветер снег съедает.* (В.И. Даль). В *ДИСКУРСЕ ОБЪЕКТА-ИДЕИ*, т. е. мира невидимого, включающего осязаемое и умопостигаемое, метафоризация является часто безальтернативным, единственным способом мышления о фрагментах этого мира.

Так, сложившиеся в русской культуре представления о том, что такое жизнь, какой она должна быть и какая она есть, суть «мифологемы» жизни, принадлежащие обыденному сознанию русскоязычного социума: – *Жизнь вашу теорию подтвердила?* – *Конечно, и не раз.* (А. Арканов. «7 дней»); *Жизнь его сломала. Все-таки 10 лет провести на лесоповале – это очень тяжело. Жизнь как-то прошла мимо него.* (В. Зайцев. «7 дней»); *Я желаю вам не терять вкуса к жизни. Мы прививаем его вам с понедельника по пятницу.* (Павлов-Андреевич. ТВ); *Лекарство от жизни.* (ТВ); *Остаются сироты. Они практически выпадают из жизни.* (С. Шустер. ТВ); *Все герои Некрошюса – это не справившиеся с жизнью люди.* (ТВ); *Да он просто вычеркнул это из своей жизни. Начать жизнь набело.* (Разговор). Подчеркнутые слова (это в основном предикаты), эксплицируя мифологемы жизни, позволяют их моделировать.

Мифологема, бессознательно избираемая социумом (микросоциумом) как доминантная, становится идеологемой. Но «жизнь» – понятие умозрительное, схватывающее все многообразие существования каждого и представляющее его как единое для всех. Именно поэтому вокруг него и других экзистенциально значимых понятий существует ореол мифологем, с которыми связана не одна идеологема.

Разные «идеологии» жизни направляют разговоры о жизни, примером чего может быть стихотворение А. Макаревича «Вагонные споры»: *Один говорил: «Наша жизнь – это поезд», Другой говорил: «Перрон». Один говорил, мол, мы – машинисты, Другой говорил: «Пассажиры».* Оречевление в репликах, вербализация разных воззрений на жизнь (идеологий жизни), разных пониманий ее сущности и рождает дискурс жизни. Диалог (полемика, спор) доминантных идеологем культуры, их дискурсы и составляют ее живую ткань.

2.2. Основа любой мифологемы – «коннотативное означаемое» (термин Р. Барта). Метафоризация опирается на более общую способность человека к символизации – бесконечной интерпретации знака, которая и определяет его конкретно-исторический смысл. Парадокс состоит в том, что бесконечность интерпретации знака-символа не означает ее произвольности. Границу произвольности (*resp.* мотивированности) интерпретации знака-символа очерчивают коннотации стоящей за ним идеи, т. е. узаконенные культурой ассоциативные представления о ней.

По сложившейся в лингвистике традиции под *КОННОТАЦИЕЙ* понимается любой дополняющий предметно-логическое (денотативное) содержание слова компонент, обладающий экспрессивностью (образный, эмоционально-оценочный) и, как следствие, стилистической маркированностью. В существующих определениях *КОННОТАЦИИ* в качестве дифференциального признака термина отмечается либо несущественность (плюс устойчивость) коннотируемого компонента значения [Апресян 1995], либо его дополнительность (сопутствующее значение, со-значение – статья В. Н. Телии в «Словаре лингвистических терминов», 1990), что соответствует значению латинского этимона термина.

Однако такой распространенный в филологии подход к пониманию и определению *КОННОТАЦИИ* объективно не может быть единственным, поскольку он отражает позицию слушающего, получателя речи, а не говорящего. *КОННОТАЦИИ* с позиции слушающего (с точки зрения пассивной грамматики) можно и должно противопоставить обоснование ее понимания с позиции говорящего (с точки зрения активной грамматики). В ставшей классической статье В. А. Успенского «О вещных коннотациях абстрактных существительных» 1979 года под *КОННОТАЦИЕЙ* абстрактного существительного понимается тот материальный предмет, с именем которого оно связано в речи (тексте) общностью предиката [Успенский 1997: 151], что выявляет глубинную, существующую в сознании носителей языка ассоциативную связь идеи и материальной вещи. Следовательно, ‘поезд’ – одна из коннотаций жизни, т. е. один из материальных предметов, с которым идея жизни связывается в русском сознании, ‘телега’ – другая коннотация жизни (А.С. Пушкин. Телега жизни), объединенные общей мифологемой ‘движение’.

Необходимо ограничивать присущие обыденному сознанию проекции абстрактной сущности на фрагменты материального мира («вещи») и от поэтических, и от научных, но это уже другая проблема. Важно, что вещные проекции абстрактной идеи «жизнь» принадлежат русскому

коннотативному коду, вскрываются через сочетаемость имени идеи и с позиции активной грамматики (с позиции говорящего) являются не дополнительными ассоциативными смыслами абстрактного имени в речи, а предшествующими речи ассоциативно-образными представлениями о реалии (идее, вещи), мотивирующими ее оречевление. Следует отметить, однако, что подобные рассуждения относительно позиции говорящего являются обращенной формой позиции слушающего: только готовый продукт речи – текст открывает доступ к моделированию стратегий и тактик говорящего.

Анализ семантики термина *КОННОТАЦИЯ* также требует исследования его сочетаемости (спонтанных употреблений) в научных текстах, так как именно она обнаруживает глубинную, интуитивную основу научного концепта, формализуемую в виде логической дефиниции. Например, глагол «возникать» в контексте *круг связанных со словом судьба ассоциаций, возникающих на основе его сочетаемости*, взятом из научной статьи [Перцова 1990], обнаруживает то понимание коннотации, которое присутствует в научном сознании исследователя, но которое в тексте статьи не формулируется. Автор, полагая, что разделяет точку зрения В. А. Успенского, которому посвящена статья, рассуждает о коннотации с позиции слушателя, ибо только с этой позиции верно, что коннотации (ассоциации) слова «*возникают на основе его сочетаемости*» [Перцова 1990: 97] (разбивка моя. – Л. Ч.). С позиции говорящего коннотации направляют сочетаемость абстрактного слова, мотивируют ее, а с позиции исследователя языка – обнаруживают, проявляют себя в сочетаемости. Глаголы «возникать», «направлять» и «обнаруживать» эксплицируют разные позиции научного сознания в отношении к одному и тому же факту – наличию образного ореола абстрактной сущности и, соответственно, имени этой сущности в коллективном бессознательном носителей культуры и проявлению его в речи.

2.3. Специфику коннотативной системы языка Р. Барт видел в том, что она использует «знаки другой системы в качестве означающих» [Барт 1994: 303], т. е. означающим коннотативной системы является система денотативная. Коннотативными означающими («коннотаторами» – термин Р. Барта) имени «жизнь» являются знаки денотативной системы: те же «поезд», «телега» и многие другие, в которых идея жизни воплощается как транспортное средство. При этом, как представляется, совсем необязательно, чтобы коннотатор был эксплицирован, как в приведенных контекстах *жизнь – поезд* и *телега жизни*. Он часто представлен имплицитно: в сочетаниях абстрактного имени с дескриптив-

ными прилагательными и глаголами физического действия, например, *вычеркнуть из жизни*, где жизнь = 'текст', *выпасть из жизни*, где жизнь = 'гнездо'.

Что же касается коннотативного означаемого (назовем его «коннотат»), то оно, в соответствии с концепцией Р. Барта, «обладает всеобъемлющим, глобальным, расплывчатым характером: это – фрагмент идеологии» [Барт 1975: 159]. И действительно, в стихотворении А. Макаревича происходит спор двух идеологий жизни, всеобъемлющих, но не «расплывчатых», а вполне рельефных: идеологии жизни как свободы движения и идеологии жизни как зависимости от колеи, пути.

В концепции коннотации Р. Барта доминирует идея, что коннотативное означающее (коннотатор) – само знак [Барт 1975: 157]. Логическим следствием этой идеи является определение Р. Бартом коннотативной системы как «вторичной» по отношению к денотативной, но такой, в которую денотативная система (естественный язык) включена своим означающим. Из этого заключения явствует, что коннотация базируется на означаемом коннотатора. В простом сочетании двух денотативных знаков, соединенных в синтагме *кружево листвы*, знак «кружево» выступает как коннотация листвы ('*кружево*'). Означающее этой коннотации (коннотатор) равно имени «кружево», а ее означаемое (коннотат) – 'узорчатость'. Следует заметить, что коннотативное означающее состоит в отношениях синонимии с синтагматическим денотативным означающим – словом «листья» и в отношениях омонимии с парадигматическим денотативным означающим – словом «кружево» в его буквальном значении.

Можно сделать гипотетический вывод: если означаемым денотативной системы языка является любой семиотизированный (выделенный знаком) фрагмент материальной и идеальной действительности (субстанция, свойство, отношение), то означаемое коннотативной системы – всегда аспект, характеристика, параметр, т. е. акциденция, которая вставлена в рамку оценки. Но в языке, в языковой деятельности картина не заканчивается рамкой, а начинается с нее, иными словами, выбор «коннотата денотата» (точнее, коннотата референта), т. е. закрепленной в культуре ассоциации того или иного явления действительности, обусловлен как минимум индивидуальным отношением к нему говорящего. По коннотату референта слушающий «считывает» позицию говорящего.

Пример из речи телеведущего: *Как быстро сдулась наша оппозиция* (ТВ 14.12.03). Референтом абстрактного имени «оппозиция», занимающим позицию подлежащего в высказывании (и референтом высказывания), является правое оппозиционное движение России, а положением

дел, о котором информирует высказывание (диктумом), оказывается ситуация, сложившаяся в рядах правых после их проигрыша на выборах в Государственную Думу в декабре 2003 года. Но вовсе не об этом информирует нас говорящий. Он выражает свое отношение не к факту, не к «положению дел», а к правой оппозиции как явлению политической жизни России. Это явление вызывает у говорящего негативную оценку (она выражается синтаксически, интонационно и лексически), а особенности поведения правых после выборов, очевидно, известные говорящему, позволяют ему спроецировать правую оппозицию на материальный предмет, вещь в русле доминантной оценки. Такая проекция и есть коннотация явления (в данном случае – правой оппозиции) с точки зрения говорящего (активной грамматики) и коннотация слова «оппозиция» (точнее, словосочетания «правая оппозиция») с точки зрения слушающего (пассивной грамматики).

Присутствующие в сознании говорящего оценка явления и согласующаяся с ней образная ассоциация (коннотация) направляют речь говорящего и обуславливают семантическую и грамматическую структуру высказывания: соответствующие замыслу синтаксис (инверсия) и адекватные ему просодические средства (интонация, эмфатическое ударение). Именно они позволяют слушающему сфокусировать свое внимание на реме высказывания (*быстро сдулась*).

Что же является коннотатором (означающим) коннотации в данном высказывании? Их два: эксплицитный – «быстро сдулась» и имплицитный, выводимый из первого, – «воздушный шарик», надувная игрушка. А почему не летательный аппарат «воздушный шар»? Ответ подсказывает здравый смысл: только воздушный шарик сдувается быстро и не вызывает ни у кого, кроме маленьких детей, причин для печали. Имплицитная коннотация *‘воздушный шарик’* абстрактного словосочетания «правая оппозиция» имеет свое означаемое (коннотат): ‘нечто несерьезное, декоративное, ненужное’. Такая коннотация есть проявление определенного, но не единственного существующего в социуме политического взгляда на правую оппозицию. Коннотации, воплощающие разные идеологии одного явления, становятся основанием разных дискурсов.

Р. Барт противопоставляет коннотацию и метаязык на том основании, что обе системы, будучи вторичными по отношению к естественному языку, ориентированы на разные стороны языкового знака: в коннотативной системе естественный знак служит означающим, а в метаязыке – означаемым. Но поскольку коннотация возможна только на базе денотации (после нее или вместе с ней), постольку она является выра-

жением метаязыковой функции языка в понимании Р. Якобсона [Якобсон 1975]. Можно сказать, что в коннотации (в первую очередь это относится к вещным коннотациям абстрактного имени) соединяются две из выделенных Р. Якобсоном функций языка – экспрессивная и метаязыковая.

Концепт

3.1. Термин *КОНЦЕПТ* в отечественной лингвистике не так давно отделился от термина *ПОНЯТИЕ* и является одним из основных терминов когнитивной науки. Этой проблеме уделено достаточно много внимания в [Чернейко 1997]. Но в связи с теми вопросами, которые рассматриваются в настоящем исследовании, необходимо сделать некоторые добавления и уточнения.

В коллективной монографии «Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира» 1988 г. (далее: [ЯКМ]) Е.С. Кубрякова трактует *КОНЦЕПТ* широко, определяя его как «разносубстратную единицу оперативного сознания» [ЯКМ 1988, 143]. В «Кратком словаре когнитивных терминов» 1996 г. (далее: [КСКТ]) трактовка этого понятия столь широка, что собственно лингвистическое содержание его становится трудно уловимым. Из словарной статьи в три страницы выделю лишь то, что представляется главным: термин *КОНЦЕПТ* – «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [КСКТ 1996: 90].

Вопросы о семантическом соотношении терминологических сочетаний «единицы памяти», «ментальный лексикон», «концептуальная система», «язык мозга», «картина мира» и о семантической мотивированности сочинительной связи между ними, а также о сочетаемости термина *КОНЦЕПТ*, эксплицирующей представление авторов словаря о нем как о «кванте знания», в рамках которого разрешены (мотивированы) синтагмы типа концепты этих деревьев даны прежде всего образно, самые важные концепты кодируются именно в языке, концепты как интерпретаторы смыслов [КСКТ 1996: 91], концепты возникают в процессе построения информации об объектах [КСКТ 1996: 90], требуют специального рассмотрения, побуждают к научной дискуссии. Приведу лишь некоторые критические замечания.

Словарная статья не дает четкого отграничения термина *КОНЦЕПТ* от смежных с ним и представленных в статье терминов *ИДЕЯ*, *ПОНЯТИЕ*, *СМЫСЛ*, *ЗНАЧЕНИЕ*. Если «значением слова становится концепт, схваченный знаком» [КСКТ 1996: 92], то является ли концептом то, что знаком не схвачено? Если является, то возникает ряд других вопросов: возможна ли в таком случае связь концепта (а) с ментальным лексиконом как «компонентом языка» [КСКТ 1996: 97] и (б) с передачей информации.

В статье «Информация» авторы словаря пишут: «Фундаментальное значение имеет и тот факт, что знание, чтобы быть переданным другому человеку, должно концептуализироваться в языковые формы», а информация должна быть представлена в «голове в виде ментальных репрезентаций» [КСКТ 1996: 35]. И снова недоумение: если концепт – это «наше все», а в переводе на русский язык синтагма «концептуализироваться в языковые формы» означает не что иное, как вербализацию содержания, его материализацию в языке, его «о-форм/л-ение», то получается тавтология (в лучшем случае): концепт как неозначенное нечто концептуализируется в процессе семиозиса.

В понятии *ИНФОРМАЦИЯ* для лингвистики важны два ее существенных аспекта. *ИНФОРМАЦИЯ-А* – это «данные из» (= получаемые в первую очередь невербально): информация о мире как результат его отображения в психике человека (актуально – в виде перцепции «здесь и теперь», фоном которой является апперцепция: прежний опыт, отлитый в представления и понятия). *ИНФОРМАЦИЯ-Б* – «данные в» (= сообщаемые в первую очередь вербально): информация, которую человек передает другому. Если *ИНФОРМАЦИЯ-А* имеет разные идеальные формы существования в психическом мире человека, то *ИНФОРМАЦИЯ-Б* немислима без кода.

Два положения заслуживают особого внимания. Первое: у концепта, по мнению авторов словаря, есть «ментальные репрезентации другого (по-мнению языкового кода. – Л.Ч.) типа – образы, картинки, схемы» [КСКТ 1996: 91]. На это положение возможно возражение: эти репрезентации когниции не являются формами ее объективации. Они, являясь феноменами индивидуального сознания, бессознательного⁶ как его составляющей, не могут быть переданы другому вне означивания. При этом знаками объективации когниции (знания, представления, смысла) не обязательно являются знаки языковые, но обязательно знаки как материально-идеальные сущности. Само сознание как общее с другим, интересубъективное знание (со-знание) материализуется в коде, в знаке.

Второе: Е. С. Кубрякова пишет, что «в сознании человека многие фрагменты действительности представлены образами, и многое может попасть в поле его зрения и быть увиденным (и понятым) без наличия для него специального обозначения» [Кубрякова 2004, 305]. Что касается «увиденного», то безымянное действительно можно увидеть, но вряд ли его можно понять. Путь к пониманию лежит через именованное: «в сознании нет пустых форм, как нет и не получивших названия понятий» [Бенвенист 1974: 92]. Об этом свидетельствуют процессы освоения мира ребенком и адаптации взрослого к миру другой культуры. Как показывает, например, практика полевых диалектологических наблюдений, встреча с неизвест-

---

⁶ Ср.: «Бессознательное бывает только у существа говорящего» [Лакан 2000: 11]. Это означает, что бессознательное включает в себя неосознаваемое знание, которое проявляется не в дефинициях слов, а в первую очередь – в их несвободной сочетаемости.

ным фрагментом физической действительности (а только она и доступна зрению) начинается с вопроса *А что это такое?*, ответом на который является имя вещи, ибо только имя, по словам А. Ф. Лосева, «поднимает вещь, которой оно принадлежит, в сознание» [Лосев 1993: 817]. Именно имя «переносит в сферу смысла всю вещь как таковую, со всем ее алогическим содержанием и со всем ее логосом» [Лосев 1993: 817]; ср.: «Всякий предмет существует для человека только тогда, когда он им осознается, когда входит в его мысль и выражается словом» [Буслаев 1941: 173]. Вряд ли правомерно утверждать, что мы знаем вещь, если не знаем ее имени, и что, зная имя, уже знаем вещь, стоящую за ним. Однако знание имени вещи обеспечивает возможность получения знания о вещи.

Бесспорно, что «в памяти человека нередко всплывают целые эпизоды, с языком не связанные», и что в ней «есть место несловесным образам» [Кубрякова 2004: 305]. Память индивидуума заполнена самыми разнообразными фрагментами его опыта. Однако их осознание, их участие в формировании смыслов и передаче этих смыслов другому без универсального знака-слова невозможно, потому что «без слова и имени человек – вечный узник самого себя, по существу и принципиально анти-социален» [Лосев 1993: 642]. И что же, как не результат вербализации «темной зоны» сознания (подсознания, бессознательного), кроется за довольно распространенной в научном дискурсе номинативной синтагмой «светлая зона сознания».

КОНЦЕПТ – это инструмент познания и моделирования памяти как одной из составляющих сознания, обеспечивающей хранение информации и ее воспроизведение. За этим термином стоит такое представление об устройстве памяти, которое выражается в постулировании особой (статической в отличие, например, от *ФРЕЙМА*) когнитивной структуры сознания, хранящей в знаке знания и представления носителей определенной культуры о явлениях внеязыковой действительности.

КОНЦЕПТ как когнитивная структура сознания не может не иметь форм объективации. Иными словами, у этой структуры есть как содержание (представления о значимых для культуры на определенном этапе ее развития феноменах физической и идеальной действительности, получающие статус смыслов), так и материальная форма. Различия в подходе к определению сущности концепта кроются в характере объективации смысла, но раскрыть и описать когнитивные структуры сознания можно только через их материализацию в культуре, в частности через такой универсальный код, каким является язык.

Логика П. Абеляра, который первым (XII век) ввел это понятие в философию, отражает одно из направлений в современной интерпретации концепта. Отстаивая идею превосходства вещи над логикой, пытающейся ее постичь и выразить в понятии, П. Абеляр именно в кон-

цепте усматривал связь вещи с речью⁷ о ней [Абеляр 1995], проясняющей не столько логику рассудка, сколько интуицию разума. При таком подходе единственной формой объективации значимых смыслов вещи является ее имя, «схватывающее» (*лат.* *conceptus*), сводящее воедино эти смыслы вещи, выражающиеся в речи о ней (а для говорящего – направляющие ее). И с этой точки зрения, *КОНЦЕПТ* – это имя (субстантив), собравшее в пучок всю стоящую за ним в данной культуре информацию о значимом явлении, как логическую (понятийную, рациональную), так и сублогическую (коннотативную, чувственную) [Чернейко 1997: 179-218 и 283-315]. Аспект понимания и трактовки *КОЦЕПТА* П. Абеляром и его последователями может быть определен как «семасиологический».

СЕМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ – это инструмент моделирования денотативно-коннотативного пространства «ключевых слов» (А. Вежбицкая) культуры, «важнейших слов лексики» (Э. Бенвенист), а также всех тех («важных»), в содержание которых включаются помимо денотативных коннотативные смыслы, способные направлять «разговоры» о соответствующем означаемому внеязыковом явлении, т. е. создавать дискурсы объектов.

3.2. КОНЦЕПТ ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ есть не что иное, как «основополагающее понятие» культуры, «как бы сгусток культуры в сознании человека» [Степанов 2001: 43]. Это те доминантные смыслы, которые воплощаются в разных кодах культуры: в слове, звуке, цвете, материальном предмете (ср.: «Концепты могут «парить» над «словами» и «вещами», выражаясь как в тех, так и в других» [Степанов 2001: 44]). Отличительная черта *КОНЦЕПТА* по сравнению с *ПОНЯТИЕМ* состоит, по мнению Ю. С. Степанова, в том, что «концепты не только мыслятся, они переживаются. Они – предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений» [Степанов 2001: 43].

Хотя Ю. С. Степанов считает концепт и понятие «явлениями одного порядка» [Степанов 2001: 43], но в обозначенном аспекте различающимися, тем не менее он дает такое определение термину *КОНЦЕПТ*, которое сближает его с пониманием семасиологическим: «Тот «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, который сопровождает слово закон, и есть концепт «закон»» [Степанов 2001: 43] (подчеркнуто мною. – Л. Ч.).

Важно еще раз отметить, что *КОНЦЕПТ* – это реальность познания, а не бытия, реальность эпистемологическая, посредством которой изу-

---

⁷ Ср.: «Тайна слова заключается именно в общении с предметом и с другими людьми» [Лосев 1993: 642].

чается отношение сознания к действительности (видения, понимания, интерпретации), как оно выражено в языке (в его материальной ипостаси – речи). Будучи вторичной (моделирующей) идеальной сущностью, концепт имеет сложную структуру. Однако задача исследователя в том и состоит, чтобы модель объекта, явления была проще самого явления, но непременно ему адекватна. Для лингвистики *СЕМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ* представляется более простой моделью глубинного ассоциативного пространства любого ключевого для культуры слова, моделью, которая опирается на материальную сторону знака, что и обеспечивает ей необходимую для модели объективность и адекватность.

Языковая картина мира

4. Под этим терминологическим сочетанием скрывается отношение коллективного сознания к действительности, зафиксированное в языке. Означаеваемые денотативной и коннотативной систем языка в совокупности с означаемыми его грамматической системы являются особой онтологией культуры – *ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНОЙ МИРА*, исторически-конкретным панорамным видением мира, включающим представления о его устройстве, существующую систему ценностей, мифологемы и идеологемы.

Для когнитивной лингвистики общим местом является положение о том, что «каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации (= концептуализации) мира», что «выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка» [Апресян 1995: 350]. И «только сознание, не обладающее языком, способно постигать вещи так, как они реально существуют» [Дэвидсон 2003: 260]. За терминологическим сочетанием *ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА* носителей определенной культуры стоит их целостное представление об устройстве мира и месте человека в нем («образ мира, в слове явленный» – Б. Пастернак), обеспечивающее адаптацию каждого к действительности и предопределяющее его действия, речевые в первую очередь.

Более широкое понятие *КАРТИНА МИРА* представляет собой абстракцию более высокого уровня, за которой стоит совокупность взглядов носителей определенной культуры на мир, обуславливающих, мотивирующих их действия. *ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА* как «принудительная философия» всей культуры равна *ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЕ ЯЗЫКА*. Что же касается *КАРТИНЫ МИРА*, то она может рассматриваться и как совокупность инвариантов мировоззрения, приня-

тых в культуре, и как мотивация индивидуальных действий, в том числе речевых, т. е. как *ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА РЕЧИ*.

ОБРАЗ МИРА и *КАРТИНА МИРА* – глубинные (бессознательные) интерсубъективные составляющие культуры, манифестирующие себя не только в языке, но и в других ее информационных кодах: искусстве, ритуалах, обрядах. Как идеальные сущности они «бытийствуют» только в материальных манифестациях. Различие между ними можно видеть в том, что картина мира, задавая способ действия, является динамичной, тогда как образ мира статичен.

Терминологические сочетания *МОДЕЛЬ МИРА* и *КАРТИНА МИРА* дублетами не являются, хотя и философы (например, «Предложение – картина действительности», «Предложение – модель действительности, какой мы ее видим» [Витгенштейн 1994: 19]), и филологи (например, монография «Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира») не проводят между ними семантической демаркационной линии. Разграничить их следует как обозначения разных типов идеальной (не данной в ощущениях) действительности: *ЗА КАРТИНОЙ МИРА* стоит действительность ненаблюдаемая, но объективная, а за *МОДЕЛЬЮ МИРА* – действительность наблюдаемая, но субъективная, которая является результатом познания этой действительности и его формализацией.

Единство *ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА* – фикция. На это указывал В. Гумбольдт: «Для народов, чьи самобытные черты мы можем устанавливать лишь по отдельным элементам их языка, редко удастся или даже вообще не удастся набросать связную картину их духовного склада». За это трудное дело можно браться лишь там, где «нация отразила свое миросозерцание в более или менее обширной литературе, и оно запечатлелось в языке так, как это возможно лишь в контексте связной речи» [Гумбольдт 1984: 168]. Поэтому адекватная языковой картине мира ее модель выглядит не как единое «полотно» (это метафора-гипербола), а как совокупность отдельных фрагментов – концептов. Как пишет Т. В. Цивьян, «в самом общем виде ММ (модель мира. – Л. Ч.) определяется как сокращенное и упрощенное отображение всей суммы представлений о мире в данной традиции, взятых в их системном и операциональном аспекте» [Цивьян 1990: 5].

Если относительное единство *ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА* определяется относительным единством языка, то единство картины мира представляется утопией, так как никакого мировоззренческого

единства в социуме не наблюдается. Возможно и необходимо⁸ лишь выделение базовых мировоззренческих инвариантов, о которых уже говорилось, например, таких: мир – это *'театр'* (или пьеса определенного жанра: трагедия, комедия), *'хаос'*, *'порядок'*, *'гармония'*; природа – это *'храм'*, *'мастерская'*, негибимый *'противник'*, которого надо *'покорить'*; человек – *'царь'*, *'раб'*, *'червь'*, *'Бог'*. Эмпирическое разнообразие существующих жизненных позиций может моделироваться как комбинаторика этих инвариантов, которые следует выявлять и описывать, если наука хочет создать лингвистику дискурса.

Из сказанного вытекает, что картины мира, как и языковой картины мира, не существует вне означивания, вне семиозиса. Только коды у картины мира, как и у «ономасиологического» концепта, разные: этический, эстетический, философский, научный, религиозный, а у языковой картины мира один: язык. Модели мира не существует вне научной, этической или эстетической рефлексии (концепции, теории). Можно говорить, что рассматриваемые терминологические сочетания *КАРТИНА МИРА* и *МОДЕЛЬ МИРА* соотносятся как обозначения объективной и субъективной реальностей культуры. За первой стоит объективное идеальное бытие. Вторая предстает как гипотеза ее устройства. Модель мира складывается из семантических и грамматических концептов. А поскольку в науке существует не единственная «концептуализация» концептов, постольку любой единой онтологии (не только картине мира) соответствуют ее разные гипотезы, научные версии.

Внутренняя форма слова (языка, речи)

5.1. В связи с актуальными для современной лингвистики проблемами знания о мире, включающими неизбежно также представления о нем, и вербализацией этих знаний особую важность приобретает понятие *ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА*.

Введенное В. Гумбольдтом как *ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА ЯЗЫКА* это понятие оказалось у него неэксплицированным. Тем не менее содержание его выводимо из таких рассуждений, как, например: «Фантазия и чувство рожают индивидуальные образования, в которых отражается индивидуальный характер нации» [Гумбольдт 1984: 101]; «Все чувственное и телесно-индивидуальное проистекает из столь многих причин, что возможности его градаций неисчислимы» [Гумбольдт 1984: 101]; «изобилие выражений, присущих определенной направленности духа» [Гумбольдт 1984: 105] и самое главное: «Было бы, впрочем, односторонне думать, будто национальное своеобразие духа и характера проявляется только в обра-

---

⁸ В выявлении «различий самих мировидений» заключается «конечная цель всякого исследования языка» [Гумбольдт 1984: 319].

зовании понятий; оно оказывает столь же сильное влияние и на построение речи» [Гумбольдт 1984: 105]; «гораздо больше, чем в отдельных словах, интеллектуальное своеобразие наций дает о себе знать при сочетании слов в речи. Мы видим ту подлинную картину хода мысли и сцепления идей, за которыми речь не в силах поспеть, если язык не располагает необходимым богатством и широкой свободой сочетания своих элементов» [Гумбольдт 1989: 182].

Если внутренняя форма слова, как ее определяет В. Гумбольдт, эквивалентна не «чувственно-воспринимаемому предмету», а тому, «как он был осмыслен речетворческим актом в конкретный момент изобретения слова» [Гумбольдт 1989: 103], то внутренняя форма языка эквивалентна языковой картине мира, как она явлена и в лексике, и в грамматике.

Способ думания о вещи и разговоров о ней, сложившийся в «культурной практике вещи», прочно вплетен в язык. «Ранний» Л. Витгенштейн (автор «Логико-философского трактата» 1921 г.) считал, что «имя обретает значение лишь в контексте предложения» [Витгенштейн 1994: 13] и что значение слова равно его употреблению. Однако «поздний» Л. Витгенштейн (автор «Философских исследований» 1953 г.) предлагал не такое радикальное решение проблемы «значение – употребление»: «Нет смысла говорить о соответствии» («понятного мне значения слова понятному для меня смыслу предложения» или «значения одного слова значению другого»), если считать, что «значение слова и есть то употребление, каким мы его наделяем» [Витгенштейн 1994: 134].

Различие между изучением значения слова и изучением употребления слова, значение которого известно, Д. Дэвидсон видит в том, что «в первом случае мы узнаем что-то о языке, а во втором случае мы узнаем что-то о мире» [Дэвидсон 2003: 344]. Но и изучая значения слов, т. е. постигая лексикон своего или чужого языка, человек приобщается к тем знаниям о мире, которые выработала культура и сохранила в значениях слов.

Во внутренней форме слова так же, как и в его употреблении, в его сочетаемости, отражается такая информация о мире, которая «упакована» в представление о нем. Различие состоит в том, что во внутренней форме слова отражается отношение к миру предшествующих поколений (в этимоне – представление других народов, если слово заимствовано), а в индивидуальном употреблении – определенное мировоззрение, та или иная идеология. И посредником между индивидуальной речью (употреблением слов), отображающей некоторое положение дел «здесь и

теперь», и общим языком-кодом является дискурс, означаемое которого – одна из присущих данной культуре картина мира, а означающее – высказывание (и его отдельные синтагмы). Как пишет В.Н. Телия, отношение говорящего к миру, представленное во «вторичных наименованиях» (*раб страстей, терпение лопнуло, собачий холод*) и являющееся их основанием, или мотивом, «выражено внутренней формой (слова, сочетания слов, высказывания – вплоть до отрезков текста)» [Телия 1986: 19].

Представления каждого человека о мире и о его собственном месте в нем, которые складываются в субъективную картину мира (в картину мира субъекта) из присущих культуре «логем» и мифологем, являются внутренней формой его речи. Если иметь в виду, что в речи индивидуума место семантической мотивации соединения слов в синтагматической цепи занимает мотивация прагматическая, опирающаяся на избираемую говорящим идеологию явления, в основе которой лежит одна из его коннотаций (закрепленных в культуре ассоциаций), то можно сказать, что именно *ДИСКУРС СУБЪЕКТА* (мировоззрение, картина мира и направляемая ею речь) является *ВНУТРЕННЕЙ ФОРМОЙ РЕЧИ*.

5.2. К решению проблемы мотивации связей слов в речи факторами внешней по отношению к говорящему действительности можно подойти с позиций Р. Барта. Он писал: «Поскольку миф – это слово, то мифом может стать все, что покрывается дискурсом. Определяющим для мифа является не предмет сообщения, а способ, которым он высказывается» [Барт 1996: 233]. И далее: «Мифом может быть все <...>, ибо наш мир бесконечно суггестивен. Любой предмет этого мира может из замкнутого существования перейти в состояние слова, открыться для усвоения обществом» [Барт 1996: 234]. Если миф – это не содержание высказывания, а способ его представления в высказывании, не «что», а «как», то применительно к языковому выражению он равен его внутренней форме.

О внутренней форме слова как о способе представления содержания знака в его внешней форме задолго до Р. Барта писал А. А. Потебня. Известно, что в концепции А. А. Потебни внешней формой слова является его материальная сторона, звучание («членораздельный звук»), тогда как внутренняя форма («ближайшее этимологическое значение слова») – именно «способ, каким выражается содержание» [Потебня 1922: 145]. Анализируя обозначения заработной платы в разных языках (*жалованье, annuit, pensio, gage*), А.А. Потебня отмечает, что «внутренняя форма каждого из этих слов по-разному направляет мысль» [По-

тебня 1922: 145]. Если содержание слова (означаемое) является его идеальной стороной, а звучание («членораздельный звук») – стороной материальной, то внутренняя форма слова (и любого знака) как посредник между звучанием и содержанием представляет собой идеально-материальную сущность. Таким образом, *ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА СЛОВА* – это гносеологический образ явления, положенный в основу его наименования. Им может быть как объективно присущее явлению свойство (*желток, одуванчик, попутчик*), так и приписанное ему креативным сознанием носителей языка (*остолбенеть, пень, проныра*).

Связь между индивидуальной речью (внешняя форма коммуникации) и содержанием, которое в речи выражается (содержание коммуникации), опосредуется *ВНУТРЕННЕЙ ФОРМОЙ РЕЧИ* – той индивидуальной картиной мира, которая мотивирует и селекцию единиц языка, и их комбинацию. Круг замыкается: *ДИСКУРС*, включая в себя *ДИСКУРС СУБЪЕКТА* (в его основе – мировоззрение, идеология) и *ДИСКУРС ОБЪЕКТА* (в его основе – сложившиеся в культуре *КОННОТАЦИИ* явления), представляет собой вербализованную *КАРТИНУ МИРА* социума; картина мира говорящего, складывающаяся из мировоззренческих инвариантов культуры, направляет его речь, мотивируя и селекцию единиц языка и их комбинацию, и представляет собой *ВНУТРЕНнюю ФОРМУ РЕЧИ*. Очевидно, центром интересубъективного ядра картины мира говорящего является вербализованная (в рамках семиотизированной) картина мира того микросоциума, которому говорящий принадлежит или с которым он себя идентифицирует, т. е. *ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА*, а точнее, субъязыковая.

Как «внешняя форма нераздельна с внутреннею, меняется вместе с нею, без нее перестает быть сама собою, но тем не менее отлична от нее» [Потебня 1922: 145], так и речь индивидуума (а) «нераздельна» с дискурсом в силу того, что каждый человек – член определенного социума и как таковой обязан соблюдать «ритуалы социальной представительности» [Барт 1996: 237], (б) меняется вместе с дискурсом, в который индивидуум попадает или который он сам выбирает, (в) существует только на фоне уже сказанного, на фоне чужого слова, из которого создает неповторимое (или клишированное) свое. Важно только не упускать из вида, что непосредственной эмпирической реальностью является речь, а дискурс – это инструмент ее познания. Этот инструмент ценен тем, что с его использованием «умножается число точек соприкосновения между фактами, оставшимися дотолде удаленными друг от друга» [Сеченов 2001: 230]. Именно понятие *ДИСКУРС* позволяет свести воедино такие базовые понятия когнитивной лингвистики, как *КОН-*

НОТАЦИЯ, КОНЦЕПТ, ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА, а главное – определить место старому понятию *ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА ЯЗЫКА* и в сопряжении с ним предложить новое – *ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА РЕЧИ*.

Заключение

ДИСКУРС – это такой аспект рассмотрения речи, в котором язык соразмерен и интенциональным объектам индивидуума и социума, и ценностным смыслам культуры. Обнаруживаемые в индивидуальной речи интересубъективные принуждения и являются дискурсом. Предложенная терминологизация научного объекта *ДИСКУРС* строится на двух понятиях: *КОННОТАЦИИ* – закрепленном в культуре интересубъективным представлении о феномене, направляющем его оречевление, и *ПСИ-ФАКТОРЕ* – мировоззрении (рациональном, логическом отношении к миру, формирующем определенный образ мыслей) и мироощущении (эмоциональном, аксиологическом отношении к миру, формирующем определенный «образ чувств»), а также актуальном состоянии (настроении) субъекта, определяющем его индивидуальную речевую стратегию. Ведущим оказывается *ПСИ-ФАКТОР* («как думать»), поскольку в нем меньше формально-семантических принуждений, чем в *КОННОТАЦИИ* («как говорить»). Диктат инвариантных идеологем («образа мыслей», «образа чувств») проявляется в речи как *ДИСКУРС СУБЪЕКТА*, а диктат коннотации – как *ДИСКУРС ОБЪЕКТА*.

Экспликация *КОННОТАЦИЙ* – алгоритмически решаемая задача, хотя коннотативное пространство феномена (*resp.* его имени) незамкнутое и вследствие этого изменчивое. В качестве модели коннотативного пространства имени данной культуры выступает *КОНЦЕПТ*, являющийся совокупностью логических и сублогических (образных и аксиологических) представлений культуры о том или ином феномене, которые выводятся исследователем из речевого поведения его имени.

Понятия *ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА* и *ЯЗЫКОВАЯ МОДЕЛЬ МИРА* соотносятся как обозначения объективной (онтологической) и субъективной (гносеологической) реальностей культуры: через модель познается картина мира. Что касается связи *ЯЗЫКОВОЙ МОДЕЛИ МИРА* и *КОНЦЕПТА*, то концепты являются ее фрагментами.

ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА СЛОВА соизмерима с *КОННОТАЦИЕЙ*, *ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА ЯЗЫКА* – с *ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНОЙ МИРА*, а *ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА РЕЧИ* – с *ДИСКУРСОМ*, с интересубъективной идеологией (*КАРТИНОЙ МИРА* субъекта), мотивирующей селекцию и комбинаторику единиц языка в речи индивидуума.

Л и т е р а т у р а

- Абеляр П.* Теологические трактаты. М., 1995.
- Аверинцев С.С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977.
- Апресян Ю.Д.* Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
- Барт Р.* Основы семиологии // Структурализм: «за» и «против». М., 1975.
- Барт Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1994.
- Барт Р.* Мифологии. М., 1996.
- Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 1974.
- Бродский И.* Набережная неисцелимых. М., 1992.
- Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов. М., 2001.
- Витгенштейн Л.* Философские работы. М., 1994.
- Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
- Дэвидсон Д.* Истина и интерпретация. М., 2003.
- Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. М., 1999.
- Кронгауз М.А.* Семантика. М., 2001.
- Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г.* Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996. (КСКТ)
- Кубрякова Е.С.* Язык и знание. М., 2004.
- Лакан Ж.* Функция и поле речи и языка в психоанализе. М., 1995.
- Лакан Ж.* Телевидение. М., 2000.
- Лосев А.Ф.* Бытие – имя – космос. М., 1993.
- Лурия А.Р.* Язык и сознание. М., 1998.
- Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах / Под. ред. А. Е. Кибрика и А. С. Нариньяни. М., 1987. (Моделирование... 1987)
- Перцова Н.Н.* К понятию «вещной коннотации» // Вопросы кибернетики. Язык логики и логика языка. М., 1990.
- Платон.* Собрание сочинений в 4-х тт. Т. 4. М., 1994.
- Потебня А.А.* Мысль и язык. Гл. X. ПСС. Т. 1. Одесса, 1922.
- Ревзина О.Г.* Язык и дискурс // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1999. № 1.
- Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М., 1988. (ЯКМ)
- Серио П.* Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. М., 1999.
- Сеченов И.М.* Элементы мысли. СПб., 2001.
- Соссюр Ф.* Труды по языкознанию. М., 1977.
- Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. М., 2001.
- Телия В.Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.
- Успенский В.А.* О вещных коннотациях абстрактных существительных // Семиотика и информатика. Вып. 35. М., 1997.
- Фрейд З.* Введение в психоанализ. Лекции. М., 1989.
- Фуко М.* Археология знания. Киев, 1996.
- Фуко М.* История безумия в классическую эпоху. СПб., 1997.
- Фуко М.* Рождение клиники. М., 1998.
- Хейзинга Й.* Осень Средневековья. Соч.: В 3-х томах. Т. 1. М., 1995.
- Цивьян Т.В.* Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990.
- Чернейко Л.О.* Лингво-философский анализ абстрактного имени. М., 1997.
- Якобсон Р.* Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975.
- Seriot P.* Analyse du discours politique soviétique. Paris, 1985.

К проблеме «концепта» и «концептосферы»

© доктор педагогических наук Ю.Е. Прохоров, 2005

Какие бы картины ни открывались перед нашим взором при изучении истории языка, повсюду видны живое движение, твердость и удивительная гибкость, постоянное стремление ввысь и падения, вечная изменчивость, которая никогда еще не позволяла достичь окончательного завершения; все свидетельствует нам о том, что язык является произведением людей и несет на себе отпечаток добродетелей и недостатков нашей натуры.

Я. Гримм

В филологии, как и в любой науке, есть два типа терминов: свои и заимствованные. И принцип пользования ими также не оригинален: как и всюду, договориться о хотя бы приблизительно общем их понимании практически невозможно, что, с одной стороны, «дает хлеб» новым поколениям исследователей, а с другой – оправдывает заимствования терминов из других наук, где они, на взгляд «из своей науки», кажутся более четкими и логичными. Когнитивистика здесь – не исключение, а может быть, как раз и наиболее «богатая» в этом отношении область филологии.

Термин «концептосфера» имеет конкретного автора – Д. С. Лихачева. Он писал: «В совокупности потенции, открываемые в словарном запасе отдельного человека, как и всего языка в целом, мы можем назвать концептосферами. Концептосфера национального языка тем богаче, чем богаче вся культура нации <...> отдельных вариантов концептосферы национального языка очень много, они по-разному группируются, по-разному себя проявляют. Каждый концепт в сущности может быть по-разному расшифрован в зависимости от ситуационного контекста и культурного опыта, культурной индивидуальности концептоносителя»; «Термин “концептосфера” вводится мною по типу терминов В. И. Вернадского: ноосфера, биосфера и пр. Понятие концептосфера особенно важно тем, что оно помогает понять, почему язык является не просто способом общения, но и неким концентратом культуры – культуры нации и ее воплощении в разных слоях населения вплоть до отдельной личности» [Лихачев 1993: 5, 9].

Рассуждения Д. С. Лихачева о «концепте» и, особенно, о «концептосфере» нуждаются, по нашему мнению, в уточнениях. Вот что пишет В. И. Вернадский о ноосфере и биосфере (совсем коротко): «... выделение в биосфере царства разума, меняющего коренным образом и ее облик, и ее строение – Ноосферу <...>. Научная мысль человечества работает только в биосфере и в ходе своего проявления в конце концов превращает ее в Ноосферу, геологически охватывает ее разумом» [Вернадский 2000а: 394]; «Ноосфера есть новое геологическое явление на нашей планете. В ней впервые человек становится *крупнейшей геологической силой*» [Вернадский 2000б: 314]. То есть эти термины имеют «геологическую» характеристику: они всеобъемлющи для Земли – как «шара», и окружение шара есть «сфера». Причем биосфера и ноосфера имеют разную природу: первая есть данность, вторая – продукт определенной деятельности. Ср.: «Ноосфера (от *греч.* νόος – разум и σφαῖρα – шар), сфера взаимодействия природы и общества, в пределах которой разумная человеческая деятельность становится главным определяющим фактором развития (для обозначения этой сферы употребляются также сходные термины: техносфера, антропосфера, социосфера). Понятие ноосферы как *облегающей земной шар* идеальной, “мыслящей” оболочки, формирование которой связано с возникновением и развитием человеческого сознания, ввели в начале XX в. П. Тейяр де Шарден и Э. Леруа» [ФЭС 1983: 441] (курсив мой. – Ю. П.).

Не слишком подходят для конструирования нового термина и современные словарные значения слова «сфера»: «1. Замкнутая поверхность, все точки которой равно удалены от центра // Поверхность и внутренне пространство шара. 2. Общественное окружение, среда. 3. Пределы распространения чего-л.» [Ефремова 2000, II: 734]. В той или иной степени к концептосфере приложимо ее понимание как «общественного окружения, среды», однако в этом случае придется понимать ее не как некоторую совокупность концептов, а «месторасположение» самого концепта.

Следует признать, что в гуманитарных исследованиях термин «сфера» уже настолько прижился, что кажется естественным, разумным и – главное! – логичным. Это использование подкреплено и авторитетом Ю. М. Лотмана, который – до «концептосферы» – ввел в научный обиход термин «семиосфера»: «... любой отдельный язык оказывается погруженным в некоторое семиотическое пространство, и только в силу взаимодействия с этим пространством он способен функционировать. Неразложимым работающим механизмом – единицей семиозиса – следует считать не отдельный язык, а все присущее данной

культуре семиотическое пространство. Это пространство мы и определяем как семиосферу» [Лотман 1999: 165]. «Если по аналогии с биосферой (В. И. Вернадский) выделить семиосферу, то станет очевидно, что это семиотическое пространство не есть сумма отдельных языков, а представляет собой условие их существования и работы, в определенном отношении, предшествует им и постоянно взаимодействует с ними» [Лотман 1999: 163-164].

Нам представляется, что система терминов (техносфера, антропосфера, социосфера, атмосфера, стратосфера и т. п.), которую «очеловечил» В. И. Вернадский термином «ноосфера», включив в эту систему человека и его деятельность, привела к возникновению таких «филологически изящных» терминов, как «семиосфера» и «концептосфера» – которые, однако, с точки зрения и логики, и формального понимания самого термина, не только не проясняют сущность, но в определенной степени и затуманивают ее.

Само содержание понятия, предлагаемое Ю. М. Лотманом, построено совершенно строго и корректно. «Фактически все пространство семиосферы пересечено границами разных уровней, границами отдельных языков и даже текстов, причем внутреннее пространство каждой из этих субсемиосфер имеет некоторое свое семиотическое “я”, реализуясь как отношение какого-либо языка, группы текстов, отдельного текста (при учете того, что языки и тексты располагаются иерархически на разных уровнях) к некоторому их описывающему метаструктурному пространству. Пронизанность семиосферы частными границами создает многоуровневую систему. Определенные участки семиосферы могут на разных уровнях самоописания образовывать семиотическое единство, некоторое непрерывное семиотическое пространство, ограниченное единой границей, или группу замкнутых пространств, дискретность которых будет отмечена границами между ними, или, наконец, часть некоторого более общего пространства, ограниченного с одной стороны фрагментом границы, а с другой открытого» [Лотман 1999: 185-186]. «Внутреннее пространство семиосферы парадоксальным образом одновременно и неравномерно, асимметрично, и едино, однородно. Состоя из конфликтующих структур, оно обладает также индивидуальностью. Самоописание этого пространства подразумевает местоимение первого лица. Одним из основных механизмов семиотической индивидуальности является граница. А границу эту можно определить как черту, на которой кончается периодичная форма. Это пространство определяется как “наше”, “свое”, “культурное”, “безопасное”, “гар-

монически организованное” и т. д. Ему противостоит “их–пространство”, “чужое”, “враждебное”, “опасное”, “хаотическое” [Лотман 1999: 175]. «Асимметрия проявляется в соотношении: центр семиосферы – ее периферия. Центр семиосферы образуют наиболее развитые и структурно-организованные языки. В первую очередь, это – естественный язык данной культуры. Можно сказать, что, если ни один язык (в том числе, и естественный) не может работать, не будучи погружен в семиосферу, то никакая семиосфера, как отмечал еще Эмиль Бенвенист, не может существовать без естественного языка как организующего стержня. Дело в том, что наряду со структурно-организованными языками, в пространстве семиосферы теснятся частные языки, языки, способные обслуживать лишь отдельные функции культуры и языкоподобные полуоформленные образования, которые могут быть носителями семиозиса, если их включают в семиотический контекст» [Лотман 1999: 170].

Что из этого следует? Что речь идет, с одной стороны, о некоторой замкнутой конструкции – сфере: у нее есть ядро и периферия, этим она асимметрична, она имеет границы, отделяющие ее – как некоторый штучный экземпляр, хотя и построенный по образцу и подобию любого другого аналогичного штучного экземпляра – от других сфер. С другой стороны, есть некоторая незамкнутая, безграничная совокупность этих замкнутых единиц, которые составляют и наше знание, и правила реализации этих знаний, и средства реализации этих знаний и правил. Очевидно, разбираясь с терминами, логичнее было бы построить следующую модель:

1. Есть некоторая совокупность языковых единиц, которая позволяет некоторой совокупности человеческих единиц осуществлять с ее помощью общение. Эта совокупность устойчива в своем ядре и вариативна в своей периферии, незамкнута, структурно организована и в каждый конкретный момент самодостаточна – она может рассматриваться как феномен языка определенного этноса.

2. Каждая языковая единица в процессе своего существования в речевом общении «обрастает» определенной совокупностью ассоциативных связей с другими единицами, т. е. с одними единицами она может создавать такие связи (количество которых устанавливается в ходе ее реализации в различных сферах общения), с другими – не может (в каждый конкретный момент; диахронически состав этих возможных связей может быть различен). Таким образом, эта языко-

вая единица образует вокруг себя некоторую семантическую сферу¹, элементы которой находятся или ближе, или дальше от нее – той конкретной языковой единицы, семантика которой рассматривается, но сфера эта замкнута, так как эта ассоциативная связь или наличествует, или отсутствует. Эти связи и способствуют, организуют реальное речевое общение представителей определенного этноса – носителей данной языка.

3. Совокупность семантических сфер, реализуемых в ассоциативно-вербальной сети при организации речевого общения носителей данного языка образует семантическое пространство. Поскольку отдельные элементы в системе ассоциативных связей могут принадлежать нескольким семантическим сферам, это пространство и дискретно, и нерасторжимо – оно есть совокупность значений и смыслов, которыми оперирует определенный этнос в процессе своего речевого общения на определенном языке².

---

¹ Для красоты конструкции так и хочется назвать это «семантосферой»...

² Ср.: «В частности, ставится вопрос о соотношении традиционного семантического анализа и концептуального анализа, который связывают с когнитивным подходом к анализу языковых единиц» [Бендикс 1983]. Существует мнение, что следует говорить как о точках соприкосновения данных методов анализа, так и об их нетождественности: «Если первый направлен на экспликацию семантической структуры слова, уточнение реализующих ее денотативных, сигнификативных и коннотативных значений, то концептуальный анализ предстает как поиск тех общих концептов, которые подведены под один знак и определяют бытие знака как известной когнитивной структуры. Семантический анализ связан с разъяснением слова, концептуальный анализ идет к знаниям о мире» [Кубрякова 1991]. Однако здесь еще много неясностей. Сами основания, указанные для различения, вызывают сомнения хотя бы уже потому, что описание семантической структуры слова вряд ли возможно без понимания его места в системе знаний о мире. Да и существовал ли на самом деле когда-нибудь семантический анализ без обращения к знаниям о мире? Весь опыт семантического исследования лексики показывает, что основной задачей семасиологии является исследование именно того, как в единицах языка (словах) отображается внеязыковая действительность. Те связи и взаимоотношения между явлениями действительности, которые и обуславливают лексико-семантическую систему языка, являются, конечно, внешними по отношению к самому языку. Но всякая знаковая система служит для обозначения как раз того, что находится за пределами самой данной системы, и значение знака раскрывается только вне данной системы.

Здесь же уместно вспомнить различные, теперь уже оцениваемые как вполне традиционные, классификации и систематизации слов, которые так или иначе опираются на отражение в языковых единицах знаний о мире. Слово своими корнями связано со знаниями о действительности и разнообразно их отражает. Значение слова в полной мере по сути неисчерпаемо, поскольку «действительный, смысл каждого слова определяется в конечном счете всем богатством существующих в сознании моментов, относящихся к тому, что выражено данным словом... он опирается в понимание мира и во внутреннее строение личности в целом» [Выготский 1982]» [Кузнецов 2000] (источники ссылок в квадратных скобках проставлены нами. – Ю.П.).

4. Каждая языковая единица, будучи знаком, фиксирует и именуется определенной связью между явлением действительности, значением и смыслом этого явления. Если признать, что смысл есть «общая соотнесенность и связь всех относящихся к ситуации явлений» (Г. П. Щедровицкий), то и знак должен содержать – пусть виртуально, т. е. на уровне совокупности всех возможных ситуаций речевого общения, – и всю эту совокупность смыслов, проявляющихся с учетом реального процесса общения. В этих условиях знак может быть соотнесен с конкретной семиотической сферой, которая, так же как и семантическая сфера, имеет ядерные знаковые характеристики (параметры) и периферийные, соотносимые с менее частотными ситуациями коммуникации. При этом собственно знак является и устойчивой, и мобильной структурой, обеспечивающей и единообразное понимание его в определенной языковой среде, и возможность использования его как метафоры в иных условиях речевого общения.

5. Совокупность семиотических сфер образует семиотическое пространство, где они, с одной стороны, располагаются в определенном взаимном соответствии, связанном с некоторыми параметрами их взаимного уподобления на уровне ядерных элементов семиосфер (схожие семиосферы, имеющие некоторый набор одинаковых элементов, будут находиться ближе друг к другу, что и способствует их более быстрой воспроизводимости в процессе общения по аналогии, по сходству). С другой стороны, их периферийные элементы могут входить и в другие семиосферы (в любом качестве, в том числе и ядерных элементов), что позволяет им всем контактировать на ассоциативном уровне в процессе построения речевого общения в зависимости от реальной ситуации этого общения.

6. Совокупность семантических сфер и семиосфер, расположенных во взаимосвязанном пространстве, создает условия для возникновения сфер более высокого порядка – концептосфер, которые, с одной стороны, через семантические сферы связаны с языком, с возможностью именования их или их частей, а с другой – через посредство семиосфер, связаны с достаточно устойчивыми моделями восприятия и постижения мира. Концептосфера построена по тому же принципу, что и две предыдущие: в ней также есть ядро и периферия, она также и дискретна, и нерасторжима. Она также связана своими отдельными элементами с множеством других концептосфер, и также «цельна» в совокупности своих базовых элементов семантических сфер и семиосфер.

Совокупность всех отдельных и «в меру» самостоятельных концептосфер образует концептуальное пространство. В связи с тем, что единицы каждого из двух других пространств объективно и планетарно (общечеловечески), и национально детерминированы (и элементы семантики, и элементы семиотики), такие же общечеловеческие и национально-специфические элементы естественно входят и в концептуальное пространство «пребывания» любого этноса.

Предлагаемый конструкт во многом соотносится с интересным анализом взаимоотношений «концептов» в работах П. Гэрденфорса, которые проанализированы в публикации Н.О. Швеца [Швец 2002: 115–124]. Автор предлагает общую теорию репрезентации, основанную на понятии концептуальных пространств, которые определяются как геометрическая структура с одним или несколькими измерениями – доменами. Структура многих измерений позволяет говорить о расстояниях между ними, которые в концептуальном пространстве связаны со сходством/несходством объектов. Далее автор рассматривает особенности репрезентаций на символическом, субконцептуальном и концептуальном уровнях.

Говоря о концептуальном пространстве, П. Гэрденфорс разграничивает понятия свойства и «концепта», причем свойства считает особым случаем «концепта». Свойство идентифицируется с определенной областью домена, причем область рассматривается также как пространственное понятие. В отличие от свойств «концепты» объединяют информацию из нескольких различных доменов, однако «концепт» – это не просто пучок свойств, его значение меняется в зависимости от контекста. Соответственно, модель естественного «концепта» включает не только множество областей некоторого количества доменов, но и информацию о корреляции этих областей между собой и о значимости отдельных доменов. Влияние контекста выражается в том, что он вызывает различные ассоциации, ведущие к немонотонным выводам: контекст определяет выделенность тех или иных доменов, что делает концептуальное пространство, «концепты» и суждения о сходстве динамичными. Изменение степени выделенности, приписываемой определенным доменам, может привести к сдвигу границ между различными «концептами».

Здесь, очевидно, необходимо сделать некоторое отступление, связанное с пониманием автором возможного «нефилологического» построения филологических моделей. Автор убежден в том, что – в принципе! – любые модели, вне зависимости от той дисциплины, в рамках которой и для которой они создаются, строятся по одним логическим

принципам – принципам устройства человеческого сознания, при всей непознаваемой латентности этого устройства. Человек не может – опять же в принципе! – «придумать» ничего иного, что бы противоречило структуре этой организации. Это распространяется в полной мере и на все те структурные модели, которые он сам создает: так, например, только познанная часть структуры собственного мышления позволила создать сегодняшнюю модель компьютерных программ; если же познание законов мышления перейдет на новую качественную ступень, качественно новым станет и развитие компьютерной системы³. Точно также дело обстоит и с пространственными параметрами: наше пространство трехмерно, следовательно, все наши построения могут лежать только в структуре этой «трехмерности» – отсюда Троица, отсюда три взаимосвязанных и неразделимых оси координат, и «тридесятое царство», и т. п., и т. д. Наиболее четко и последовательно вся эта структура описана математикой и логикой, поэтому использовать для большей четкости рассуждений их принципы вовсе «не грех» и для филологии.

Эти рассуждения можно продолжить и еще в одном направлении. Мы уже писали о голографической структуре трех фигур коммуникации: фигуре действительности, интровертивной фигуре – тексте, и экстравертивной фигуре – дискурсе (см.: [Прохоров 2004]). Столь же голографично и взаимоотношение трех пространств, выделенных выше, – семантического, семиотического и концептуального. Но, кроме того, их можно рассматривать и под другим углом зрения: если «картинку» по-

---

³ Ср.: «Чтобы представить, с чего начинается развитие речевой способности и процессов речевосприятия и речепорождения, проще всего, пожалуй, будет вновь обратиться к грубым, но достаточно адекватным техническим аналогиям. Для этого мы предлагаем сравнить головной мозг новорожденного ребенка с абсолютно новым компьютером, который имеет чистое и свободное от информации внутреннее устройство, но который способен и готов к работе – его лишь нужно постепенно этой информацией заполнить.

Возвращаясь к головному мозгу новорожденного ребенка, можно сказать, что, хотя он тоже еще практически чист и свободен от информации, биологически и генетически он уже готов и способен к работе – это то, что можно назвать биологической и генетической «закладкой» речевой способности.

Ячейки памяти компьютера, по аналогии с нейронами головного мозга, загружаясь все большим и большим количеством информации, станут с течением времени обрастать все увеличивающейся и разрастающейся сетью внутренних связей-кодов, необходимых для работы на определенном языке.

То же самое станет происходить и с нашим ребенком: получая все больше информации из окружающей среды, в процессе предметной деятельности, общения и обучения психофизиологический аппарат ребенка станет вырабатывать все большее количество внутренних нейронных связей, так называемых речевых кодов, которые обеспечат ему овладение и владение языком – речевая способность под влиянием социума будет формироваться, развиваться и действовать» [Румянцева 2004: 175].

строения их в нашем сознании мы увидеть не можем, то можем реально увидеть другую картинку, построенную, как мы отмечали выше, «по нашему образцу и подобию». В данный момент этот текст печатается на компьютере. Если остановиться и нажать команду «Свойства», то мы можем увидеть, какой объем памяти на жестком диске занимает этот текст. Информация (в виде тестовых файлов, например) фрагментирована и физически занимает какое-то пространство определенного сегмента жесткого диска, и размещена он вовсе не последовательно и компактно, а находится в совершенно различных частях этого диска, этого объема. Причем, если – в качестве эксперимента, сохранив все написанное отдельно – мы сотрем какую-то незначительную часть программного обеспечения, то убедимся, что пострадает не один какой-то файл, а множество файлов. Но пострадают они не только «физически», но и в смысле возможности нашего обращения к ним – они будут материально существовать, но станут «вещью в себе», недоступной нам.

Примерно то же самое происходит с нашим сознанием при поражении отдельного и даже крайне незначительного участка головного мозга – вдруг что-то где-то начинает пропадать, причем ни место «пропажи», ни ее объем нами самими не предсказуем.

Но из этого следует и еще одно рассуждение. Собственно сферы – семантическая, семиотическая и концептуальная – находятся в таком же «разобранном» состоянии, поэтому и не представляется возможным дать некоторое их «конечное» описание или даже именование, пока они «там», в нашем сознании. Но как только мы их переводим «сюда» – даже не выводим в «светлую область сознания», а материализуем их «на языке» – тогда они выстраиваются в некоторую устойчивую фигуру (и, очевидно, всегда далеко не в полном объеме, а в том, который нам необходим в данной ситуации речевого общения): лишь тогда только мы можем «сказать» (именно «сказать», хотя и всеми доступными нам средствами – вербальными или невербальными), что это – нечто единое и для «говорящего», и для «слушающего», когда они пользуются одни и тем же «языком». Вернемся еще раз к компьютеру: мы не знаем, где конкретно на диске находится нужный нам файл, но мы вступаем в коммуникацию, он нам нужен, мы его вызываем – и он является нам в полном объеме своего содержания? Нет, не в полном: в полном объеме нам является только то, что мы видим на экране, то, с чем мы реально контактируем, – остальное «и есть», «и нет», оно латентно. В принципе, можно использовать и более простой пример: когда мы читаем книгу, то реальная коммуникация происходит именно с той страницей, которую мы читаем – все остальные страницы находятся в латентном состоянии

(те, которые мы уже прочитали) или в виртуальном (те, которые еще не прочитаны, но, в принципе, уже существуют). И, точно так же мы практически никогда не помним – в полном объеме! – даже уже прочитанные страницы, а имеем о них некоторое дискретное знание.

На свойствах пространства, в котором «пребывают» соответствующие сферические конструкции, необходимо остановиться особо. Во-первых, как тонко замечает М. Мерло-Понти, «пространство – это не среда (реальная или логическая), в которой расположены вещи, а средство, благодаря которому положение этих вещей становится возможным»; «Наше восприятие не подразумевало бы ни контуров, ни изображений, ни фона, ни объектов и, как следствие, было бы восприятием «ничто», да и, наконец, вообще не имело бы места, если бы субъект восприятия не был бы тем взглядом, что ухватывает вещи только при условии их определенной ориентации. Ориентация же в пространстве – это не какая-то случайная особенность объекта, это средство, при помощи которого я узнаю и уясняю этот объект как один из прочих» (цит. по: [Борисова 2003: 35, 43]).

Во-вторых, исследователи различают несколько видов пространств с точки зрения их взаимосвязи с человеком. Реальное пространство существует объективно, независимо от человека. Перцептуальное пространство – пространство субъективных ощущений, пространство кажущееся; оно таково, каким его воспринимает человек в процессе отражения и последующего закрепления в языковых формах. Перцептуальное пространство выступает как «пространство-посредник», соединяя реальное и концептуальное пространство. Последнее формируется в уме человека как его некоторое представление о реальном пространстве, освоенном как перцептуальное пространство.

Таким образом, пространственные параметры многоплановы, разнообразны, но все они структурируют и объективную реальность, и бытие человека. Нас в настоящий момент интересуют те из них, которые соотносятся с рассматриваемой проблематикой сфер, то есть семантическое, семиотическое концептуальное пространства. Попробуем, исходя из предыдущих размышлений, дать их рабочие определения:

Семантическое пространство – совокупность единиц, именующих элементы картины мира, сложившейся у данного этноса в ходе его бытия и определяющей национально-культурную специфику построения и реализации ассоциативно-вербальной сети ее языковых личностей.

Семиотическое пространство – совокупность бытийно сложившихся правил понимания, оценки и организации хаоса человеческого бытия, исторически вселенски, этнически и социально закрепленных в семиотических системах, регулирующих человеческое существование и специфически означаемых в разных языках.

Концептуальное пространство – совокупность исторически сложившихся базовых структурных элементов организации человеческого бытия, закрепленных в наборе семиотических сфер, именованных в наборе семантических сфер и обеспечивающих существование человека в реальном пространстве.

Попробуем рассмотреть взаимосвязь этих пространств на примерах.

1. – Дайте книгу-то, – канючил Бенедикт. – Не жидитесь, книгу дайте!
Никита Иваныч посмотрел на Лев Львовича, из диссидентов, а Лев Львович, из диссидентов, смотрел в окно. Лето, вечер, пузырь с окна сняли – далеко в окно видать
- Рано еще!
  - Чего рано? Уж солнце садится.
  - Тебе рано. Ты еще азбуку не освоил. Дикий человек.
  - Степь да степь кругом, – ни к селу ни к городу сказал Лев Львович сквозь зубы.
  - Я не освоил?! – поразился Бенедикт. – Я?! Да я!.. Да ить!.. Да я знаете сколько книг перечитамши? Сколько переписамши?!
  - Да хоть тыщу...
  - Больше!
  - ... хоть тыщу, все равно. Читать ты, по сути дела, не умеешь, книга тебе не впрок, пустой шелест, набор букв. Жизненную, жизненную азбуку не освоил!
- Бенедикт обомлел. Не знал, что сказать. Такое вранье откровенное, прямо вот так тебе и говорят: ты – не ты, и не Бенедикт, и на белом свете не живешь, и... прям не знаю что.
- Вот уж сказали... То есть как же? Азбуку-то... Вот есть «аз»... «слово», «мыслете»... «ферт» тоже...
  - Есть и «ферт», а есть и «фита», «ять», «ижица», есть понятия тебе недоступные: чуткость, сострадание, великодушие...
  - Права личности, – подъялдыкнул Лев Львович, из диссидентов.
  - Честность, справедливость, душевная зоркость...

– Свобода слова, свобода печати, свобода собраний, – Лев Львович.
– Взаимопомощь, уважение к другому человеку... Самопожертвование...

– А вот это уже душок! – закричал Лев Львович, грозя пальцем. – Душок! Не в первый раз замечаю, куда вы со своей охраной памятников клоните! От этого уже пахнет!

В избе, точно, пахло. Это он правильно подметил.

– Нет «фиты», – отказался Бенедикт: мысленно он перебрал всю азбуку, напугавшись, что, может, упустил что, – ан нет, не упустил, азбуку он знал твердо, наизусть, и на память никогда не жаловался. – Нет никакой «фиты», а за «фертом» идет сразу «хер», и на том стоим. Нету...

– Хорошо, хорошо, – остановил Лев Львович, – так что написано на столбе?

Бенедикт высунул голову в окно, прищурился, прочел Прежним все, что на столбе: «Никитские ворота», матерных семь слов, картинку матерную, Глеб плюс Клава, еще пять матерных, «Тут был Витя», «Нет в жизни счастья», матерных три, «Захар – пес» и еще одна картинка матерная. Все им прочел.

– Вот вам вся надпись, али сказать текст, доподлинно. И никакой «фиты» там нет. «Хер» – сколько хотите, раз, два... восемь. Нет, девять, в «Захаре» девятый. А «фиты» нет.

– Нет там вашей «фиты», – поддержал и Лев Львович.

– А вот и есть! – закричал ополоумевший Истоппник, – «Никитские ворота» – это моя вам фита, всему народу фита! Чтобы память была о славном прошлом! С надеждой на будущее! Все, все восстановим, а начнем с малого! Это же целый пласт нашей истории! Тут Пушкин был! Он тут венчался!

– Был Пушкин, – подтвердил Бенедикт. – Тут, в сараюшке, он у нас и завелся. Головку ему выдолбили, ручку, все чин чинарем. Вы же сами волоочь подмогали, Лев Львович, ай забыли? Память у вас плохая! Тут и Витя был.

– Какой Витя?

– А не знаю какой, может, Витька припадошный с Верхнего Омута, может, Чучиных Витек – бойкий такой парень, помоложе меня будет; а то, может, Витя колченогий. Хотя нет, вряд ли, этому сюда не дойти. Нет, не дойдет. У него нога-то эдак на сторону свернута, вроде как ступней вовнутрь...

– О чем ты говоришь, какой Витя, при чем тут Витя...

– Да вон на столбе, на столбе-то! «Тут был Витя!» Ну и ну, я же только что прочел!

– Но это же совершенно неважно, был и был, мало ли... Я же говорю про память...

– Вот он память и оставил! Затем и резал! Чтоб знали – кто пройдет, – помнили накрепко: был он тут!!

– Когда же ты научишься различать!!! – закричал Никита Иваныч, вздулся докрасна и замахал кулаками. – Это веха, историческая веха! Тут стояли Никитские ворота, понимаешь ты это? Неандертал!!! Тут шумел великий город! Тут был Пушкин!

– Тут был Витя!!! – закричал и Бенедикт, распаясь. – Тут был Глеб и Клава! Клава – не знаю, Клава, может, дома сидела, а Глеб тут был! Резал память! И все тут!.. А! Понял! Знаю я Витю-то! Это ж Виктор Иваныч, который старуху вашу хоронил. Распорядитель. Точно он, больше некому. Виктор Иваныч это.

– Никогда Виктор Иваныч не станет на столбе глупости резать, – за протестовали Пржежные, – совершенно немислимо... даже вообразить трудно...

– Отчего ж не станет? Вы почему знаете? Что он, глупей вас, что ли? Вы режете, а он не режет, да? Про ворота – можно, давай вырезай, а про человека – ни в коем разе, так?

Все трое молчали и дышали через нос.

– Так, – сказал Никита Иваныч, выставляя вперед обе ладоши, – спокойно. Сейчас, – погоди! – сейчас я сосредоточусь и объясню. Хорошо. Ты в чем-то прав. Человек – это важно. Но! В чем тут суть? – Никита Иваныч собрал пальчики в щепотку. – Суть в том, что эта память – следи внимательно, Бенедикт! – может существовать на разных уровнях...

Бенедикт плюнул.

– За дурака держите! Как с малым ребятенком!.. Ежели он дылда стосеросовая, так у него и уровень другой! Он на самой маковке вырежет! Ежели коротышка – не дотянется, внизу сообщит! А тут посередке, в аккурат в рост Виктора Иваныча. Он это, и сумнений никаких быть не должно...

Т. Толстая. Кысь.

В этом примере представлено общение представителей двух различных поколений. Во-первых, Никиты Ивановича и Льва Львовича, живших до определенного катаклизма, полностью изменившего существовавшую и привычную им картину мира, в которой у них сложилось взаимодействие семантического, семиотического и концептуального пространств, что обеспечивало форму и содержание коммуникации. Во-вторых, Бенедикта, родившегося в иной картине мира, в которой реально находятся сейчас и первые два героя. Общение происходит на одном языке и в общей действительности. Однако принципиально различаются взаимосвязи их пространств: у Бенедикта есть некоторое реальное семантическое пространство, связанное с семиотическим пространством этой фигуры действительности, и концептуальное пространство, формируемое данной картиной мира. При этом у него есть и «минимальные» другие семантическое и семиотическое пространства, полученные

из книг и общения в героями «другого мира». У двух других героев также есть все три пространства, однако минимальные семантическое и семиотическое пространства Бенедикта – это элементы картины мира, соотносимой с их концептуальным пространством, связанным с другой фигурой действительности. В связи с этим общение всех трех участников явно затруднено: они понимают слова, немного понимают знаковую сущность произносимых единиц (это частично совпадает с учетом общей фигуры действительности, в которой происходит общение, – и в основном не совпадает из-за разных исходных в общении картин мира) и практически не понимают концептуальную составляющую речи друг друга.

2. ... он увидел свою Характеристику. Шла она посередине поля, вопила низким голосом:

– ... в-туде-прилежен-в-быту-морален...

А мы с Фефеловым Андроном Лукичем приятельски гуляем, шупаем колосья.

– Ты мне, брат Иван Александрович, представь свою Характеристику, – мигает правым глазом Андрон Лукич, – а тебе за это узюму выпишу шашнацать кило.

– А вот она, моя Характеристика, Андрон Лукич, извольте познакомиться.

Фефелов строгим глазом смотрит на подходящую, а я весь дрожу – ой, не пондравится!

– Это вот и есть твоя Характеристика?

– Она и есть, Андрон Лукич. Не обессудьте.

– Нда-а...

Хоть бы губы подмазала, проклятушая, уж не говорю про перманенту.

Идет, подолом метет, душу раздирает:

– ...политически-грамотен-с-казенным-имуществом-шшапетилен...

– Нда, Иван Александрович, признаться, я разочарован. Я думал, твоя Характеристика – девка молодая, ядреная, а эта – как буряк прошлогодний...

– Ой, привередничаєте, Андрон Лукич! Ой, недооцениваете... – Говорю это я басом, а сам дрожу ажник, как фитюля одинокая. Узюму хочется.

– Ну да ладно, – смирился Андрон Лукич, – какая-никакая, а все ж таки баба.

Присел, набычился, рявкнул, да как побежит всем телом на мою Характеристику.

– Ай-я-яй! – закричала Характеристика и наутек, дурь лупоглазая.

Бежит к реке, а за ей Андрон Лукич частит ногами, гудит паровозом – люблю-ю-у-у! Ну и я побег – перехвачу глупую бабу!

– Нет! – кричит Характеристика. – Никогда этого не будет! Уж лучше в воду!

И бух с обрыва в речку! Вынырнула, выпучила зенки, взвыла:
– ...с-товарищами-по-работе-принципиален!!!
И камнем ко дну.
Стоит Фефелов Андрон Лукич отвлеченный, перетирает в руке коло-
сик.
– Пшеница ноне удалась, Иван Александрович, а вот с узюмом пере-
бой.
И пошел он от мене гордый и грустный, и, конечно, по-человечески
его можно понять, но мне от этого не легче».
В. Аксенов. Затоваренная бочкотара.

В этом примере нарушена связь между концептуальным пространством, с одной стороны, и с другой – в принципе сохраненной взаимосвязью между семантическим и семиотическим пространствами: набор языковых единиц в определенной степени соответствует стандартным единицам характеристики как знака, в то же время «концепт характеристики» разрушен полностью.

3. Однако главным образом Магнус Федорович работал над диссертацией, тема которой звучала так: «Материализация и линейная натурализация Белого Тезиса как аргумента достаточно произвольной функции сигма не вполне представимого человеческого счастья».

Тут он достиг значительных и важных результатов, из коих следовало, что человечество буквально купалось бы в не вполне представимом счастье, если бы только удалось найти сам Белый Тезис, а главное – понять, что это такое и где его искать.

Упоминание о Белом Тезисе встречалось только в дневниках Бен Бецалеля. Бен Бецалель якобы выделил Белый Тезис как побочный продукт какой-то алхимической реакции и, не имея времени заниматься такой мелочью, вмонтировал его в качестве подсобного элемента в какой-то свой прибор. В одном из последних мемуаров, написанных уже в темнице, Бен Бецалель сообщал: «И можете вы себе представить? Тот Белый Тезис не оправдал-таки моих надежд, не оправдал. И когда я сообразил, какая от него могла быть польза – я говорю о счастье для всех людей, сколько их есть, – я уже забыл, куда же я его вмонтировал». За институтом числилось семь приборов, принадлежавших некогда Бен Бецалелю. Шесть из них Редькин разобрал до винтика и ничего особенного не нашел. Седьмым прибором был диван-транслятор. Но на диван наложил руку Витька Корнеев, и в простую душу Редькина закрались самые черные подозрения. Он стал следить за Витькой. Витька немедленно озверел. Они поссорились и стали заклятыми врагами, и оставались ими по сей день. Ко мне как к представителю точных наук Магнус Федорович относился благожелательно, хотя и осуждал мою дружбу с «этим плагиатором». В общем-то Редькин был неплохим человеком, очень трудолюбивым, очень упорным, начисто лишенным корыстолюбия. Он проделал громадную работу, собравши гигантскую

коллекцию разнообразнейших определений счастья. Там были простейшие негативные определения («Не в деньгах счастье»), простейшие позитивные определения («Высшее удовлетворение, полное довольство, успех, удача»), определения казуистические («Счастье есть отсутствие несчастья») и парадоксальные («Счастливей всех шуты, дураки, сущеглупые и нерадивые, ибо укоров совести они не знают, призраков и прочей нежити не страшатся, боязнь грядущих бедствий не терзаются, надеждой будущих благ не обольщаются»).

Магнус Федорович положил на стол коробочку с ключом и, недоверчиво глядя на нас исподлобья, сказал:

– Я еще одно определение нашел.

– Какое? – спросил я.

– Что-то вроде стихов. Только там нет рифмы. Хотите?

– Конечно, хотим, – сказал Роман.

Магнус Федорович вынул записную книжку и, запинаясь, прочел:

Вы спрашиваете:

Что считаю

Я наивысшим счастьем на земле?

Две вещи:

Менять вот так же состоянье духа,

Как пени выменял бы я на шиллинг,

И

юной девушки

Услышать пенье

Вне моего пути, но вслед за тем,

Как у меня дорогу разузнала.

– Ничего не понял, – сказал Роман. – Дайте я прочту глазами.

Редькин отдал ему записную книжку и пояснил:

– Это Кристофер Лог. С английского.

– Отличные стихи, – сказал Роман.

Магнус Федорович вздохнул.

– Одни одно говорят, другие – другое.

– Тяжело, – сказал я сочувственно.

– Правда ведь? Ну как тут все увяжешь? Девушки услышать пенье...

И ведь не всякое пенье какое-нибудь, а чтобы девушка была юная, находилась вне его пути, да еще только после того, как у него про дорогу спросит... Разве же так можно? Разве такие вещи алгоритмизируются?

– Вряд ли, – сказал я. – Я бы не взялся.

– Вот видите! – подхватил Магнус Федорович. – А вы у нас заведующий вычислительным центром! Кому же тогда?

– А может, его вообще нет? – сказал Роман голосом кинопродюсера.

– Чего?

– Счастья.

Магнус Федорович сразу обиделся.

– Как же его нет, – с достоинством сказал он, – когда я сам его неоднократно испытывал?

– Выменяв пенни на шиллинг? – спросил Роман. Магнус Федорович обиделся еще больше и вырвал у него записную книжку.

– Вы еще молодой... – начал он.

Стругацкие. Понедельник начинается в субботу.

В этом примере сохранены параметры «концепта счастья» и соотносимое с этим концептуальным пространством семантическое пространство, однако использование участниками коммуникации разных знаковых систем приводит к сбою в общении.

4. Прихлебывая куриный взвар (тяжелой пищи ему покуда не полагалось), Жихарь со стыдом и ужасом слушал неспешный рассказ кузнеца о том, какое нестроение началось в Столенграде и во всем Многоборье, когда отравное зелье свалило его прямо за столом.

– Ну, грабежи еще при тебе начались, – говорил Окул. – А тут и вовсе обнаглели. Из лесу приперлась ватажка лихих людей, грозились спалить город – это на зиму-то глядя! Ну, с этими кое-как совладали. Дружина поворчала без жалованья, но за мечи взялась. Только от этого больше порядку не стало. Взяли люди себе за обычай не отдавать долги. Жихарь, кричат, вон сколько в кабаке задолжал – значит, и нам то же пристало. Я сам дружиннику Коротая изладил доспех такой, что королевичу впору. Плати, говорю, а то, когда Жихарь проспится, ответишь! Он не платит, посмеивается. Мне же противу всей дружины не попереть! День хожу, два, седмицу. Наконец решился, взял молот потяжелее, прихожу на дружинный двор. Когда, спрашиваю, господин воин, должок вернешь? Он же, премерзкий, захохотал и говорит: «Когда Жихарь проспится!» То есть моими же словами... Тут, гляжу, нас, таких недовольных, многонько собирается. И быть бы у нас крепкой усобице, и стоять бы Столенграду пусто, если бы не кривлянская княжна Карина...

– Отчего же имя такое печальное? – спросил Жихарь.

– А жизнь-то у нее какая? – ответил кузнец.

И рассказал о том, что княгиня Апсурда на своих семи возах с приданным ехала к батюшке с жалобой, да не доехала: полюбила по дороге вдовому кривлянскому князю Перебору Недосветовичу. А у Перебора Недосветовича дочка – вот эта самая Карина. Разумница и книжница, женихов, как мусор, перебирала, вот и припоздала, дождалась мачехи на свою голову. Мачеха же, как и полагается, задумала ее погубить – послала дочку в лес землянику искать под снегом, двоих верных слуг – из наших же, кстати, – к ней приставила для верности, чтобы не воротилась. Те девушку привязали к дереву да и были таковы: кровь на себя брать не стали – и так замерзнет.

– На ее счастье, – продолжал кузнец, – шлялись по лесу своим обычаем два зимних ухаля – Морозка да Метелица, ты их знаешь, да с ними тре-

тий, товарищ Левинсон, – он, говорят, из Разгром-книги приبلудился. В кожаном кафтане кургузом. Стал у них за старшего. И не приказал девицу морозить и заматать, а велел вывести к людям. То есть к нам. Тут ее признали, обогрели, стали думать думу и вот что надумали...

Куриное варево привело Жихаря в ум, он стал слушать внимательно.

– Что нам опять без власти сидеть, друг дружке головы листать? Жупел нас приучил к лютости, теперь не отвыкнуть. А тут готовая княжна, хорошего рода, законы понимает, даром что незамужняя. Ну, самых недвольных утихомирили да и присягнули ей на верность – а что делать? Не ведомо, когда ты проснешься да не примешься ли сызнова в кабаке княжить?

М. Успенский. Время Оно.

В данном примере во многом сохранено концептуальное пространство, в рамках которого происходит и сегодняшнее речевое общение носителей русского языка. Однако семантическое пространство уже становится как бы «двухмерным»: оно обслуживает как бы два семиотических пространства – и в современной триаде «семантическое₁ – семиотическое₁ – концептуальное₁», и в триаде «семантическое_{1,2} – семиотическое₂ – концептуальное_{1,2}».

Таким образом, можно – причем более точно это построение будет выглядеть именно в обращенном порядке, от реальности общения к теории – построить следующую картину роли и места «концепта»:

1. Каждая языковая единица в процессе своего существования в речевом общении «обрастает» определенной совокупностью ассоциативных связей с другими единицами – она образует вокруг себя некоторую семантическую сферу, а совокупность семантических сфер, реализуемых в ассоциативно-вербальной сети речевого общения носителей данного языка образует семантическое пространство.

2. Каждая языковая единица, будучи знаком, фиксирует и именуется определенной связью между явлением действительности, значением и смыслом этого явления. Знак должен содержать – пусть виртуально, т. е. на уровне совокупности всех возможных ситуаций речевого общения, – и всю эту совокупность смыслов, проявляющихся с учетом реального процесса общения. При этом собственно знак является и устойчивой, и мобильной структурой, обеспечивающей и единообразное понимание его в определенной языковой среде, и возможность использования его как метафоры в иных условиях речевого общения. Совокупность семиотических сфер образует семиотическое пространство.

3. Совокупность семантических сфер и семиосфер, расположенных во взаимосвязанном пространстве, создает условия для возникновения

сфер более высокого порядка – концептосфер, которые, с одной стороны, через семантические сферы связаны с языком, с возможностью именования их или их частей, а с другой – через посредство семиосфер, связаны с достаточно устойчивыми моделями восприятия и постижения мира. Совокупность концептосфер создает концептуальное пространство.

4. Взаимодействие семантических, семиотических и концептуальных пространств образуют национальную языковую картину мира.

Попробуем представить все выше сказанное в виде некоторой картины, некоторого образа, который бы не противоречил изложенным выше рассуждениям, причем как научной, так и наивной картина мира, а также нашим реальным возможностям постижения вообще всего сущего. Повторим еще раз: автор убежден в том, что в принципе любые модели строятся по одним логическим принципам – принципам организации человеческого сознания, отражающего структурные модели бытия на данном этапе этого отражения (постижения). Следовательно, и предлагаемый нами любой образ какой-либо организации этого отражения должен строиться по тем известным на данный момент законам и правилам, по которым строится и организация собственно бытия.

Так вот, представим такое строение соотношения семантических + семиотических + концептуальных сфер, которое в итоге и обеспечивает коммуникацию всех со всеми (в принципе, независимо от конкретного языка). Собственно совокупность сфер – есть атом: «Атом <...> – наименьшая частица химического элемента, являющаяся носителем его свойств <...>. Атом состоит из тяжелого ядра... и окружающих его легких частиц – электронов <...>. Заряд ядра – основная характеристика атома, обуславливающая его принадлежность к определенному элементу <...>. Электронные оболочки не имеют строго определенных границ <...>. Атому одного элемента могут иметь разные массовые числа (число протонов одинаково, а число нейтронов различно); такие разновидности атома одного и того же элемента называют изотопами... Большинство свойств атома определяется строением и характеристиками его внешних электронных оболочек, в которых электроны связаны сравнительно слабо <...>. Электроны во внешних оболочках легко подвергаются внешним воздействиям <...>. При сближении атомов возникают сильные взаимодействия, которые могут приводить к образованию молекул <...>. Свойства атома, находящегося в связанном состоянии (например, входящего в состав молекул), отличаются от свойств свободного атома <...>. Наибольшие изменения претерпевают свойства атома, определяемые самыми внешними электронами, принимающими участие в при-

соединении данного атома к другому. Вместе с тем свойства, определяемые электронами внутренних оболочек, могут практически не изменяться»⁴.

Переведем это «на филологический язык»: 1) есть некоторый элемент языковой картины мира, который служит одним из строительных ее элементов (в этом смысле – он мельчайший); 2) этот элемент состоит из ядра – концептуального пространства, которое достаточно устойчиво во времени в своем «заряде»; 3) вокруг ядра есть ближайшая к нему оболочка сферы – семиотическое пространство, которое во многом определяет характеристики концептосферы; 4) внешняя – семантическая – сфера, с одной стороны, определяет своими, находящимися в постоянном движении и взаимодействии языковыми единицами характеристики концептосферы в данный момент ее существования; с другой – в связи с принадлежностью в ассоциативно-вербальной сети этих единиц и к другим «атомам», позволяет связывать отдельные «атомы» в «молекулы» реальной коммуникации; 5) факт наличия в деятельности любого лингвоэтнического сообщества в принципе сходных концептосфер (на основе глобального сходства структур деятельности ее представителей), не отрицает возможности и их различий с учетом как особенностей сложившихся семиотических пространств, так и особенностей структур именовании в семантическом пространстве – таким образом, эти концептосферы могут пониматься как изотопы одного и того же атома, что, в принципе, и позволяет осуществлять межкультурное общение.

Л и т е р а т у р а

1. Борисова 2003 – *Борисова С. А.* Пространство – Человек – Текст. Ульяновск: УлГУ, 2003. – 327 с.
2. Бендикс 1983 – *Бендикс Э. Г.* Эмпирическая база семантического описания // Проблемы и методы лексикографии. М., 1983. Вып. 14. С. 105–136.
3. Вернадский 2000а – *Вернадский В. И.* Научная мысль как планетарное явление // Труды по философии естествознания. М.: Наука, 2000. С. 316–651.
4. Вернадский 2000б – *Вернадский В. И.* Несколько слов о ноосфере // Труды по философии естествознания. М.: Наука, 2000. – С. 308–315.
5. Выготский 1982 – *Выготский Л. С.* Мышление и речь // Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. Проблемы общей психологии. М., 1982. – 470 с.
6. Кубрякова 1991 – *Кубрякова Е. С.* Об одном фрагменте концептуального анализа слова «память» // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991. С. 51–62.
7. Кузнецов 2000 – *Кузнецов А. М.* Когнитология, «антропоцентризм», «языковая картина мира» и проблемы исследования лексической семантики / РАН. ИНИОН. Центр гуманист. науч.-информ. исслед., Отд. языкознания. М.: 2000. С. 8–22.

---

⁴ Все сведения выбраны автором из: [ФЭС 1983: 36–39].

8. Лихачев 1993 – *Лихачев Д. С.* Концептосфера русского языка // Изв. АН. Серия литературы и языка. Т. 52. № 1. 1993. С. 3–9.
9. Лотман 1999 – *Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров: Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1999. – 464 с.
10. Прохоров 2004 – *Прохоров Ю. Е.* Действительность. Текст. Дискурс. М.: Флинта, 2004. – 224 с.
11. Румянцева 2004 – *Румянцева И. М.* Психология речи и лингвопедагогическая психология. М.: ПЕР СЭ; Логос, 2004. – 319 с.
12. ФЭС 1983 – Физический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983.
13. Швец 2002 – *Швец Н. О.* Концептуальные пространства в трактовке П. Гэрденфорса // Психолингвистические исследования: слово и текст: Сб. научн. тр. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. С. 115–124.

Концепты-регулятивы

© доктор филологических наук В.И. Карасик, 2005

Концепты – это ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта. Типизируемость этих единиц закрепляет представления в виде различных стереотипов, их осознаваемость дает возможность передать информацию о них другим людям, их значимость закрепляет в индивидуальном и коллективном опыте важные (и поэтому эмоционально переживаемые) характеристики действительности. Эти характеристики концептов представляют собой их образно-перцептивную, понятийную и ценностную стороны.

Сравнивая концепты, свойственные различным национальным культурам, мы замечаем, что в ряде случаев мы сталкиваемся с асимметричной представленностью единиц в сопоставляемых культурах. Такая асимметричность неоднородна. Ее крайней степенью является лакуарность – значимое отсутствие определенных признаков и единиц в одной системе по сравнению с другой. Лакуарные концепты представляют собой «незаполненные клеточки» в некоторой матрице и условно могут быть разбиты на следующие разновидности: 1) отсутствующие в сравниваемых культурах осмысления объектов, иллогизмы, которые не вызваны потребностями людей, но могут быть придуманы или созданы [Быкова 1999]: «камнеед», «крысовод», «слонопотам»; 2) отсутствующие в одной из культур осмысления реалий, свойственных другой культуре (предметных, антропонимических, топонимических, историко-культурных, мифологических): «кокошник», «Кремль», «комсомольское собрание», «леший»; 3) нерелевантные для одной из культур качества или сочетания качеств, имеющие имя в той культуре, где они актуальны: «fair play» (в английской лингвокультуре – игра по правилам), «savoir vivre» (во французском языковом сознании – умение жить с удовольствием), «щедрость» (специфическое качество русского национального характера). Строго говоря, о лакуарности как полном отсутствии объекта в последнем случае говорить нельзя, имеет место лингвокультурная специфика, которую нужно объяснить.

Этноспецифическим в приведенном понимании является своеобразное качество, мыслимое как отдельное. С иных позиций этноспецифическим является любое ментальное образование другой культуры: известна позиция И. Е. Аничкова (1992), утверждавшего, что в языке все

идиоматично. В этом плане заслуживает внимания идея лингвистического континуума (В. М. Савицкий), согласно которой можно говорить о той или иной степени идиоматичности языковой единицы и о той или иной степени лингвокультурной специфики концепта [Савицкий, Кулаева 2004]. Можно выделить, таким образом, три типа концептов: 1) специализированные этнокультурные и социокультурные концепты, в концентрированном виде выражающие особенности соответствующей культуры, 2) неспециализированные концепты, культурная специфика которых выражена в меньшей мере и требует поиска скрытых культурно значимых ассоциаций, 3) универсальные концепты, не имеющие культурной специфики.

Существует определенное различие в понимании концепта в когнитивной и лингвокультурной лингвистике. С позиций когнитивной науки концепт – это «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Кубрякова 1996: 90]. В этом определении подчеркивается сохранение и структурирование в индивидуальном сознании информации о мире и самом себе в виде определенных структур представления знаний и оценок. Акцентируется переработка информации от сенсорных сигналов на входе до ментальных репрезентаций разного типа (образов, пропозиций, фреймов, скриптов, сценариев и т. п.) в сознании человека. Концепты, идеи независимы от языка, не случайно только часть их находит языковую объективацию, однако самые важные концепты кодируются именно в языке [Кубрякова 1996: 92].

С позиций лингвокультурологии нас интересуют только те концепты, которые характеризуют специфику культуры как совокупности человеческих достижений во всех сферах жизни, противопоставляемых природе. Строго говоря, человек принадлежит и природе, и культуре. Если вычтеть природную составляющую, останется бестелесная абстракция, если вычтеть культурную составляющую, останется организм. В этом смысле все концепты, которыми оперирует человек, – это культурные концепты. Но есть и более узкое понимание этих сущностей. Когда речь идет об этнических и социальных разновидностях культуры, то единицами системы специфических форм поведения и деятельности, ценностно насыщенными паттернами мировосприятия, выступают культурные концепты. Итак, когнитивные концепты – это индивидуальные содержательные ментальные образования, структурирующие и реструктурирующие окружающую действительность, а культурные концепты – это коллективные содержательные ментальные образования, фикси-

рующие своеобразие соответствующей культуры. Очень важно то, что культура фиксируется в разных формах, среди которых для лингвистики релевантны языковое сознание и коммуникативное поведение, язык и дискурс [Красных 2002: 12]. В этом плане самой значимой внутренней оппозицией концептов является их противопоставление как когнитивных и культурных единиц, а если быть более точным – лингвокогнитивных и лингвокультурных концептов [Воркачев 2002]. С позиций когнитивной лингвистики мы движемся от человека к культуре, с позиций лингвокультурологии – от культуры к человеку.

Содержательно все концепты можно противопоставить как **параметрические** и **непараметрические** ментальные образования. К первым относятся те концепты, которые выступают в качестве классифицирующих категорий для сопоставления реальных характеристик объектов: пространство, время, количество, качество и др. Ко вторым относятся концепты, имеющие предметное содержание. Параметрические концепты весьма своеобразны, их ценностный компонент выводится дедуктивно при их конкретизации в дискурсе (*Время проходит? Время стоит. Проходите вы.* – В этой грустной сентенции концепт «время» приобретает смысл «напоминание о краткости человеческой жизни»). В этой связи возникает вопрос: в какой мере параметрические концепты можно считать концептами? Эти ментальные образования имеют принципиально универсальную, общечеловеческую природу, их ценностный компонент является не внутренне присущим им (ингерентным), а наведенным (адгерентным), их перцептивно-образный компонент осознается как прототипическое уточнение (по Э. Рош), а в ряде случаев является вырожденным (как можно представить себе «сущность», «форму», «бытие?»), но их понятийный компонент представляет собой разветвленное сложное знание о ненаблюдаемых вещах. Самый простой ответ на этот вопрос – считать, что параметрические концепты являются понятиями. Такое решение, при всей его простоте, приводит к тому, что идея концепта как многомерного образования сводится на нет: выделяются ментальные единицы трех типов – понятия, образы и ценности. Второе решение – формально-логическое: принять во внимание возможность нулевого признака (любого из трех компонентов) или, в более гибком выражении, допустить наличие шкалы проявления признака (сильное, слабое и нулевое проявление). Третье решение – акцентировать идею транслируемости (превращаемости) концепта [Ляпин 1997]. Понимание концепта как узловой точки, соединяющей не только личные смыслы и культуру общества, но и разные смысловые области опыта, разные знания и переживания дает возможность соотнести в

единой системе параметрические и непараметрические концепты. При этом мы помним, что параметрические концепты неоднородны, в их составе выделяются категории (общефилософские и научные) и общедоступные универсальные ментальные образования. О лингвокультурной специфике этих концептов можно говорить лишь применительно к их конкретизации в определенной культуре. Например, такова лингвокультурная специфика концепта «фактуальность» в английском и русском языковом сознании [Карасик 2002]. Одним из важнейших признаков категориального статуса концептов является их антиномический характер, наличие **бинарной оппозиции** как конститутивного признака концепта. Эта бинарность может иметь разные направления, уточняющие концепт диалектически или логически, например: сущность – явление, жизнь – смерть, свобода – необходимость.

Непараметрические концепты можно разбить на **регулятивные** и **нерегулятивные**. К первым относятся те ментальные образования, в содержании которых главное место занимает ценностный компонент («счастье», «долг», «щедрость» и др.), ко вторым – синкретичные ментальные образования разного характера («путешествие», «подарок», «здоровье» и др.). В строгом смысле слова следует говорить не о ценностном, а об аксиологическом компоненте, включающем ценности (высшие ориентиры) и нормы поведения [Бабаева 2004]. Концепты-регулятивы в концентрированном виде содержат оценочный кодекс той или иной лингвокультуры. Они в своем системном выражении объясняют культурные доминанты поведения, например, созерцательность и приоритет морали в русской культуре либо агентивность и приоритет права в англоязычном мире. Концепты-регулятивы неоднородны, в их составе выделяются телеономные концепты – «вербализованные смыслы, отправляющие к универсалиям духовной культуры и создающие для человека смысл жизни» [Воркачев 2003: 4], такие, как «счастье» и «любовь», и более частные регулятивные концепты – «гордость», «милосердие», «пунктуальность», «пошлость» и др. Концепты-регулятивы представлены в прецедентных текстах [Слышкин 2002]. Именно регулятивные концепты представляют наибольший интерес для выявления особенностей ментальности определенного народа или той или иной группы в его составе.

Проиллюстрируем сказанное на примере концепта «challenge».

В современном русском языке мы сталкиваемся с разными значениями слова «вызов»: 1) (отглагольное существительное, называющее действие, выражаемое глаголом «вызвать») (офиц.) Попросить, пригласить, потребовать показаться, явиться куда-л., откуда-л. *Вызвать врача.*

Вызвать родителей телеграммой; призвать, побудить к каким-л. действиям. *Вызвать на бой, на поединок, на соревнование.* 2) (офиц.) Документ, содержащий требование, предложение, просьбу прибыть куда-л. *Прислать вызов на конференцию.* 3) Стремление, готовность вступить в спор, борьбу и т. п. (выраженное во взгляде, голосе, действиях и т. п.). *Вызов коллективу, общественному мнению. Откровенный, прямой, дерзкий вызов. Бросить вызов кому-л. (о поступке, идущем вразрез с общепринятыми нормами)* (БТС).

В толковых словарях английского языка слово «challenge» определяется следующим образом: 1) *A demanding or stimulating situation*, 2) *A call to engage in a contest or fight*, 3) *Questioning a statement and demanding an explanation*, 4) *A formal objection to the selection of a particular person as a juror*, 5) *A demand by a sentry for a password or identification* (WordWeb).

A challenge is 1) something new and exciting or difficult which you have the opportunity of doing and which requires great effort and determination if you are going to succeed. eg. She was willing to accept the challenge of the unknown... 2) an invitation or suggestion from someone that you should compete with them in some way. eg They soon recognized the nature of the Conservative challenge... 3) a questioning of the truth, necessity, or usefulness of something or of a person's right to do or have something. eg The challenge to authority is accompanied by a much more serious consideration... (CO-DUILD).

Исторически значение этого слова в английском языке развивалось в следующем направлении: † 1. *An accusation, a reproach, an objection.* † 2. *A (false) claim; the act of demanding as a right.* 3. *An invitation or summons to take part in a trial or contest, spec. (a) to a duel, (b) to a sporting contest, esp. one issued to the reigning champion; a test of one's abilities, a demanding or difficult task.* 4. *A call to respond; esp. a sentry's demand for a password etc.* 5. *Law. An exception taken, to a person or thing; spec. an objection made to a juror.* 6. *A calling in question; the state of being called in question.* 7. *Immunology. A dose of antigen given to a previously exposed person or animal in order to detect immunity or hypersensitivity* (SOED).

Мы видим, что это слово означает ситуацию, требующую ответного действия либо в конкретном смысле (оклик часового, возражение в адрес судебного заседателя, вызов на поединок или на соревнование, проверка иммунной системы), либо в более общем смысле (поведение в неблагоприятных обстоятельствах, требующих смелости). Внутренняя логика развития значения этого слова может быть выражена в следующих оценках ситуации: враждебная – опасная – трудная – стимулирующая

щая. Соответственно меняется и поведение основных участников этой ситуации – того, кто бросает вызов, и того, кто принимает вызов. Вначале было важно подчеркнуть то, что у бросившего вызов не было права требовать чего-либо от вышестоящего. Такое поведение осуждается. Далее возникает идея вооруженного или невооруженного состязания, и положение дел радикально меняется. В условиях состязания нужно вести себя в соответствии с правилами, а они требуют честной борьбы, хороших манер и великодушия к побежденному. Получая вызов, нельзя было показывать страх или замешательство, это вело к потере репутации. Далее состязание становится спортивным, оно доставляет удовольствие как участникам, так и публике. Бросить вызов в этих обстоятельствах значит проверить себя, испытать приключения, ощутить полноту жизни.

В условиях поединка часто случается так, что соперники не равны по силам. Симпатии наблюдателей обычно на стороне слабого. Люди понимают, что у слабого участника поединка должны быть серьезные основания для того, чтобы вступить в бой с более сильным противником. Это может быть ощущение своей правоты, как у библейского Давида в поединке с Голиафом, либо дерзкое бесстрашие у тех, кто привык постоянно рисковать. Англичане, нация мореходов, хорошо знают, что для плавания по морям нужно быть готовым к любому шторму.

Такое отношение к жизни выражено в слове *defiance* – 1) *open disobedience; bold resistance*. 2) *a challenge to fight or maintain a cause, assertion, etc. In defiance of – disregarding; in conflict with* (COD).

Для выяснения типичных образов и ситуаций, связанных с исследуемым концептом, я попросил носителей английского языка написать короткое сочинение на тему «challenge». Приведу типичные тексты.

When I think about challenge I see in my mind brave explorers who step upon new lands. They go in the jungle among huge snakes and unknown brightly colored birds or they move to the North pole against winter storm, and their faces are resolute and they know it is their duty to fulfil their plans. May be it is because I remember Professor Challenger from «The Lost World» by Arthur Conan-Doyle. Or I can imagine the crew of a space ship flying to a remote end of the Universe. They know that perhaps they will not come back. But it was their free choice. I think they are happy in the sense that their life is full of intense feeling, they are romantic and they know they do not live in vain. And I hear them say: «Then it's a challenge!» I can hear the intonation of this phrase. They mean they will not quit.

Когда я думаю о вызове, я представляю себе смелых путешественников, ступающих на неизведанные земли. Они идут по джунглям среди огромных змей и неизвестных ярких птиц или двигаются к северному полю-

су сквозь бураны, их лица непреклонны, и они знают, что должны выполнить свои планы. Возможно, это связано с тем, что я хорошо помню профессора Челленджера из «Затерянного мира» А. Конан-Дойля. Еще я представляю себе команду космического корабля, улетающего в далекие края вселенной. Члены экипажа знают, что, возможно, назад они не вернуться. Но это – их свободный выбор. Я думаю, они счастливы в том смысле, что их жизнь наполнена настоящими чувствами, они – романтики, они знают, что живут не зря. Я могу себе представить, как они говорят: «Что ж, это – вызов!» Я слышу ту интонацию, с которой они произносят эти слова, они не свернут с пути.

Следующий текст написан пенсионером, работавшим раньше инженером в крупной фирме.

When I think about a challenge I recollect a couple of situations when my boss asked me to do some job which he thought would be too difficult for me. He is that teasing sort of guy. I remember he always enjoyed seeing me somewhat embarrassed. I can't say I was happy having to work extra hours. The tricky thing was that I could easily say that it was not actually my job, but I understood that he was waiting for such a reaction. I just could not give him such a pleasure. So it was a challenge, and I had to do my best to prove what I am. Later on I learned that it was a common trick recommended to managers by psychologists in order to make people work harder.

Когда я думаю о вызове, я вспоминаю пару ситуаций, когда мой шеф поручал мне работу, которая, как он думал, будет мне не по силам. Он любил так поддевать людей. Ему нравилось видеть, что мне становилось не по себе. Честно говоря, мне совсем не хотелось просиживать на работе лишние часы. Вся зацепка была в том, что я вполне мог отказаться, сказать, что это – не моя работа, но я видел, что он этого как раз и ждет. Мне не хотелось, чтобы он услышал мой отказ и обрадовался. Поэтому для меня это был вызов, и мне приходилось стараться изо всех сил, чтобы доказать, чего я стою. Потом я узнал, что это был обычный трюк, который психологи рекомендуют менеджерам использовать, чтобы заставить людей работать более напряженно.

Типичные ассоциации с данным концептом выражены в следующем тексте.

When I was a little kid there was a guy in my school who used to tease me and pinch me and show that he was very strong. He was two years older than me. I was not sort of a born fighter, so at first I tried to find a peaceful way to settle the things. But it did not help. The boys around started to call me sissy. So one day when that guy came up to me again I gave him a couple of good blows on the nose. He was bleeding, and after that he never came up to me.

Когда я был еще маленьким и ходил в школу, у нас там был один парень, который часто меня дразнил, щипал и показывал, что он очень сильный. Он был на два года старше меня. Я не очень-то люблю драться, поэтому сначала я старался все уладить мирно, но это не помогло. Пацаны стали говорить, что я – маменькин сынок. И вот однажды, когда этот парень опять стал ко мне приставать, я пару раз врезал ему по носу как следует. У него потекла кровь, и с тех пор он ко мне не приставал.

Можно увидеть, что ситуация вызова включает следующие компоненты: (1) человек, вынужденный реагировать на (2) неприятные, трудные или опасные обстоятельства, (3) наличие физической возможности уйти от такой реакции, (4) моральная необходимость противостоять этим обстоятельствам, (5) чувство удовлетворения после принятия решения противостоять им, (6) общественное одобрение такого решения. Таким образом, с концептом {«challenge» – «вызов»} сопряжены концепты «смелость», «усилие», «испытание», «успех».

В Британском компьютерном национальном корпусе базы данных (The British National Corpus Data Base) приводятся следующие примеры, иллюстрирующие структуру рассматриваемого концепта.

While only offering about 20ft of new climbing, it solves the main challenge of the capping roof: a formidable test piece with potentially fatal consequences in the event of a fall.

Отличаясь всего лишь почти на 20 футов в высоту, новое восхождение решает основную проблему, связанную с вызовом, который ставит перед альпинистами покрывающий свод: чрезвычайно трудное испытание с фатальным исходом в случае падения.

Ассоциативная линия: вызов – опасность – смелость.

For too long, over-indulgent teachers have churned out children for whom reading is a challenge and writing a mystery.

Слишком долго сверхснисходительные учителя плодили школьников, для которых чтение – это вызов, а письмо – тайна.

Ассоциативная линия: вызов – трудность – усилие.

There is, she says, little intellectual challenge, hardly any praise, not even much blame.

Она говорит, что здесь слишком маленький интеллектуальный вызов, вряд ли это заслуживает похвалы, да и винить за это никто не будет.

Ассоциативная линия: вызов – интерес – приключение, испытание.

We are now clearly in a mature market and the challenge is to both optimize recovery from existing fields and maximize the development of new marginal fields.

Мы сейчас действуем в условиях развитого рынка, и вызов состоит в том, чтобы получать оптимальную отдачу от существующих проектов и максимально расширять поиск новых областей капиталовложений.

Ассоциативная линия: вызов – цель – успех.

Необходимо отметить, что концепт «вызов» характеризует не обычные, рутинные, а особые моменты в жизни, где нужно остановиться, чтобы сделать выбор. В этом есть элемент торжественности, и поэтому данный концепт часто используется в политической риторике.

Система ценностей, закодированных в языке, в явном виде выражается в высказываниях, которые содержат нормы поведения. Эти высказывания распадаются на два класса: прямые императивы («*Слушайся старших!*») и обобщенные констатации, в которых содержатся рекомендации поведения («*Лучше умереть стоя, чем жить на коленях*»). Эти констатации могут быть выражены в форме логического определения («*Честность – лучшая политика*») и в форме иносказания («*Если ты курица, то почему несешь гусиные яйца?*»). Как прямые императивы, так и обобщенные констатации в их разновидностях сводятся к ценностным протокольным предложениям, построенным по формуле «*Следует вести себя так-то*». Ценностно маркированные высказывания представлены в виде корпуса прецедентных текстов, прежде всего – пословиц и афоризмов. Пословицы, как правило, выражают общепринятые нормы поведения как концентрированный коллективный опыт в виде иносказания, афоризмы раскрывают основания этих норм и часто формулируются как личностная оценка этого опыта в виде абстрактного рассуждения. В корпусе английских и русских пословиц мне не встретились в прямом выражении речения, в которых были бы заданы нормы поведения в ситуации вызова, хотя смежные концепты, такие, как «смелость», «испытание», «успех», достаточно представлены в паремиологическом фонде. Вероятно, ситуация вызова отражается в коллективном сознании как сложное образование, сводимое к более простым составляющим, в отношении которых выработаны нормы поведения.

В этом смысле афоризм представляет собой развитие идеи, которая на более простом уровне выражена в пословице. Показателен следующий пример:

The ultimate measure of a man is not where he stands in moments of comfort and convenience, but when he stands at times of challenge and controversy (Martin Luther King).

Человеческая суть раскрывается не в моменты комфорта и удобства, а в час ответа на вызов и трудных споров.

В данном контексте концепт «вызов» используется как иллюстративный компонент в контрасте «хорошие времена – плохие времена». Эта идея сформулирована в поговорке «*Adversity is the touchstone of virtue*» – «Бедствие – пробный камень добродетели», выражающей одну из важнейших норм поведения: «Нельзя сдаваться, сталкиваясь с трудностями». Эта универсальная норма поведения является ключевой для понимания специфики отношения к судьбе в англоязычной культуре. Именно в этом понимании, на мой взгляд, и раскрывается сущность концепта «challenge».

Можно выделить две базовые позиции в этой связи. Приняв первую позицию, нужно трезво оценить ситуацию, постараться избежать риска и найти успешное решение проблемы. Положительной стороной такого отношения к ситуации является достижение безопасности, отрицательной – душевная вялость и потеря интереса к жизни. Идея вызова в таком случае не актуализируется. Приняв вторую позицию, следует идти на риск. Плюсом такого выбора является концентрация энергии, чувство полноты жизни, минусом – высокая степень неудачи, жажда острых ощущений и возможная агрессивность. В этом случае идея вызова становится доминирующей. Сравнивая эти позиции, мы неизбежно приходим к пониманию того, что они в значительной мере обусловлены возрастом человека: вызов – это выбор тех, кто молод, уход от вызова – выбор умудренных опытом людей.

Связь концепта «вызов» с ключевыми ценностями американской культуры несомненна: Америка – это страна, где престижно быть молодым и стыдно быть старым. Быть молодым душой и телом значит быть энергичным, мобильным, привлекательным, общительным, здоровым и открытым для ответа на вызовы. Американская культура телесна в том смысле, что она сориентирована на земные проблемы, на практические дела, на материальный мир. Люди обычно лишь с годами приходят к пониманию духовных приоритетов в жизни. Для зрелых людей и цивилизаций с многовековой историей духовные приоритеты являются высшими ценностями. Молодежь улыбается, слушая эти доводы, поскольку считает, что ориентация на духовное связана с потерей возможности получать телесные удовольствия от жизни. Эта ассоциативная линия выражается в концептах «вызов» – «молодость» – «удовольствие». Кстати, английское слово «fun» выражает специфический концепт получения удовольствия – удовольствие в действии и от действия:

Fun is something such as an activity or situation that is pleasant and enjoyable and that causes you to feel happy. *She got a lot of fun out of hiking* (COBUILD).

Fun – playful and often energetic activity. *The children are always full of fun* (CIDE); amusement, *esp.* lively or playful (COD).

Сравним: удовольствие – 1) чувство радости, довольства от приятных ощущений, переживаний; 2) то, что вызывает, создает такое чувство; приятное развлечение, забава. *Наслаждаться удовольствиями городской жизни* (БТС). А. Б. Пеньковский, сравнивая концепты «радость» и «удовольствие», отмечает, что стимулом удовольствия является действие или активное недействие (сладкое ничегонеделание – *dolce far niente*) [Пеньковский 2004: 64]. Разница в английском и русском представлении удовольствия заключается как в степени активности, так и в характеристике возраста субъекта. В концепте «удовольствие» нет акцента на игре, а «fun» подчеркивает именно игру как источник удовольствия. Разумеется, эта разница весьма подвижна и относительна, но даже по сопоставительной употребительности слов «удовольствие» и «fun» (второе значительно чаще встречается в речи и стилистически нейтрально, в то время как первое в большей мере соответствует английскому «pleasure – a feeling of satisfaction or joy» (COD) – чувство удовлетворения или радости).

Концепт «challenge» связан не только с акцентуемой молодостью субъекта, но и с принятыми способами решения конфликтной ситуации: понимая несправедливость своего положения, человек может смириться с этим либо не смириться с таким положением дел. Если человек не смиряется, то он может искать компромисс, маскировать свои действия и идти на открытое столкновение. Компромисс как способ решения конфликта приветствуется в англоязычной культуре в сфере бизнеса и политики, но в обиходном общении считается благородным поступком бросить вызов. В этом смысле следует отметить тесную связь ситуации вызова с борьбой за свободу.

Трудно перевести адекватно слово «challenge» на русский язык. В русском языковом сознании открытое неповиновение и действие, противоречащее принятым нормам поведения, вызывают отрицательную оценку. В определенной мере этот смысл соответствует древнейшей стадии развития рассматриваемого концепта в английской лингвокультуре. Разумеется, в современных текстах массовой информации и политическом дискурсе со времен перестройки в нашем обиходе появились новые, заимствованные концепты, свойственные англоязычному миру. Но такие слова, транслитерированные либо переведенные на русский

язык (например, «tolerance» – «толерантность», «diversity» – «многообразие»), осознаются на концептуальном уровне как чужие. «Вызов» в этой связи есть свободный выбор индивидуума. К индивидуализму в России всегда было отрицательное отношение. Интересно, что идея противопоставления индивидуального и общественного заложена даже в русских глаголах мышления: «думать» акцентирует коллективную, диалогическую мыслительную деятельность (отсюда и «Государственная дума»), а «мыслить» – индивидуальную, монологическую [Колесов 2004, 29]. Выделение собственной точки зрения в русском коммуникативном поведении вызывает критическую оценку: *«Я – последняя буква в алфавите»*.

Идея индивидуальной ответственности тесно связана с идеей необходимости действия. Разумеется, всем понятно, что невозможно достичь чего-либо без приложения усилий. Но действие как таковое может получить разную оценку: с одной стороны, его можно оценивать с позиций его эффективности, т. е. подчеркивать средства достижения цели, с другой же стороны, его можно оценивать с позиций мотивации, т. е. сначала ответить на вопрос, нужно ли предпринимать то или иное действие. Западный подход к оценке действия сфокусирован на том, как оптимально выполнить работу, поскольку люди работают на себя. В России очень важна мотивация труда: люди хотят видеть смысл в своей деятельности, поскольку на протяжении многих веков подавляющее большинство населения нашей страны было вынуждено работать не на себя, а на барина.

Историческая обусловленность такого отношения к действию в англоязычной и русской культурах вполне понятна. Но помимо исторической обусловленности здесь имеет место и психологическая обусловленность отношения к жизни: позиция **Деятеля** либо **Созерцателя**. Деятель выделяет себя из жизненного потока, пытается направлять развитие событий, развивает планы и обдумывает способы их воплощения в действительность и получает удовлетворение от активного участия в жизни. Созерцатель живет в другом измерении, он ищет гармонии между своей душой и окружающим миром, он принципиально находится внутри жизненного потока и пытается избежать турбулентных действий, которые могут нарушить эту гармонию. В ситуации неблагоприятного развития событий Созерцатель хочет увидеть причины такого положения дел и объяснить их самому себе. Очень часто в результате этого Созерцатель эмоционально реагирует на обстоятельства, это приносит ему успокоение и не требует ничего менять в окружающем мире. Ключевым концептом для Созерцателя является концепт «судьба»

Именно поэтому англоязычный концепт «challenge» часто воспринимается в России как идея тщетного и самонадеянного поведения. Из этого не следует, что все американцы – это энергичные сторонники деятельного подхода к жизни, а русские – неисправимые созерцатели. Различие состоит в том, что существуют культурные доминанты поведения, заданные в сложившихся стереотипных установках и реакциях. В определенных, стремительно расширяющихся сферах жизни (наука, индустрия, спорт, война) различия между отношением к вызову в английской и русской лингвокультурах нивелируются. Более того, необходимость охраны окружающей среды на западе осознается более остро, чем в России, а эта идея существенным образом ограничивает экспансию Деятеля.

Различие в соотношении стереотипов поведения Деятеля и Созерцателя в наибольшей мере просматривается в двух сферах – обиходное и политическое общение и затрагивает ключевой концепт политического дискурса – «власть». В России власть традиционно ассоциируется с угнетением и несправедливостью (прецедентный текст из популярной песни: «*Дай Бог не вляпаться во власть*»). С позиций Созерцателя, власть не может быть справедливой, она лишь не должна превращаться в цинично и жестоко несправедливую. Поэтому общественное мнение редко бывает на стороне человека, который бросает вызов власти, стремясь взять ее в свои руки. Американцы же не ассоциируют власть с несправедливостью. Для них власть – это механизм эффективной организации общества, и в случае неадекватного функционирования такого механизма срабатывает механизм легитимной замены власти. В этом смысле политический вызов признается нормальным положением дел. Современный политический дискурс в России развивается в этом же направлении. Отношение населения к борьбе политиков за власть в некоторой степени различно в США и России: американцы с симпатией относятся к тому, кто бросает вызов власти и принимают во внимание личные качества этого человека, граждане России смотрят на такого человека с подозрением и редко воспринимают политическую риторику всерьез. Положение меняется, если власть в России стремится наказать того, кто бросает ей вызов: несправедливо пострадавших в нашей стране всегда считают борцами за правое дело.

Подведем некоторые итоги. Концепт «**challenge**» относится к числу этноспецифичных концептов-регулятивов в лингвокультуре США, он неразрывно связан с ключевыми ценностями американской культуры – концептами «свобода», «равенство», «энергичность». Этот концепт дает моральную ориентацию поведения в ситуации враждебного или игрово-

го противостояния, содержит импликации испытаний и успеха, подчеркивает необходимость индивидуальных усилий и определяет позицию Деятеля, направляющего свою судьбу. В ходе своего развития данный концепт превратился в символ испытания характера человека. В русском языковом сознании и коммуникативном поведении концепт «вызов» имеет отрицательные и положительные характеристики, при этом наблюдается тенденция постепенного расширения положительной оценки поведения, воплощающего этот концепт.

Л и т е р а т у р а

- Аничков И.Е.* Идиоматика и семантика // Вопросы языкознания. 1992. № 5.
- Бабаева Е.В.* Лингвокультурологические характеристики русской и немецкой аксиологических картин мира: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук, 2004. – 40 с.
- Быкова Г.В.* Лакунарность как категория лексической системологии: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 1999. – 33 с.
- Воркачев С.Г.* Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа. Краснодар, 2002.
- Воркачев С.Г.* Сопоставительная этносемантика телеономных концептов «любовь» и «счастье» (русско-английские параллели). Волгоград, 2003.
- Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.
- Колесов В.В.* Язык и ментальность. СПб., 2004.
- Красных В.В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002.
- Кубрякова Е.С.* Концепт // Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1997.
- Ляпин С.Х.* Концептология: к становлению подхода // Концепты. Научные труды Центр-концепта. Вып. 1. Архангельск, 1997.
- Пеньковский А.Б.* Очерки по русской семантике. М., 2004.
- Савицкий В.М., Кулаева О.А.* Концепция лингвистического континуума. Самара, 2004.
- Слышкин Г.Г.* От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М., 2000.

С л о в а р и

- БТС – Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 1998.
- COBUILD – Collins COBUILD English Language Dictionary. London, 1990.
- COD – The Concise Oxford Dictionary. 9th Ed. Oxford, 1995. On CD-ROM.
- SOED – The New Shorter English Dictionary. 5th Ed. Oxford, 2002. On CD-ROM.

Концепт ‘желание’ в польском и русском языках (I. польск. *chęć* – *chcieć*, русск. желание – хотеть)

© доктор филологических наук Н. Е. Ананьева, 2005

*Во всей вселенной нас только двое,
И эти двое – всегда одно:
Я и Желанье!
И. Северянин. Эгополонез.*

Термин «концепт» не имеет установившегося в науке содержания. Одни исследователи, исходя из этимологии слова концепт ← лат. *conceptus*, понимают его как эквивалент термину «понятие» (например, Ю. С. Степанов в ЛЭС), другие считают, что это «содержание понятия» (его смысл). Третьи дают более широкое определение концепта, подчеркивая его ментальный характер и связь с картиной мира, охватываемость им совокупности всех знаний о данном объекте. Ср. следующее определение концепта: «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [КСКТ 1996: 90]. О концепте как «ментефакте культурного пространства» (т. е. предмете лингвокультурологии) пишет В. В. Красных [Красных 2003]. При этом, говоря о вербальном выражении того или иного концепта, исследователи имеют дело, как правило, с лексикой и фразеологией. На наш взгляд, сфера выражения концепта, особенно если подчеркивается не логический, а сублогический [Чернейко 1997], психологический характер этой ментальной структуры, шире, чем только лексические или фразеологические языковые средства. *Во-первых*, тот или иной ментефакт может выражаться невербально, в имеющих социо-культурное значение кинемах. Например, концепт ‘угрозы’ в русском социуме может передаваться кинемой ‘согнутая в локте рука со сжатой в кулак кистью, совершающая несколько колебательных движений’. Ср. фрагмент из повести Т. Толстой «Кысь», где «показывание кулака» наряду с соответствующим выражением лица и глаз главного героя Бенедикта призвано испугать потенциального похитителя купленной на базаре снеди: Бенедикт, когда его [холопа] нанимал на торжище то, в холопском закуте-то, и *кулачищи* свои ему *показывал*, и личиком суровился, и глазами выражал: *гнев грядущий*, подозрение всеохватное, неудовольствие [Толстая

2004: 98]. Концепт 'уважение' в польском обществе по отношению к дамам реализуется в жесте 'целование руки' при начале или окончании общения, при этом данная кинема является одновременно гендерно маркированной, поскольку целуют руку в подобных ситуациях только женщинам. В военной среде тот же концепт реализуется в кинеме «взятие под козырек» («отдавание чести») первоначально нижестоящими чинами при встрече с вышестоящими. При наличии изофункциональных кинемам словесных формул хронологическое соотношение между ними может быть различным. Вероятно, первоначально появляется кинема «целование дамской руки», а затем фраза «sałuję ґaѕczki», которую раньше галантные польские мужчины добавляли, например, в конце послания даме. А соотношение между жестом, означающим победу (разведенные указательный и средний пальцы) иное, поскольку данная кинема символизирует латинскую букву «V», с которой начинается латинская лексема *victoria* «победа». Как и лексемы, одна и та же кинема в пределах одного и того же социума может быть неоднозначна. С другой стороны, существуют и кинемы, аналогичные синонимам. Ср.: угрозу в русском социуме передает также жест 'движения поднятого вверх указательного пальца' («погрозить пальцем»). Ср.: Вот все птицы, все лесные пугалища вроде как приумолкли. Будто кто прошел и *пальцем погрозил*. [Толстая 2004: 54].

Во-вторых, концептосфера того или иного языка неоднородна, так как негомогенны ее компоненты. Поля некоторых из составляющих концептосферу того или иного языка концептов пересекаются с качественно другими полями (функционально-семантическими). К такого рода концептам относится и концепт 'желание', соотносящийся с ФСП (ФСК) модальности. Таким образом, концепт 'желание' выражают не только лексические автосемантические и фразеологические феномены, но и языковые средства иного порядка и иных уровней (синсемантические единицы, интонация и др.). Ср. русск. «Чайку бы!», «Кофейку бы!», польск. «*Oby tak było!*», русск. «Если бы он пришел», произнесенное с соответствующей интонацией. Ср. также пример из стихотворения Е. Винокурова «Мир разложил на части Пикассо»: Устал. Пошел пройтись на полчаса / – Эх, что б ещё! Во всех приведенных примерах выражен концепт 'желание' (Я хочу чаю, кофе, чтобы было так, чтобы он пришел, пройтись на более продолжительное время).

Таким образом, на наш взгляд, концепт как ментальная структура может выражаться совокупностью всех языковых средств (естественно,

с преобладанием лексических и фразеологических), номинирующих тот или иной объект или явление видимого или невидимого мира или находящихся в отношении ассоциации с ними (объектом или явлениями), а также невербальными средствами. В статье мы будем рассматривать только вербальные средства выражения концепта 'желание' и главным образом лексические, в меньшей степени фразеологические. Из определения концепта следует, что концептуальный анализ сопряжен не только с анализом номинатов, называющих тот или иной концепт определенного языка, (парадигматический аспект), но и с исследованием сочетаемости, как лексической, так и синтаксической (синтагматический аспект). В сферу концептуального анализа входит также изучение вторичного (метафорического) функционирования в том или ином языке вербальных репрезентантов анализируемого концепта. Анализ концептов как «ментефактов культурного пространства» [Красных 2003: 266] позволяет выявить идиоэтническую (национально-культурную) и универсальную составляющие в картине мира и в языковой картине мира того или иного этноса. О том, что «в слове заключена внутренняя история человека, его взгляд на самого себя и природу», писал ещё А. Афанасьев в «Поэтических воззрениях славян на природу» [Афанасьев 1994. Т. 1: 16].

Границы между отдельными концептуальными полями, как и лексико-семантическими группами, являются размытыми. Так, концептуализируемое волитивное психофизическое состояние желания близко к аналогичным по статусу (т. е. также волитивным) состояниям стремления и влечения [Чернейко 1997]. С другой стороны, поле концепта 'желание' пересекается с концептуальными полями 'надежда', 'ожидание' (ср. *долгожданный* 'тот, которого давно *хотели*, долго ждали и дождались' или синонимию *желанный* и *жданный* у М. Цветаевой: Не чувствую, как в этих стенах жарко, / Как зелено в саду. / Давно *желанного* и *жданного* подарка / Не жду.). Таким образом, между полями существует обширная переходная зона, компоненты которой могут быть составляющими нескольких концептуальных полей.

В центре нашего анализа – автосемантические репрезентанты концепта 'желание / *chęć*' в польском и русском языках. Это континуанты следующих основных корневых лексем: *χot⁽²⁾ / *χъt- / *χQt'- *žel-, **žed(j)*-, *porg-, *žit⁽²⁾-, **t'eg*-, **vol(j)*- и некоторых других. В обоих языках представлены континуанты *χ*-содержащих корней *χot⁽²⁾ / *χъt- / *χQt'- (ср. русск. *хотеть*, *охота*, польск. *chęć*, *ochota*, *chcieć* ≤

др.-польск. *chocieć*, сохранившееся в союзах *choć* и *chociaż*), корня *t'ęg (ср. русск. *тяга* к чему-л., польск. *ciągota*, *pociąg* «желание»), *żęd(j) (ср. русск. *жажда*, *жаждать*, польск. *żądza*, *pożądanie* и др.), *vol(j) (ср. русск. *воля* «желание», *изволить*, *волеизъявление*, польск. *woleć*, *wola* и др.). В польском языке, в отличие от русского, концепт 'желание' выражают также континуанты корней *porg- (ср. *pragnienie*, *pragnąć*) и *žit^(s)- (*życzenie*, *życzyć*). В русском же языке основным средством лексической репрезентации анализируемого концепта является континуант корня *žel-, в то время как в польском языке лексемы, соотносящиеся с *żal-/žel-*, выражают значения, связанные с понятием 'жалости' (известные также и русскому языку и закрепленные за корнем с гласным *a*: *жалеть*, *жалкий*, *жалко*, *жалость*). Ряд репрезентантов концепта 'желание' (как в русском, так и в польском языках) восходит к глаголам движения или каузации движения. Ср. польск. *peździć* «гнаться, стремиться» – *poręd* «влечение; склонность, пристрастие», польск. *ciągnąć* «тащить, тянуть» – *pociąg* «желание», русск. *тяга*, *стремление* и др.).

В польском языке, в отличие от русского, в поле концепта 'желание' входит и устар. глагол *raczyć* «хотеть, изволить». Ср. устар. «*racz Pan usiąść*» «извольте сесть». Этимологически с ним связан сохранившийся адвербиум *raczej* «скорее; лучше». В современном языке устар. *raczyć* «хотеть что-то сделать, соизволить что-л. сделать» может быть употреблено с оттенком иронии (*Nie raczył nawet mi odpowiedzieć* «Не соизволил мне даже ответить, т. е. даже не удостоил меня ответом»), *Ledwie raczyła spojrzeć* «Едва изволила посмотреть, едва удостоила взглядом») и сохранилось в пословице *Bóg raczy wiedzieć* «Бог (его) ведает / знает» (букв. Бог изволит знать). Глагол *raczyć* был чрезвычайно распространен в XVI в. и наличие его в таких словосочетаниях, как «*raczy chorować*» («изволит [т. е. хочет] болеть» вместо *choruje* «болеет») или «*raczył umrzeć*» («соизволил умереть» вместо *umarł* «умер»), высмеивал Л. Гурницкий [Brückner 1970: 451].

Некоторые языковые репрезентации концепта 'желание' не связаны этимологически с континуантами вышеперечисленных корней. Ср. польск. *mieć chrapkę na coś*, *mieć apetyt na coś* «иметь охоту к чему-л., аппетит к чему-л.», мотивированные «органолептически»: польск. *chrapki* – уменьшительный дериват от разговорного *chrapa* «ноздри», *apetyt (annemum)* связан со вкусом. Примеры контекстов из повести Т. Конвицкого «Малый Апокалипсис»: ... *wykrzyknę kilka ochydných przekleństw polskich i rosyjskich, na które mam od dawna chrapkę*

«...я выкрикну несколько безобразных польских и русских ругательств, которые мне давно хочется произнести» [Konwicki 1993: 128]; *A ta Kasia to miała taki apetyt, że omal mnie nie wpędziła w gruźlicę. Ciągle jej było mało* «А эта Кася. Она так хотела [меня – Н. А.], что чуть было не довела меня до туберкулеза. Всё ей было мало» [Konwicki 1993: 208]. Параллель к польск. *mieć chrapkę* находим в русских говорах Сибири в выражении «*норка свистит*» («норка» – ноздря [Элиасов 1980: 244]).

Центральными лексемами репрезентанта концепта ‘желание’ (нейтральными, стилистически не маркированными) в польском и русском языках являются польск. *chęć, ochota* (менее частотное, но стилистически не маркированное, в отличие от русск. устар.-простор. охота «желание»), *chcieć* и русск. *желание, хотеть*. Хотя в русском языке есть и глагол *желать* (пожелать), но как нейтральный он употребляется в значении польск. *życzyć*, т. е. желать кому-л. чего-л. (*Życzę Państwu Wesołych Świąt* «Желаю Вам хороших праздников»; *życzenia* powogoczne, bożonarodzeniowe и т. д. «новогодние, рождественские и т. д. пожелания», *Życzę dobrej nocy* «(Желаю) спокойной ночи», *Życzymy przyjemnej podróży* «(Желаем) счастливого пути», *koncert życzeń* «концерт по заявкам»). Только в случае с местоимением *sobie* (*życzyć sobie*) глагол *życzyć* выступает в значении ‘хотеть, желать’. Ср.: *życzę sobie* spokoju «я хочу спокойствия», *nie życzę sobie*, żebyś ze mnie żartowała «я не хочу, чтобы ты подшучивала надо мной. Ср. также этикетное обращение к посетителю, клиенту в магазине или другом общественном месте: *czego pan/pani (u m. d.) sobie życzy?* «что Вы хотите?». Не исключено, что вследствие совмещения в русск. *желать* двух значений (1. хотеть, 2. желать кому-л. чего-л.) в первом из этих значений глагол *желать* превращается в стилистически маркированное слово (книжн., более высокое) и одновременно, как нам кажется, обозначает более высокую степень состояния (Непрененно *желаю* его видеть, *желать* невыполнимого). Но во фразеологизмах *оставляет желать лучшего, позволяет желать многого* представлено значение ‘хотеть’.

Таким образом, между субстантивным и глагольным нейтральными репрезентантами концепта ‘желание’ в русском языке существует асимметрия: нейтр. *желание* соответствует нейтр. *хотеть*. В польском языке и субстантивный, и глагольный репрезентанты представлены континуантами χ -содержащих корней: *chęć*, менее частотное *ochota, chcieć*. Любопытно, что, несмотря на большую частотность и нейтральность *хотеть* по сравнению с *желать*, в русском языке в качестве от-

причастного субстантива представлена формация от глагола *желать*: Все *желающие* могут прийти к 8-ми. Ср. в польском соответствие: *Wszyscy chętni mogą przujść na ósmą*.

Кроме нейтральных соответствий *chęć* – желание, *chcieć* – хотеть/желать (?), в польском и русском языке представлены следующие слова, соотносящиеся с χ -содержащими корнями, репрезентирующие концепт ‘желание’: русск. *охота*, *охотный*, *охотно*, польск. *chętny*, *chętnie*, *ochoczy*, *chętnie*, *chętna*, *zachcianka*, *zechcieć* и др., на анализе значения, лексической сочетаемости и стилистической характеристике которых мы остановимся ниже. Как мы уже сказали, основным и наиболее нейтральным существительным среди польских слов с χ -содержащим корнем, выражающим концепт ‘желание’, является слово *chęć*, стилистически и семантически соответствующее русск. *желание*. Во многих контекстах польск. *chęć* и *ochota* употребляются параллельно (взаимозаменяемы). Например: *nieprzeparta chęć // nieprzeparta ochota*, «непреодолимое желание»; *szalona chęć // szalona ochota* «безумное желание»; *mam ochotę na coś słodkiego // mam chęć na lody, ktoś nabral ochoty do czegoś // ktoś nabral chęci* «у кого-то появилось желание к чему-то»; *stracić chęć do życia // stracić ochotę do życia* «утратить / потерять желание жить»; *mieć chęć – mieć ochotę coś zrobić (mam ochotę pójść do teatru, mam chęć wyjechać* «я хочу пойти в театр, уехать»), *pracować z ochotą // z chęcią* (= *chętnie*) «работать с (большим) желанием, с удовольствием».

Примеры контекстов из повести Т. Конвицкого:

1) *Widzę, że masz ochotę, to bierz.* «Я вижу, что тебе хочется, так бери» [Konwicki 1993: 138].

2) *Ochota mi tryska z bystrych oczu* «Желание так и брызжет из его быстрых глаз» [Konwicki 1993: 112].

3) *Jedyne dobro materialne, jeśli je tak można nazwać, moje zwłoki, zapisuję z ochotą, prosekorium Akademii Medycznej dla ćwiczeń młodych chirurgów.* «Единственную материальную ценность, если так можно назвать мои останки, я охотно завещаю прозекторской Медицинской академии для обучения молодых хирургов» [Konwicki 1993: 81].

Русское существительное *охота* «желание» стилистически снижено по сравнению с субстантивом *желание* и менее частотно, хотя в XIX в., по всей видимости, употреблялось шире и относилось, скорее всего, к нейтральным средствам выражения анализируемого нами концепта. Ср. у А. С. Пушкина в «Евгении Онегине»: Им овладело беспокойство, /

Охота к перемене мест / (Весьма мучительное свойство, / Немногих добровольный крест) [Глава восьмая, XIII]. В современном языке «охота учиться», «охота к чтению» или «неохота» (при польск. *niechęć* – «нежелание» отсутствует *nieochota, хотя есть *niechętny* – *niechętnie*), относятся к стилистически сниженным. Значение 'желание' сохраняется в пословице «*Охота* пуще неволи», фразеологизме «отбить *охоту*». В разговорном языке чаще употребляется в значении категории состояния: кому-то *охота* / *неохота* что-л. делать (невозможно в польском языке). К разговорно-просторечным, в отличие от польского, относится и употребление Твор. в адвербиальной функции – с *охотой* (ср. также просторечное в *охотку*). Ср. у В. Высоцкого: Сегодня я с большой **охотой** распоряжусь своей субботой. Разговорно-просторечный характер имеют и префиксально-суффиксальные глагольные дериваты от *охота*: *разохотить(ся)*, *приохотить(ся)*. Если русск. *охотка* сохранилась только в составе простор. адвербиального выражения в *охотку*, то в польском наряду с деминутивом *chęćka* представлен и более редкий *ochotka*.

Польск. *chęć* по сравнению с *ochota* чаще употребляется в функции подлежащего (хотя и для *ochota* тоже возможно такое употребление: *ochota* *mnie* *wzięła* *na* *coś*, «меня разобрала охота к ч.-л.», *ochota* *kogoś* *bierze* «кого-то разбирает желание», *ochota* *tryska* *z* *oczu* (в вышеприведенном предложении из Т. Конвицкого). С существительным *chęć* при употреблении его в функции субъекта действия употребляются многие глаголы, обозначающие активные действия: *chęć* *bierze* (как *ochota* и *chęćka*), *chwytą*, *ogarnia*, *porywa*, *zdejmuje* *kogoś*, *przychodzi* (ср. также *chęćka* *komuś* *przyszła*), *budzi* *się*, *powstaje*, *wybuchą* *w* *kimś*. В большинстве из перечисленных глаголов присутствует элемент «внезапности» возникновения психофизического состояния желания (ср. *porywa* «схватывает, охватывает», *chwytą* «схватывает», *ogarnia* «охватывает», *wybuchą* «вспыхивает» и др.). Учитывая этимологию корней *χotʰ- / *χът- / *χotʰ-, которые возводятся к *χvot- (родственному *χvatati), сочетания *chęć* *chwytą*, *chęć* *bierze* относятся к генетическим плеоназмам, поскольку в *χotēti первоначально содержалось значение 'хватать, брать' (подробнее [ЭССЯ. Т. 8: 83–84]).

Номинат предмета желания, выраженного существительным *ochota*, всегда употребляется с предлогом (*ochota* *do* *czegoś*, *na* *coś*), в отличие от репрезентации субстантивом *chęć*, который может употребляться с номинатом этого предмета в беспредложной конструкции (*chęć* *zysku*,

ślamy, posiadania czegoś, wybicia się). Ср. то же в русск. языке: *охота к чему-л., желание чего-л.* С инфинитивом употребляются как русск. *желание* (и *охота*), так и польск. *chęć, ochota* (*там **chęć** **uciec** stąd* «у меня **желание убежать** отсюда», *там **ochotę** **pójść** do teatru* «у меня **желание пойти** в театр»).

В отличие от *ochota*, имеющего только форму ед. ч., *chęć*, как и русск. *желание* (ср.: заглавие романа В. А. Каверина «Исполнение *желаний*», есенинское «Я теперь скупее стал в *желаньях*» или у Р. Казаковой: И спокойно мне, будто / по *желаньям* благим / чувство, полное бунта / стало чувством другим), употребляется и во множественном числе. При этом в плуративе часто в этом слове появляется значение 'намерение, интенция': *ktoś ma dobre **chęci*** «у кого то **добрые намерения**», *ktoś jest pełen najlepszych **chęci*** «у кого-то **самые лучшие намерения**», ср. пословицу: *Dobrymi **chęciami** piekło (wy)brukowane* «**Благими намерениями** дорога в ад вымощена».

Состояние 'желания' может иметь различную степень интенсивности и чаще всего в языке выражена высокая степень интенсивности этого психофизического состояния, что проявляется в лексической сочетаемости с соответствующими глаголами и прилагательными существительных *chęć* и *желание*. Ср. польск. *chęć* может быть *gorąca, gwałtowna, nieprzeparta, niepokonowana, nieprzyzwyciężona, przemożna, szalona, wielka*. То же с *желанием* – *горячее, внезапное, неукротимое, неудержимое, непреодолимое, неистребимое, огромное, безумное, большое*. Ср. глагольные сочетания: *pałać* и *plonąć* *chęcią* «*гореть / пылать желанием*».

Малая или средняя степень интенсивности состояния желания, как правило, не имеют столь широкой репрезентации в языке (небольшое желание, умеренное желание). Язык стремится выразить или высокую степень состояния «желания» или вообще отсутствие этого состояния: с помощью слов с негацией (*niechęć, niechęcenie* – ср. одно из значений фразеологизма *od niechęcenia* 'неохотно, против желания' – *нежелание, неохота* при отсутствии польского аналога **nieochota, niechętny, niechętnie* – *неохотно, nie chcieć* – *не хотеть, nie mieć ochoty / chęci* – *не иметь желания* и т. п.), сочетанием существительных *chęć* и *желание* с соответствующими глаголами: *ktoś stracił **chęć / ochotę*** «у кого-то *пропало желание*», *ktoś komuś odebrał **chęć*** «кто-то лишил кого-л. *желания*», *komuś **brak, brakuje, zabrakło** chęci* «у кого-то нет, кому-то не хватает желания» и т. д. и т. п. Утрата желания может выражаться в глаго-

лах префиксальными средствами. Ср. русск. разг. *расхотеть* и *расхотеться* (чего-л. кому-л.) (*расхотел* есть, *расхотелось* спать) и польск. *odechcieć się – odechciewać się*. Примеры польских контекстов: По *prostu mi się odechciało i już*. «Просто мне *расхотелось* и всё» [Konwicki 1993: 184]; *Kłamię! Znowu mu się odechciało!* «Врет. Снова ему *расхотелось*» [Konwicki 1993: 186].

Аксиологическая характеристика объектов желания может быть различна, что обусловлено как объективными, так и субъективными условиями коммуникации: зависит от эмоционального настроения говорящего, ситуации, его социальной ориентации. Так, в обществе, ориентированном на потребление и успех, «желанными» объектами являются предметы и феномены, обозначенные номинатами «слава», «прибыль», «достижение» и т. п. Ср. приводимые обычно в словарях современного польского языка словосочетания: *chęć zysku* «желание получить прибыль», *chęć sławy* «желание славы / прославиться», *chęć posiadania czegoś* «желание / жажда обладать чем-л.», *chęć wybicia się* «желание выбиться (в люди), выдвинуться» и т. д. С другой стороны, могут возникнуть ситуации, в которых эмоциональное состояние человека порождает у него такие высказывания, как *chętnie go zabiłabym, chciałabym ją zabić*, что вовсе не означает, что речь идет о реальном преступлении.

Основным глагольным средством выражения концепта 'желание' в польском и русском языках является *ch-*содержащая лексема *chcieć (chociec) / хотеть*. Синтаксические связи *chcieć* и *хотеть* в польском и русском языке совпадают: они сочетаются с инфинитивом, придаточными предложениями, вводимыми союзами *чтобы, żeby* и без них, с существительными в Вин. и Род. п., местоимением *что, со* (|| *czego*), наречиями места и направления (напр. «Я *хочу* домой» – название пьесы С. В. Михалкова) и их заместителями (ср. у М. Цветаевой: Два дерева *хотят друг к другу*).

Примеры из повести Т. Конвицкого с соответствующими русскими переводами:

1. *Rób to, czego ludzie chcą* «Делай то, *чего хотят* люди» [Konwicki 1993: 97].

2. *Ja wiem wszystko, co chcesz powiedzieć* «Я знаю всё, что ты *хочешь* сказать» [Konwicki 1993: 69]. Инфинитив с *хотеть* чрезвычайно частотен как в польском, так и в русском языке (ср. *хочу* все *знать*, цветаевские «Я столько раз *хотела* жить, / и столько *умереть*» и «*Быть* *хочу*

твоей последней *колокольней*», знаменитое эпатажное «*Хочу быть сильным, хочу быть смелым / Хочу одежды с себя сорвать*» и т. д.).

3. *I czego chcesz ode mnie!* «И что / чего ты хочешь от меня» [Konwicky 1993: 77].

4. Coś *chciałem powiedzieć*, ale nie wiem co «Я что-то хотел сказать, но не знаю, что» [Konwicky 1993: 107].

5. *Chcesz, pójdę z tobą na stos.* «Хочешь, пойду с тобой на костер» [Konwicky 1993: 70].

6. Może *chce* pan *środek uspokajający?* «Может быть, Вы хотите успокоительное средство?» [Konwicky 1993: 168].

7. Ode mnie *chcą filmów.* «От меня хотят фильмов» [Konwicky 1993: 99].

8. *Chcesz, żeby przyszedł?* «Ты хочешь, чтобы он пришел?» [Konwicky 1993: 88].

Ср. эллипсоидные конструкции:

а) с пропущенным инфинитивом: *Skoczył kulawo z sąsiedniej galaktyki. Może chciał* [skoczyć] *gdzie indziej, ale trafił do nas.* «Прыгнул неудачно из другой галактики [Антихрист]. Возможно хотел [прыгнуть] куда-то в другое место, но попал к нам» [Konwicky 1993: 160];

б) с пропущенным придаточным / инфинитивом: *Może oni chcieli* [żeby było / zrobić – Н. А.] *dobrze.* «Может быть, они хотели [чтобы было / сделать] хорошо» [Konwicky 1993: 201];

в) объектом желания является номинат, выраженный в первом предложении; опущено обобщающее слово *to*: – *Będę cię pamiętał młodą, tajemniczą, przyciemnioną letnim zmierzchem jak słowiańska madonna. Chcesz?* «Я буду тебя помнить молодой, таинственной, затемненной летним сумраком, как славянская Мадонна. Хочешь?» [Konwicky 1993: 213].

Ср. употребление причастия от *хотеть* в поэме П. Антокольского «Сын»: Кусок его мальчишеской души, *хотевшей жить*. Просторечное *хошь* и в значении 2 л. ед. ч. глагола *хотеть* и в значении союза «хотя, хоть» использует М. Цветаева для создания песенно-фольклорного лада в цикле «Сугробы» («А не *хошь* – не бери», «*хошь* и крут мой порог»).

Примеры с *chcieć* и рефлексивом *chcieć się* «хотеться» в составе фразеологизмов: *chcesz czy nie chcesz* «хочешь не хочешь»; *niech się dzieje* (*niech będzie*) *co chce* «будь что будет»; *przypadek / trafił chciał, że ...* «так случилось, что ...»; *jak chce autor* «как утверждает автор», *chcąc nie*

chcę «волей-неволей»; *co/jak/ile ... się chce* «что (как, сколько и т. д.) угодно».

От *chcieć* в польском языке функционирует отглагольное существительное *chcenie*: *Chciał to zrobić, ale na **chceniu się skończyło***. Русск. *хотение* употребляется обычно лишь в пословицах (На всякое *хотение* есть терпение) и фольклорно-сказочных формулах («по щучьему велению по моему *хотению*» – ср. польск. перевод «*na życzenie szczupaka*»). Хотя в русском поэтическом языке возможно даже функционирование слова *хотение* во множественном числе: «Нет *хотениям*» в «Поэме конца» М. Цветаевой. Императивной формой *chciej* мотивирован книжный дериват *chciejstwo* «волюнтаризм»: *naiwne **chciejstwo**, polityczne **chciejstwo***.

По сравнению с русским языком правила речевого этикета польского языка требуют предпочтения форм кондиционала презентным формам в случаях типа «Я хочу Вас познакомить с кем-л.», «Вы не хотите / не хотели бы отдохнуть?» и т. п. (польск. *Chciałbym przedstawić Panu moją żonę*, Czy **nie zechciałby** Pan odroczyć и т. д.).

Русск. паре *хотеть-захотеть* соответствует польск. *chcieć-zechcieć* (*postąpisz / zrobisz jak **zechcesz*** «ты поступишь / сделаешь, как *захочешь*», *nikt **nie chciał / nie zechciał** ustąpić* «никто не *хотел / не захотел* уступить»). Глагол *zechcieć* широко употребляется в этикетных формулах: *zechce pan, czy **nie zechciałaby** pani tam rójść* и т. п. Раньше в этом значении употреблялся глагол с префиксом, аналогичным русскому (*zachcieć*). В настоящее время *zachcieć* и *zachciewać* употребляются только в выражениях с субъектом в Дат. п. (*komuś się **zachciało** // **zachciawało się**, czegoś / coś robić*). Например: *zachciało się mi jeść/pić/spać, lodów, spaceru* «мне захотелось есть / пить / спать, мороженого, прогулки». Примеры из Т. Конвицкого:

1. *zachcieć się*: *Jakoś nagle i bez powodu **zachciało mi się spojrzeć** na świat dookoła* [Konwicki 1993: 109].

2. *zechcieć*: *Będę robić, co ja **zechcę*** «Я буду делать то, что я захочу» [Konwicki 1993: 97].

В современном польском языке функционирует дериват от устаревшего глагола *zachcieć* – существительное *zachcianka*, которым негативно оценивается состояние желания: «каприз, минутное и легко изменяющееся желание чего-л.», т. е. русск. *прихоть* (ср. Он возчик, и он же конь / Он *прихоть*, и он же право. Цветаева «Маяковскому»). На негативную оценку состояния, отраженного лексемой *zachcianka*, указывает

ее сочетаемость: а) с прилагательными *głupia*, *śmieszna*, *dziecinna*, *kosztowna zachcianka* «глупое, смешное, детское, дорогостоящее желание / каприз»; б) с глаголами: *trwonić pieniądze na zachcianki* «транжирить деньги на (глупые) желания», *dogadzać czyimś zachciankom* «потворствовать / угождать чьим-то капризам».

Глагол *chcieć*, как и русск. *хотеть*, в определенных контекстах может иметь значение 'испытывать сексуальное желание – *chęć erotyczno-seksualną*' (= *pożądanie*, *porząd płciowy* «половое влечение»). Пример: *ona chciała mnie* [Konwicki 1993: 66], *chcieć kogoś za żonę, za męża* «хотеть на ком-то жениться, выйти за кого-то замуж». С этим более узким значением *chcieć* соотносится и субстантив *zachciewajki* – формально дериват от глагола *zachciewać* (имперфектива к *chcieć*). Это шутовское название прыщей, появляющихся в период полового созревания, объясняемое как проявление не удовлетворенного полового влечения (желания). В современном русском языке это значение представлено в существительном *похоть* (от *похотеть*, которое имело в более раннее время и имеет в современных русских говорах значение «хотеть»). Впрочем, в древнерусском языке существительное *похоть* имело, как и производящий глагол, более общее значение 'желание'. Например, в «Слове о полку Игореве» читаем: Спать князю умь *похоти* и *жалость* ему знамение заступи искусити Дону великаго (Ум князя уступил *желанию* и *охота* отведать Дон великий заслонила ему предзнаменование) [Слово 1978: 48–49]. Приведенный фрагмент свидетельствует также о том, что корень *žal* (с корневым *a*) раньше мог в восточнославянских языках иметь значение 'желание'. В этом же произведении мы встречаем ещё один дериват от корня **χot'*, не сохранившийся в современном русском языке, а именно существительное *хот(и)я*, которое в одних контекстах обозначает жену (желанную – см. а)), а в других – любимца (желанного – см. б)). Примеры: а) Кая раны дорога, братие, забывь чти и живота, и града Чрънигова отня злата стола, и своя милья *хоти*, красныя Глѣбовны свычая и обычая? (Какой раны, братья, побоится тот, кто забыл честь и богатство, и города Чернигова отцов золотой стол, и своей милой, *желанной* прекрасной Глебовны свычаи и обычаи?) [Слово 1978: 60–61]; б) ... а самъ подь чръленыи щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ литовскими мечи и с *хотию* на кров... (а сам под червлеными щитами на кровавой траве был прибит литовскими мечами на кровь со своим *любимцем*...) [Слово 1978: 86–87].

О некоторых дериватах, образуемых в польском и русском языках от центральных репрезентантов концепта 'желание', мы уже говорили. Приведем ещё ряд производных лексем, имеющих отношение к концепту 'желание'. Русск. наречию *охотно* (при отсутствии прилаг. *охотный* в данном значении, ср. только имеющий отношение к охоте 'выслеживанию зверей и птиц с целью умерщвления': *охотный ряд*) соответствует польск. *chętnie*. Впрочем, польская пословица *Przy szklance i język ochotniej chodzi* «За рюмкой (букв. стаканом) и язык охотнее двигается» свидетельствует о наличии в более ранний период подобного адвербиума и в польском языке. В обоих языках есть прилагательные *ochoczy / охочий*. Однако они различаются употребимостью и стилистической окраской. Русск. *охочий* (в м. р. чаще краткая форма *охоч*, отсутствующая в польском языке – *охоч* до вина, на работу, работать, до баб) имеет ярко выраженный просторечный характер и меньшую употребимость, чем польск. *ochoczy* (и отсутствующее в русском наречие *ochoczo*). О большей употребимости польск. *ochoczy*, *ochoczo* свидетельствует также развитие в них второго значения (*ochoczy* 1. = охочий, проявляющий желание, охоту, готовность к чему-л.; 2. живой, бравурный, радостный; *ochoczo* 1. охотно, с охотой; с удовольствием; 2. рьяно, с пылом). Примеры с первым значением: 1) *Ochoczy do pracy, ochoczy do zabawy, do romosu* «имеющий желание работать, развлекаться, готовый помочь». 2) *Ochoczo tańczyć, Wawiono się ochoczo aż do rana*. В польском языке от *ochoczy*, в свою очередь, образовался субстантив *ochoczość* «желание, энтузиазм»: *przejawiać nadmierną ochoczość do czegoś* 'проявлять излишнюю готовность к чему-л., излишнее рвение'.

В современном польском языке *nomen agentis ochotnik* и производные от него феминативы *ochotniczka* (реже *ochotnica*) означают лиц, которые по собственному желанию занимаются какой-либо работой (например, общественной или службой в армии). Иначе говоря, им соответствует русское слово *доброволец* (для ж. р. нет соответствия). Значение, соответствующее русск. разгов. *охотник* поеть (потанцевать) 'любитель чего-л.' и *охотница* до чего-л. 'любительница', в польском относятся к устаревшим. Кроме того, русск. *охотник* употребляется как эквивалент «желающий» (Много тут *охотников* на эту книгу. На эту книгу не нашлось *охотников*). Хотя в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова (1973 г.) выделяется для *охотник* значение 'тот, кто добровольно берется за выполнение какого-л. поручения', на наш взгляд, это значение, широко известное литературе XIX в., в современном язы-

ке утратилось. Отсутствуют в русском языке и однокоренные соответствия польск. *ochotniczy* «добровольный» и *ochotniczo* «добровольно» (*ochotnicza służba wojskowa, zgłosić się ochotniczo do pracy*).

Паре *ochota–ochotka* соответствует пара *chęć–chętką*. При этом *chętką* более употребима, чем деминутив от *ochota*: *mieć chętkę na czekoladę; kogoś bierze chętką do zbytów; kogoś naszła chętką ucies, mieć chętkę, żeby, komuś przyszła chętką potaćzyć*. Ср. у Т. Конвицкого: *Mam ochotę, mam straszną chętkę, żeby skusić los* «Я хочу, у меня страшное желание испытать судьбу» [Konwicki 1993: 226]. Многозначен адектив от *chęć* – *chętny* 1. имеющий желание что-л. делать, склонный к чему-л.; старательный: *Chętny uczeń* «старательный ученик». *Chętny do pomocy, do nauki, do usług, do zabawy* «желающий / готовый помочь, учиться, услужить (услужливый), развлекаться»; 2. благосклонный; 3. желающий (*nie ma chętnych*). Ср. пословицу: *Chętnym uchem słuchać* «охотно слушать».

В значении ‘*chętny człowiek*’ («желающий») употребляется и отрицательный субстантиват *chcący*: *stypendium dla chcących się uczyć* «стипендия для желающих учиться». Ср. пословицу с этим субстантиватом: *Dla chcącego (nie ma) nic trudnego*. Пара *chcący–niechcący*, генетически связанная с глаголом *chcieć* (т. е. «желая – не желая»), в современном языке употребляется как наречие в значении «специально, умышленно, нарочно – не нарочно, нечаянно»: *Potrącano go, jedni – chcący, inni – niechcący* «Его толкали, одни – нарочно, другие – нечаянно». Синонимом адектива *chętny* является и устар. *chętniwy*.

С концептом ‘желание’ связан в польском языке и глагол каузации желания *zachęcać* (сов. *zachęcić*) «возбуждать / возбудить желание». В русском языке представлено стилистически сниженное по сравнению с польск. *zachęcić* префиксальное образование *приохотить*. В качестве нейтральных соответствий польск. *zachęcić* функционируют русск. *ободрять, поощрять* и др. (ср. то же в *zachęta* ‘стимул, поощрение’). Пример из Т. Конвицкого: *Zachęcam więc tych, którzy mi ufają, aby rano, po obudzeniu się, na czczo wypili szklaneczkę zimnej, przegotowanej wody* «Я призываю тех, кто мне доверяет, утром после пробуждения натошак выпить стаканчик холодной кипяченой воды» [Konwicki 1993: 83]. Ср. образования от *zachęcać*: *zachęcająco* «обещающе, поощрительно», *zachęcający* «поощрительный, ободряющий». Рефлексив *zachęcić się (do czego)* означает «приохотиться к чему-л.», «втянуться во что-л.», «увлечься чем-л.», т. е. ‘испытать желание что-л. делать’.

В польском языке существует, в отличие от русского языка, и соотносящийся с корнем *χQt'- глагол каузации нежелания: *zniechęcać / zniechęcić kogoś do czegoś* «отбивать / отбить охоту у кого-л. к чему-л.» (*zniechęcać kogoś do pracy* – отбивать желание работать (охоту к работе). Адъектив *zniechęcony* «потерявший охоту (интерес) к чему-л.» → «разочарованный», «вялый»). В субстантиве *zniechęcenie* также представлены значения 'отсутствие желания' → «разочарование», «вялость», «уныние» (ср. *zniechęcenie ogarnęło go* «уныние / разочарование овладело им / охватило его»). Рефлексив *zniechęcać się / zniechęcić się* означает «утратить / потерять желание, охоту, интерес к чему-л.» → «разочароваться», «охладеть к чему-л.»).

В современном языке не входят в поле концепта 'желание' этимологически соотносящиеся с *chcieć* слова *chciwy* «жадный», «скупой», *chciwość* «жадность, скупость», *chciwiec* «скупой». Однако такая, например, интерпретация слова *chciwy*, какую нам дал во время диалектологической экспедиции польский крестьянин, а именно: 'ten, kto wszystko chce mieć, chce wszystko zagarnąć, chce, żeby wszystko jemu tylko' «тот, кто *хочет* иметь все, *хочет* все захватить, *хочет*, чтобы все было только у него», свидетельствует о глубокой связи между концептами 'желание' и 'жадность'.

Некоторые выводы

1. Центральными нейтральными субстантивным и глагольным компонентами поля концепта 'желание' в русском языке являются пары *желание – хотеть*, в польском *chęć / ochota – chcieć*. В русском языке глагол *желать* и существительное *охота* занимают периферийное положение (стилистически маркированы, не столь употребительны), что, возможно, связано с наличием омонима *охота* «выслеживание диких животных и птиц с целью их умерщвления» (польск. *polowanie, polować*, но *myśliwy* «охотник») (ср. вторичное употребление русск. *охота* – *подводная охота, охота с камерой / фотоаппаратом*, польск. «*Polowanie na muchy*» – название фильма А. Вайды), а для *желать* – наличием в нем ещё одного значения 'желать кому-л. чего-л.' (польск. *życzyć*).

2. В польском языке в связи с употребимостью лексемы *ochota* широко представлен по сравнению с русским круг производных от нее дериватов (*ochotka, ochoczy, ochoczno, ochotnik, ochotnica // ochotniczka* и др.). Вообще число образований с континуантом корня *χьт-/*χQt' в польских существительных значительно превосходит количество рус-

ских формаций (ср. *chęćka, zachcianka, zachcenie, chcenie – niechcenie, niechęć, zachciwajki* и др. и русск. *похоть, прихоть*, периферийное *хотение*).

3. Синтагматический (или ассоциативно-синтагматический) анализ центральных компонентов поля концепт 'желание' показал, что в обоих языках находит выражение либо высокая степень проявления состояния желания, либо его отсутствие или утрата. Это состояние выражается языком как внезапно, стремительно возникающее. Этот же анализ выявил, что и в польском и в русском языке центральные субстантивные репрезентанты данного концепта часто сочетаются с глаголами активных действий, которые исходно относятся к живым существам (желание *пришло, ochota wzięła, chęć chwytą, poruwa* и тому подобные языковые метафоры). Особенно любопытно сочетание с глаголами с семантикой 'хватать, брать', поскольку в них (с учетом возводимости этимологии *χот'-, *χът-, *χQt'- к *χvot) проявляется, по всей видимости, имеющий универсальный характер принцип семантического соответствия (или «закон семантического согласования» по В. Г. Гаку [Гак 1972]).

Использованная литература и словари

- Афанасьев 1994 – *Афанасьев А.* Поэтические воззрения славян на природу. Т. I–III. М.: Индрик, 1994.
- Гак 1972 – *Гак В. Г.* К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики. 1971. М., 1972.
- Д. Гессен, Р. Стыпула.* Большой польско-русский словарь. Т. I–II. М.; Варшава, 1980.
- Красных 2003 – *Красных В. В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003.
- КСКТ – Краткий словарь когнитивных терминов / Под общей редакцией *Е. С. Кубряковой.* М., 1996.
- ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. *В. Н. Ярцевой.* М., 1990.
- Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1973.
- Слово 1958 – Слово о полку Игореве. М., 1958.
- Толстая 2004 – *Татьяна Толстая.* Кысь. М., 2004.
- Чернейко 1997 – *Чернейко Л. О.* Лингво-философский анализ абстрактного имени. М., 1997.
- Элиасов 1980 – *Элиасов Л. Е.* Словарь русских говоров Забайкалья. М.: Наука, 1980.
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. *О. Н. Трубачева.* Вып. 8. М., 1989.
- Konwicki 1993 – *Konwicki T.* Mała Apokalipsa. Warszawa, 1993.
- Słownik języka polskiego / Pod red. *M. Szymczaka.* Warszawa, PWN. Т. I – 1978; Т. II – 1979; Т. III – 1981.

Этноконфликт: модель и ее составляющие

© доктор филологических наук Ю. А. Сорокин, 2005

Естественным было бы ожидать, что предварением к конструированию этой модели послужат некоторые общие рассуждения, но в данном случае будет использован эффект обманутого ожидания, ибо они представлены, например, во «Введении в общую теорию конфликта» [Дмитриев и др. 1993] или в «Этнической конфликтологии» [Сорокин 1994]. Не будут также рассматриваться и такие имеющие непосредственное отношение к *конфликтологии* и *контактологии* проблемы, как структура языкового и неязыкового сознания (см. в связи с этим: [Караулов, Сорокин, Тарасов, Уфимцева, Черкасова 1994; Михеев 1994]) или характер этносимволов как опорных точек в структуре культурологического пространства (см. по этому поводу: [Шейман 1993]).

Предлагается иной ход рассуждений: с учетом базового контекста (он не очень широк, см., например, [Бернштам 1990; Зубов 1993; Кожин 1990; Крупник 1990; Перепелкин 1991; Федотов 1989; Филиппов. Филиппова 1993; Ферганская трагедия 1990; Человек Мавераннахра... 1990; Шафаревич 199; Шкаратан, Коломиец 1993]), в котором обсуждаются деструктивные ситуации¹, попытаться – в предварительном порядке – представить сценарий душанбинских событий (их описание см.: [Медведев 1990]) в виде ядерных и периферийных составляющих.

Первый ядерный блок: время Икс и место Икс. Выдвижение требований от *А* (потенциальные инсургенты) к *Б* (властям). Тактика отсрочки, используемая властями. Увеличение числа инсургентов. Вторичное использование тактики отсрочки (*критическая фаза*). Первые вербальные и невербальные деструкции.

Второй ядерный блок: выдвижение на место Икс, но уже в *поскритической фазе*, официальных лидеров. Их аргументы и доводы как коммуникативные неудачи. Увеличение температуры деструкций (на поведенческом и нарративном уровнях). Столкновения инсургентов с легитимными формированиями. Начало тотальной деструкции.

---

¹ Но не только. В рамках этого контекста обсуждается и телеология конфликтов, и их характер, и способы их избежания, а также тот набор причин и условий, благодаря которым они возникают. На мой взгляд, пятая и шестая версии объяснений, предлагаемых И. Крупником [Крупник 1990: 242–246], наиболее убедительны.

Примечание: Критическая и посткритическая фазы сопровождаются сбоями / нарушениями в легитимном управлении (контроле). На посткритической фазе вступает в действие также «механизм» саботирования (игнорирования) фактов деструкции. Сигналы о них (индивидуальные) сознательно или бессознательно отклоняются легитимными инстанциями. На этой же фазе начинается синхронизация действий инсургентов.

Первый периферийный блок.

Примечание: Периферийность не подразумевает незначительности. Периферийные элементы – это сопровождающие элементы «техногенного» характера: фильтрация по знаковым аксессуарам – расовым, имущественным / статусным, конфессиональным: «Там русских начали бить!», «Из окна руку высовывают с тубетейкой – их пропускают...» «Знаком служит также выставленный в окно кулак или белая тряпица на антенне. А если видят, европеец, значит, все – громят...» «Бей бюрократа!!!», «Предатели» – это таджики, которые вышли замуж за русских или женились на русских. Или не знают таджикского языка. Выход один – мимикрировать. Я повесил на балкон таджикский чапан. Ирка вывесила тряпку какую-то атласную, чтобы дать понять, что это таджикская квартира.

Фильтрация начинается на *посткритической фазе* и на *подфазе синхронизации действий инсургентов*. Используются также лозунги («Таджикистан – таджикам»), опирающиеся, по-видимому, на инсургентские программы: «Русские ведут себя, как колонисты, они не признают законных прав других наций! Интернационализм, дружба народов – все это пустая болтовня, под которую нас пытаются усыпить. Семьдесят лет шовинистической русской пропаганды замутили наши мозги... Идет планомерное ограбление республики. Из Таджикистана выкачивается все, что только можно. Один хлопок мог бы принести процветание нашей республике».

Примечание: Конфессиональная фильтрация обусловлена в данном случае ориентацией на субисламские феминизированные ценности, носящие диффузный нон-концептуальный характер: «То, что в обиходе объединяется под словом “ислам”, представляет из себя пестрый набор, куда входят и ортодоксальная вера, и пережитки исламских культов, и местные культурные обычаи, традиции. Это так называемый бытовой ислам. Распространяется он, как это ни покажется странным, женщинами» (см. в связи с этим: [Еремеев 1990]).

Третий ядерный блок: фаза паралича легитимной власти. Выход на сцену конкурентов из легитимной среды («дворцовый переворот»). Параллелизация власти, замаскированная конфронтация, передача полномочий «третьим заинтересованным» (компромиссным) фигурам.

Формирование четвертой власти: «Поняв, что никто их не защитит, люди начали объединяться. В самообороне приняли участие практически все взрослые жители города. <...> Отряды самообороны были созданы в каждом дворе. В новых микрорайонах и рабочих пригородах, где нет замкнутых пространств, люди объединялись в большие дружины, охраняющие всю территорию в целом. <...> К тому времени, как власти опомнились, была создана мощная и сплоченная система».

Примечание: Легитимная власть противодействовала созданию таких отрядов, что свидетельствует, по-видимому, о такой периферийной составляющей конфликта, как *когнитивное неразличение*. Прогностична также и ландшафтная составляющая: новые микрорайоны и рабочие пригороды, контрастирующие с автохтонными средами проживания.

Четвертый ядерный блок: ролевая стратификация инсургентов. Ведущие и ведомые: «Специально стояли бородатые люди: молодежь пытается убежать, а они уговаривают опять идти на штурм ЦК... <...> Они собирались группами по пять-шесть человек. Возраст – двадцать и чуть старше. Среди них выделялся явный лидер, он был сразу заметен. Лидер очень активен и агрессивен. <...> Остальные стоят, вяло переминаятся, вглядываются в прохожих. Глаза скорее безучастны. В них не видно ни злости, ни агрессии, ни вообще какого-то сильного чувства. <...> Среди прохожих появляется русский парень. Его замечают, но никаких действий не предпринимают. Просто смотрят. Лидер бросается к прохожему, валит его на землю и бьет. Тут в дело вступают и остальные, но без ожесточения. Мертвой хватки нет. Они позволяют жертве вырваться и бежать. Не бегут вслед. И вновь, переминаясь, стоят кучкой...»

Второй периферийный блок: использование дезинформации и репрессивных мер в инсургентской среде: «... часть жителей кишлаков... была привезена в город обманом. Как это делается? Собирается кишлак. Двадцать-тридцать человек активистов из местных жителей знают, что затевается, а остальных вводят в заблуждение. Это несложно из-за низкого уровня культуры. Пришли и сказали: “Пойдешь!” Многие пошли под страхом, а других убедили: “Ты мусульманин, соблюдаешь все заповеди Корана, а тут приехали иноверцы, забирают у тебя работу, деньги. Твои дети – босые, голодные, а они разъезжают на машинах...” <...> Они рассказывали, что учатся в ПТУ, а родом из Файзабада. За несколько дней до событий хотели уехать домой. Так их выловили на автобусной станции, надавали по башке и вернули в общежитие. Корооче, сбежать невозможно. Если ты не идешь со всеми, то мало того, что

ты не мужчина, не мусульманин, не таджик, тебе еще просто бьют морду».

Примечание: Помимо физического прессинга и игры на различиях в статусе, и взрослые, и дети, и молодежь «подпитывались» нелегальным групповым мнением, инфильтрованным в эти возрастные группы интеллектуальной элитой. Ее точка зрения, безусловно, является одной из важных периферийных составляющих конфликта: «Ученый из академии рассказывал мне о странных, на мой взгляд, речах, звучавших в последнее время на методических семинарах и партсобраниях. Однажды его коллега заговорил о том, что есть у нас богатые и бедные. И о том, что бедные скоро пойдут отнимать у богатых. “Что значит – отнимать? Как вы это себе представляете?” – спросил мой собеседник. Оратор, спохватившись, ответил что-то невразумительное». «Очень многие, даже те, кто сам не принимал участия в мятеже, приняли его с воодушевлением. И прежде всего творческая интеллигенция.»

Несомненно важна и показательна (прогностична) тактика использования *идентификационных аргументов*, апеллирующих к глубинному слою личности (мусульманин, таджик и т. д.) и указывающих на ее уникальность.

Пятый ядерный блок: соотношение легитимных, инсургентских и криминальных страт. Оно неочевидно (в данном случае), ибо предложено три версии:

(а) криминальные структуры участвовали и инсургенции: «Коли говорить о <...> конкретных событиях <...> надо отметить, что начало их было организовано уголовными элементами, я думаю, что и коррумпированной частью нашего города. <...> Тут же прямо за спиной этих хулиганов и уголовных элементов вышли политические силы <...> в лице временного комитета»;

(б) не участвовали: «... мафии в Таджикистане не выгодны беспорядки и преступный мир заинтересован в стабильности общества. <...> Каждый род, вид и подвид фауны преступного мира, каждый отдельный экземпляр населяет привольно свою экологическую нишу, существуя в полной гармонии с окружающими <...>. <...> серьезные уголовники не принимали участия в грабежах и избиениях. Лютовала шпана»;

(в) криминальные структуры послужили «пусковым механизмом» инсургенции, взаимодействуя и с легитимной властью (с компромиссными фигурами), и с инсургентскими стратами: «Есть сведения, что азербайджанские уголовники <...> обратились к душанбинским с просьбой припугнуть приехавших в Душанбе армян. <...> Организованные группы взламывали двери, врвались в квартиры <...>. <...>

угрожали расправой, требуя от перепуганных людей в течение суток покинуть город. <...>. На следующий день к нескольким сотням <...> присоединялись тысячи молодых людей, частью студенты, но главным образом – ученики ПТУ <...>. На следующий за этим день <...> в дело были брошены новые силы. Из окрестных сел в город прибыло на грузовиках и автобусах подкрепление. Кроме того, на улицы вышли мальчишки из городских махаллей. Кому под силу организация действий подобного размаха?»

Примечание: Все три версии нуждаются в перепроверке, но наиболее вероятной является версия (а). Такую возможность развертывания событий подтверждает и дело Д. Холодова (см. «версия 2» в: «Московский комсомолец» от 19.10.1994, №. 203 (16.960), 1, «Его убили чужими руками. Версия 2»).

Версия (а) стереотипна и однофокусна (как правило, такие версии относятся к разряду дезинформирующих). Версия (б), по-видимому, носит такой же характер, к тому же идеализированный: в ней не учитывается и «беспредел», существующий в современных криминальных сообществах, и возможность одновременной игры на нескольких досках, и, наконец, глубинные установки блатного мира, которые, как бы они ни менялись, вряд ли изменились в корне с шаламовских времен (см. [Шаламов 1989]).

Шестой ядерный блок: культурологические барьеры и различная (полярная?) ориентированность автохтонного и неавтохтонного населения: «В квартирах все разобщены, почти не знают соседей. Русские плохо знают культуру таджиков, и наоборот. Была с самого начала обособленная жизнь, не было стремления вникать в жизнь другого... Позже мне довелось услышать об отношениях русских и таджиков: “Треснувшую пиалу можно склеить, но пользоваться ею уже будет невозможно”. <...> При всем своем недоверии к партийному и государственному аппарату русскоязычное население поддержало в его лице Законную Власть, какой бы она ни была. <...> Чрезвычайное положение определенные руководители использовали для нагнетания обстановки, чтобы ввести в заблуждение русскоязычное население и провести угодных им кандидатов...»

Примечание: Такое распределение ориентаций, очевидно, является тем ферментом, который способствует сохранению конфликта в латентной форме. Можно также предположить, что разнофокусное распределение ориентаций является одной из базовых составляющих *к о н ф л и к т о г е - н е з а .*

Третий периферийный блок: он характерен для посткритической фазы (*подфаза провокаций*): «Когда первый залп дали, они отошли, второй раз не уходят, поняли, что стреляют холостыми патронами. В это время в толпе появились люди с огнестрельными, ножевыми ранениями.» «Я не берусь судить о том, кто начал провокацию с выстрелами в толпе и в толпу.»

В свою очередь, все вышеприведенные составляющие конфликта базируются на тех феноменах, которые составляют **субстратный блок** (блок оснований и причин конфликта). В нем можно выделить следующие подблоки:

1) подблок состояний *хомоландшафтов*: «Когда Средняя Азия была присоединена к Российской империи, в границах современной Ленинабадской области Таджикистана проживало 143 тысячи человек. Среднегодовой прирост населения составлял всего 0,3%. <...> Уже к концу девятнадцатого века население северных районов Таджикистана выросло более чем в два раза»;

2) подблок состояния *биоландшафтов* (и, в частности, *гидроландшафтов*): «Одновременно с ростом численности населения, которое по основным земледельческим регионам возросло более, чем в десять раз, адекватно возросло и количество скота у населения, что привело к практически полному истощению пастбищ, повсеместному нарушению гидрологического режима и к иным отрицательным последствиям»;

3) подблок состояния *геоландшафтов*: «... если сто лет назад в Северном Таджикистане на одного человека приходилось 18 гектаров общей площади, то сейчас – немногим более 1,5 гектара». «Хищническое хозяйничание в регионе, включая добычу полезных ископаемых <...>, <...> выращивание хлопка <...> лишь усугубило проблему. Учатившиеся землетрясения и другие стихийные бедствия <...> были вызваны именно антропогенным воздействием на природу. Например, в 1987 году от селей пострадало свыше ста селений...»

Не менее важное значение в субстратном блоке играют агломерационные стрессы («очень много людей и очень мало земли»), авлодический (общинный) прессинг (патернализм, иерархичность, кастовость), а также традиционистский конвейер престижа: «Звено первое – <...> обряд обрезания, которым отмечается вступление мальчика в мир ислама и на который собирается вся община. Затем свадьба, на нее приглашается весь мир. Обрезание первого сына. <...> Похороны родителей, в которых участвует все село. Свадьба дочери. <...> И, наконец, похороны самого дехкана и поминки, на них сходятся все односельчане. <...> Богатейшее угощение для бесчисленных гостей. Богатейшие по-

дарки. Средства на них собираются годами. <...> Община воспитывает человека так, что в соблюдении грабительских обычаев он видит свой долг, воплощение жизненного успеха. <...> Если кто-то и задумал бы восстать против диктата общественного мнения, такой человек мигом бы уронил свой социальный статус. К нему никто не пришел бы на свадьбу или обрезание. <...> Над ним бы смеялись и презирали его, он тут же лишился бы всякой поддержки односельчан, прежде всего богатых. А без этого в общине не выжить. Даже если бунтарь покинет махаллю, дурная слава догонит его на новом месте.»

Примечание: Помимо предписаний патерналистского, иерархического и кастового порядка, свойственных тем структурам, которые К. Маркс называл *азиатскими формациями* (они, собственно, и являются прообразами современных авторитарно-тоталитарных режимов), весьма существенную роль в общине играет кодекс контрагентов (в нашем материале их называют перекупщиками), а точнее говоря, *кодекс медиаторов*, с помощью которых поддерживаются формальные (деловые) и неформальные (межличностные) отношения между теми или иными стратами. На них, по-видимому, могли опираться как легитимные, так и криминальные и инсургентские страты.

Не менее важное значение следует приписывать конфессиональным (исламским) установкам, коррелированным с ментальными ценностями и предпочтениями: «Наш культурный генотип формировался на протяжении столетий в тесной взаимосвязи с той или иной религией. После революции <...> силой стал навязываться вариант крайне секуляризованной европейской культуры. Но Восток во многом еще живет в прошлой системе ценностей, поскольку для усвоения светского или секулярного образа мышления нужно время. <...> И отдельные священнослужители, и церковь в качестве политической и общественной силы приняли участие в событиях <...>. Выступления были не русскими, а антикафирскими. “Против неверных”, – определил один университетский преподаватель. Били и раздевали догола девушек-таджичек, одетых не по-мусульмански, то есть с короткой стрижкой и без изоров-штанов, закрывающих ноги. <...> “Бюрократа” определяли по галстуку. Кафира узнавали по одежде.»

Примечание: Эти цитаты, по-видимому, следует рассматривать как одно из весомых подтверждений в пользу того, что *мера витрификации* (о витрификации см.: [Сорокин 1994, 18–19]) есть мера латентной конфликтности той или иной лингвокультурной общности. Иными словами, она является знаком-указанием (*диагностивом*) на жесткий, полужесткий и мягкий характер возможных деструкций.

Завершая реконструкцию модели этноконфликта, я хотел бы указать на пилотажность выделенных ядерных и периферийных составляющих и на их неполноту. В частности, можно считать правомерным выделение такого периферийного блока, как блок альтруизма (жертвенности), на который – достаточно скупое – указывается в проанализированных материалах. Несомненно также, что должен быть представлен блок отталкивания или притяжения (существовавший изначально или возникший в ходе стабилизации конфликта) автохтонных и неавтохтонных слоев населения к миротворческим силам (есть основания утверждать, что элементы, входящие в него, окажутся аксиологически разными для ферганского, бакинского и тбилисского вариантов).

Необходимо учитывать взаимопересекаемость блоков, их наложение и взаимодействие в процессе конфликта. И в то же время взаимозависимость. Короче говоря, нужна динамика их облигаторных и необлигаторных элементов. Важно также проверить релевантность их «полевых» путем, например, предложив группе испытуемых проиграть конфликт и наметить ход его развития, выясняя, какие ядерные и периферийные блоки будут учитываться, насколько конфликт будет жестким и какие варианты его развития предложат испытуемые.

Не менее важно проанализировать и сопоставить все классы конфликтов, коррелируя и уточняя эту модель и строя новые гипермодели.

Л и т е р а т у р а

- Берштам М.* Сколько жить русскому народу. Размышления американского демографа // Москва. 1990. № 5.
- Дмитриев А., Кудрявцев В., Кудрявцев С.* Введение в общую теорию конфликтов. М., 1993.
- Еремеев Д. Е.* Ислам: образ жизни и стиль мышления. М., 1990.
- Зубов А.* Украина: опыт самообретения // Октябрь. 1990. № 9.
- Кожин В.* Неосновательные прогнозы // Октябрь. 1990. № 8.
- Крупник И.* Семь объяснений // Дружба народов. 1990. № 11.
- Михеев А. В.* Динамика структур группового сознания (по данным ассоциативных экспериментов) // НТИ. Сер. 2. 1994. № 4.
- Перепелкин Л. С.* Истоки межэтнического конфликта в Татарии // Мир России. Т. 1. 1992. № 1.
- Сорокин Ю. А.* Этническая конфликтология. Самара, 1994.
- Федотов Г. П.* Россия и свобода // Наш современник. 1989. № 8.
- Ферганская трагедия // Дружба народов. 1990. № 11.
- Филиппов В. Р., Филиппов Е. И.* Горный Алтай: межнациональные отношения сегодня и завтра // Мир России. Т. 2. 1993. № 1.
- Человек Мавераннахра: миражи и реальность // Дружба народов. 1990. № 1, 12.
- Шафаревич И.* Русофобия // Наш современник. 1989. № 6.
- Шаламов В.* «Сучья» война. Очерки преступного мира. М., 1989.
- Шейман Л. А.* Проблемы и перспективы педагогической этносимвологии // Русский язык и литература в школах Кыргызстана. 1993. № 3–4.
- Шкаратан О. И., Коломиец В. П.* Крах во спасение (социально-генетические преступления советского режима) // Мир России. Т. 2. 1993. № 1.

Эмоции во лживой коммуникации

© доктор филологических наук В.И. Шаховский, 2005

Введение

Мнения разных языковых личностей (ЯЛ) об одном и том же событии, факте, явлении редко полностью совпадают. Истинным каждому из нас представляется только *наш* взгляд, *наше* восприятие и понимание, только *наша* интерпретация. И. Губерман этот исторический факт точно и емко объективировал в одном из своих гариков, в котором *все* мнения он считает заблуждениями и основой всех споров:

*Между слухов, сказок, мифов // Просто лжи, легенд и мнений
Мы враждуем жарче скифов // За несходство заблуждений.*

Люди думают, что они общаются друг с другом на уровне правды, которая, однако, у каждого из них своя. При переходе на уровень истины каждому из речевых партнеров позволяет увидеть *другие* правды и применить к ним *свою*. В речевых актах (диалогах) всегда существует оппозиция «*твоя* правда vs. *моя* правда». Интересно, что, по замечанию А.В. Пузырева, у русского слова *истина* (которая выше правды) нет синонимов, по сравнению со словом *правда*. Этот факт, по его мнению, указывает на отсутствие концепта «Истина» в русском менталитете, хотя само слово есть [Пузырев 2001].

Правду и ложь трудно дифференцировать еще и потому, что, по мнению французского философа 60-х годов Мишеля Пете, слова не прозрачны и говорящий субъект не является полновластным хозяином своей речи. Это мнение аргументируется тем, что всегда есть слова, предшествующие тому, что мы говорим, и то, что мы говорим, всегда пронизано словами других. Плюс к этому – «паутина» тысячи ассоциаций у каждого слова, своего и чужого. Все это – огромная база для порождения неискренних высказываний.

Этот объективный факт объясняется тем, что семантика любого слова для его пользователя содержит помимо кодового содержания еще и личностные компоненты, соотносящие это слово с ситуациями всех его предыдущих употреблений. А они у каждого пользователя языка свои, поэтому и появляется разброд в восприятии, понимании и интерпретации одного и того же высказывания даже во внутрикультурном (одноязычном) общении. При межкультурном общении проблема динамической эквивалентности еще более усугубляется [Шаховский 1998a].

Ложь как психолингвистическая проблема языковой, правовой и нравственной экологии

Ложь в современном российском обществе особенно распространена, т. к. она моделирует эмоции и поведение реципиентов, их восприятие информации, ее понимание. Психологи разработали концепцию спиралевидной модели понимания: слова раскручивают мысли реципиентов и направленные на них высказывания в двух направлениях: в их предшествующий видовой и индивидуальный (личностный) опыт и в их последующий за данными высказываниями опыт. И если в предшествующем опыте реципиента уже определенный говорящий ассоциируется с какой-либо ложью, она становится континуальной. Ложь закрепляется в семантической памяти языковых знаков и языкового сознания их пользователей через соответствующие фреймы, стереотипы, гештальты, ассоциации (например, на слово «реформа»: ни одна реформа в нашей стране, вопреки обещаниям правительств, заверениям госчиновников, не улучшает жизнь рядовых граждан нашей страны): это слово маркировано коннотацией лживости.

Изначально язык служил системой ориентирования *homo loquens* в общении. А теперь он все больше превращается в систему дезориентации, разобщения людей. Недостроенная древними людьми Вавилонская башня продолжает разрушаться. И теперь виновато в этом не разноязычие, а «разномыслие», т. е. ложь в ментальных и в (а)вербальных репрезентациях ситуативного взаимодействия *homo mentiens (fallens)*. Язык считается путеводителем человека к самому себе и к другим. Но, как выясняется, путеводитель этот неблагонадежный, потому как люди лгут не только другим, но и самим себе. Как утверждает В. Ф. Петренко, «грязная рубашка – теплее». Видимо, в этом и заключается интрига лживого общения как специфического коммуникативного жанра.

Тот факт, что ложь в коммуникативном поведении ЯЛ занимает огромное место, подтверждается огромным концептуальным полем лжи, все фрагменты лексикализации и фразеологизации [Ryabtseva 2003] которой имеют имена в разных частях речи русского и английского языков.

Ложь – это всегда разновидность несоответствия истине, действительной реальности, т. е. несоответствие между значением (смыслом) высказывания и его денотатом (референтом). Ложь – это всегда замена (подмена) референциальных соотношенностей. Используются и другие виды несоответствий в ложных коммуникативных актах: между прямым значением и переносным, между эксплицитным и имплицитным значе-

ниями (при общей форме их выражения), между узуральным (кодированным) и окказиональным (индивидуальным) значениями.

Л. Андерсон считает, что *«лингвистика может внести вклад в установление новых строгих принципов, позволяющих судить о ложной рекламе и ложной коммуникации, что способствовало бы выработке правовых установок и журналистской этики»* (цит. по: [Болинджер 1987: 42]). Для этого, по моему мнению, необходимы специальные интегрированные исследования лингвистов, психолингвистов и текстолингвистов.

В ложных коммуникативных актах адресант, используя кодированные знаки языка, преследует цель информировать адресата неправильно. При этом происходит наибольшее расхождение между интенциональной и финальной прагматикой одного и того же сообщения у адресанта и адресата. Она и в истинных (искренних) высказываниях никогда не совпадает полностью за счет того, что значения языковых знаков и пропозиций находятся не в языке, а в головах коммуникантов, и эти значения у них никогда не совпадают полностью.

Целью лжи в любом случае является непосредственное или опосредованное манипулирование адресатом: обмануть его, создавая у него ложную ментальную картину (пропозицию по Л. Витгенштейну), которая позволяет отодвинуть обратную связь на неопределенное время («Партия торжественно провозглашает, что нынешнее поколение советских людей *будет* жить при коммунизме!»).

Ложь, несомненно, является, социальным, правовым и нравственным злом. Теперь в определенных структурах уже и специальное обучение проходят так называемые имиджмейкеры – манипуляторы общественным сознанием (пиарщики). И ведь лжецы всегда побеждают, как ни странно! И в наше время тоже. Все знают, что реклама лжет, чтобы обмануть покупателя, избирателя, и все равно люди покупают, выбирают фальшивки.

Ложь живет и процветает везде: «сказка – ложь...», в каждой шутке неявной функцией является ложь, и каждая метафора («ночь – дама с глазами звездными») – тоже ложь. С ее помощью происходит индукция ложных картинок (пропозиций) у реципиентов. Лживые слова, типа *никогда, ни за что, реформа, демократия* и т. д. – крючки, на которые ловятся люди. И хорошо бы каждому знать эти крючки заранее, априори, а не уже побывав распятым на них. Такие слова – маски лжи, и задача лингвистики – сорвать с них эти маски, маркировать их предупредительным знаком. Людям нужна языковедческая помощь в своевременном опознании лжи. Л. Витгенштейн утверждал, что язык переодевает

мысли. Наблюдения показывают, что он часто их переодевает в ложные одежды, и эта одежда тоже должна быть маркирована фосфорным свечением в темноте лживого общения.

Конечно, лингвистика лжи еще не сложилась окончательно. Работ чисто лингвистических на эту тему мало (см. библиографию: [Дённингхаус 2003], [Плотникова 2000]). Объясняется это многими причинами и, прежде всего тем, что лживыми высказываниями людей руководят биологические, социальные, религиозные, психологические, политические, финансовые (экономические) и многие другие факторы. Наиболее обобщенно лингвистический аспект лжи рассмотрен в работах Х. Вайнриха и Д. Болинджера. Основные выводы исследований взаимодействия языка и лжи таковы. Лингвистика не может уничтожить ложь. Интересно утверждение Х. Вайнриха о том, что ложь занимает так много места в языке (речи) людей, что для истины почти совсем не остается места, «только узкая улочка» [Вайнрих 1987: 46].

Лингвистика, действительно, не может упразднить ложь и лживую коммуникацию, но она может выявить прототипичные лживые средства языка, может выявить, как именно истина с помощью языка превращается в ложь, как нормальные слова становятся лживыми, рефлектируя коррелирующие с ними лживые понятия: *борьба хозяйствующих субъектов, демократия, реформа, суверенитет* и мн. др. в русском лексиконе. Россия давно уже висит «над пропастью во лжи» (В. Новодворская), и эмпирически «библиотека лживых слов» уже давно не только на слуху, но и в памяти, в языковом сознании русскоязычных людей старшего и среднего поколения. Молодое поколение в настоящий период активно к этой «библиотеке» прибегает через СМИ. Лингвистика может установить лживые валентности слова и его отличие от слов, у которых таких валентностей нет. Лингвистика может и должна составить перечень всех слов, структурных интоном, просодем и кинем, уличающих ЯЛ в лживости, чтобы противостоять манипулированию собой и зомбированию со стороны, прежде всего – продажных СМИ. Сюда включаются и прямые и косвенные улики – сигналы лжи. Если с этой задачей лингвистика справится, то лживая речь и сигналы лжи (опознанные ее получателями. – В. Ш.) уничтожат друг друга [Вайнрих 1987: 82], а у лживой информации ослабеет манипулятивная функция, и люди будут успешнее ей сопротивляться.

Другими словами, в языковую и в эмоциональную/эмотивную субкомпетенции ЯЛ необходимо с детства вводить знания о лживых языковых знаках, структурах и приемах их опознания: «точечные бомбардировки», «лагерь беженцев», «зачистка», «восстановление порядка» и

другие многочисленные случаи переноминации как средства лжи о войне в Чечне. Их семантическое разоблачение – это проблема социолингвистической, правовой и нравственной экологии.

Уже из имеющихся исследований по психологии и лингвистике лжи видно, что лживые РА – результат намеренного злоупотребления языком, а следовательно, такое использование языка является унижением и оскорблением человека, нарушением его прав (о возвышающей функции языка см.: [Шаховский 1998б]).

Ложь настолько глубоко пронизывает языковое сознание и речь *homo sapiens* как метастазы, что у людей уже появилось новое заболевание – мифофобия – боязнь ненамеренно сказать неправду, и поэтому некоторые русские ЯЛ вообще избегают высказываться и общаться с другими ЯЛ. Молчание в таком случае действительно – золото, оно спасительно, более спасительно, чем спасительная ложь. Кстати, чтобы скрыть правду (истину), лучше действительно меньше говорить: меньше скажешь – меньше ненамеренно выдашь то, что не хочешь выдать. Лжет в любом случае не язык, а *homo fallens (mentiens)*, который использует кодированные языковые средства, а они – полуфункциональны. Это уже известно. Но в случае лживых РА *homo fallens (mentiens)* переформатирует их, т. е. перемещает те же самые слова, которые используются в искреннем дискурсе, в другое пространство во вновь заданные смысловые рамки с иной (смещенной) референцией. Так происходит овнешвление лжи для продуцента. Для реципиента это овнешвление чаще всего является истинной информацией (до поры до времени).

Вербальная ложь представляет собой систему скрытых смыслов, а они представлены на всех этажах языка: в лексике и в синтаксисе, в их семантике (скрытые для получателя смыслы), в интонации, в авербалике.

По мнению А.А. Масленниковой, эти скрытые смыслы постоянно взаимодействуют со своей средой – системой явных смыслов, а также с миром людей [Масленникова 1998: 4], т. е. миром говорящих, слушающих, наблюдающих языковых личностей. Ложь и сопровождающие ее смыслы всегда интенциональны, т. к. они создаются говорящим намеренно и все скрытые во лживых высказываниях (текстах, дискурсах) смыслы обусловлены индивидуальной или групповой стратегией. Следует согласиться с А.А. Масленниковой, что скрытые смыслы могут имманентно принадлежать уже некоторым языковым структурам (эвфемизмы, метонимия, метафора, гипербола, мейозис и др.).

Причем все скрытые смыслы известны продуценту речи, а их получатель в момент общения чаще всего их еще не осмысляет. У продуцен-

та лжи эти смыслы имеют иные референции и интерпретируются им по манипулятивному пути, замышленному продуцентом лжи.

С.Н. Плотникова в качестве одного из теоретических выводов своего исследования неискреннего дискурса приводит такой: *«С семантической точки зрения неискренность представляет собой личностный смысл, состоящий в осознанном (выделено мной – В.Ш.) выражении ложных пропозиций взамен истинных»* [Плотникова 2000: 8]. В ее работе этот вывод убедительно раскрывается: истинные личностные смыслы в лживых РА всегда скрыты, а те, что эксплицированы, являются ложными, манипулятивными, тенденциозными, дезинформирующими, т. е. неискренними.

Скрытым смыслом можно считать *«всякий смысл, вербально не выраженный в тексте сообщения, но воспринимающийся адресатом как подразумеваемый и интерпретируемый им на основании языковой компетенции, знаний о мире и имеющихся в тексте сообщения показателей»* [Масленникова 1998: 6]. В компетенции лгущего всегда имеется детерминанта системы скрытых смыслов, в качестве которой является интенциональность, т. е. намеренное введение говорящим скрытого смысла в свое сообщение. Введение таких смыслов ведет к кардинальным изменениям как в объеме передаваемой информации, так и в самом ее характере [Масленникова 1998: 6]. Иллюстрацией к словам А.А. Масленниковой является, например, длительное по временной протяженности манипулирование смыслами «может быть, еще живы», намеренно создаваемыми и транслируемыми в официальных интервью господина Клебанова по ТВ о подлодке «Курск». Аналогична ситуация и с официальными сообщениями о количестве заложников в средней школе № 1 г. Беслана: «"Из-под завалов извлекли 90 трупов... 100... 106..."», – рапортовали каждый час "официальные вруны". Если постепенно, в час по чайной ложке, вроде и не так страшно...» (МК, 8–15 сентября 2004, с. 5).

Эти и другие вербальные примеры выдают правительственную методику дозированной подачи гражданам страны неприятной информации – щадящая ложь во имя преуменьшения своей вины в конкретной трагедии.

И об этом лингвисты обязаны известить и предупредить эти самые массы, ибо плоды такой методики всегда впоследствии горьки и печальны. Как убедительно доказывает А. Меняйлов и как показывает жизнь, с ее помощью «управленцы» превращают людей «в предреченную всепланетную стаю» [Меняйлов 2002: 311]. Недавно с помощью трех «да» («да, да, нет, да») нас уже в такую стаю обращали, и смысло-

вые галлюцинации не позволили нам тогда сделать правильный «выбор сердцем» (о гипнабельности нескольких «да» см. [Меняйлов 2002: 340]).

Психолингвисты уже давно заметили, что цель любого общения состоит в том, чтобы «некоторым образом изменить поведение или состояние реципиента (собеседника, читателя, слушателя), т. е. вызвать определенную вербальную, физическую, ментальную или *эмоциональную* (выделено мной. – *В.Ш.*) реакцию» [Красных 2003: 122].

Ложь не только распространена в любой лингвокультуре, но и особенно популярна у власть предержащих. Как замечает А. Меняйлов, «на практике уничтожали (во все времена. – *В.Ш.*) лишь не изошренных во вранье, притворстве, хитрости. Лживые же выживали, давали потомство и занимали ключевые посты во власти» [Меняйлов 2002: 231]. А раз лживые у власти, особенно если они двумя руками держатся за ложное мировоззрение, искоренить ложь в обществе и в быту невозможно (см.: Дж. Оруэлл «1984»). С ней надо сосуществовать и учитывать ее в процессе коммуникации с этим обществом, ибо у него громадный генетический опыт лживости. Уже во времена Понтия Пилата верхом святости был обман [Меняйлов 2002: 297], например, лживые клятвы и валютные махинации первопрестольного Храма [Меняйлов 2002: 292-294].

Сотни тысяч страниц художественной литературы посвящены супружеским изменам – еще одной форме лжи: Ирэн изменила Сомсу Форсайту, Анна – Каренину, Китти – Уолтеру и т. д. до бесконечности, как и в реальной жизни.

Описаний в художественной литературе момента обнаружения таких измен множество: это одна из наиболее напряженных категориальных эмоциональных ситуаций. Ведут себя люди, оглушенные такой информацией, по-разному (см. например, гл. 18 «Раскрашенного занавеса» С. Моэма), но всегда очень эмоционально. Вспомним Уолтера из «Раскрашенного занавеса» С. Моэма, шекспировского Отелло, миссис Флетчер (рассказ «Ярость» Ч. Барстоу), Хелен Рид (из романа Д. Лоджа «Думает») и др.

Приведу пример из последнего источника. Главная героиня этого романа Хелен Рид после смерти своего мужа узнает о том, что он изменял ей с ее теперешней студенткой (и не только с ней). Вот как сама Хелен описывает свое эмоциональное состояние сразу же после признания этой студентки: фактически ей хотелось в бешенстве от его предательства визжать и бросать в студентку всем, что попало бы ей под руку, но реально она сохранила внешнее достоинство и профессиональную выдержку:

«I felt dizzy and hardly able to breathe. The raw breeze-block walls of the poky little office seemed to swell and contract, the gross, meaty nude on the Lucian Freud poster, and the black burnished figure on the Mapplethorpe, seemed to ripple and move obscenely. I struggled to conceal my dismay, to retain some dignity and professional poise. When she said, 'I hope this isn't going to prejudice my mark for the course,' I wanted to scream and throw things at her, but I just said coldly, 'That's what external examiners are for.' Then I terminated the interview.» (Lodge. Thinks...)

Такое сокрытие истинных эмоций можно назвать самоконтролем, самообладанием, и это – позитивное качество эмоциональной ЯЛ. С другой стороны, двуличие, т. е. внешнее выражение положительных эмоций при внутреннем испытывании резко отрицательного отношения к собеседнику – яркое свидетельство лживости:

«She gathered up her bag and they parted with mutual expressions of affection and good will.

«Silly old bitch,» he said when the door was closed behind her.

«Pompous old ass,» she hissed as she went down in the lift.

But when she got into her magnificent and very expensive car and drove back to Montagu Square she could not hold back the heavy, painful tears that filled her eyes. She felt old, lonely, unhappy, and desperately jealous» (Maugham. Theatre).

Внешне Майкл и Долли расстались приятелями, обменявшись добрыми словами взаимной симпатии, но, оставшись наедине, они обозвали друг друга довольно злобно: «Старая глупая б...» – сказал Майкл. «Напыщенный старый осел», – прошипела Долли. Это было уже искреннее вербальное выражение их эмоций, за которым у Долли последовал поток мучительных слез от осознания своей старости, одиночества, несчастья и отчаянной зависти.

Вся глава 17 этого романа представляет собой континуальную кластерно-эмоциональную ложь всех ее персонажей: Джулии Лэмперт, ее мужа Майкла, молодого любовника Джулии Тома и друга семьи Чарлза. Здесь представлена ложь и как языковая игра, и как подделка под юмор и шутку, и как теловая рефлексия (*obvious; embarrassment; startled look; went scarlet; was alert and wishful; cried gaily; crowded with delight*), как внешняя реакция Джулии на слова ее подруги о том, что ее компрометирует дружба с молодым парнем. А вот описание ее взбешенности и лексика ее внутреннего монолога – воображаемого разговора с Долли, которая выдала ее мужу:

«You old cow!; How dare you?; It was unpardonable! Your rotten old money; I'll never speak to you again. Never. Never...» Выше я уже упоми-

нал среди лживых слов русского и английского языка это слово – *никогда*.

Джулия должна была узнать, что именно Долли сообщила ее мужу и выстроила такую поведенческую тактику: *«It would be much wiser not to have a row with her. Julia smiled as she thought of the scene she would wheedle it all out of her, and never give her an inkling that she was angry»*.

Читателю ясно, что это тактика лжи (сокрытие настоящих эмоций), злости и ненависти.

Писатели не могли бы так мастерски описывать сцены сокрытия эмоций и борьбу внутренних вербально-ментальных эксплетивов и аффективов с их внешней рационализацией на фоне предательской или поддерживающей эту рационализацию авербалики их лживости, если бы не имели соответствующей, хотя бы пассивной, компетенции лжи. Рассмотрим один из эпизодов такой контраверзы: внутренняя искренность vs. внешняя лживость. Актриса Джулия Лэмперт узнала, что ее подруга Долли рассказала Майклу – мужу актрисы – о ее связи с Томом, который был на 25 лет моложе ее. Она этим возмущена и приглашает Долли на разговор.

В рассмотренной выше ситуации Джулия сразу после того, как она узнала о «предательстве» подруги, была взбешена и выстроила тактику разговора с Долли в самых «горячих» тонах (см. выше), и это были истинные эмоции Джулии. Но реально состоялась другая, типично английская тактика. Далее С. Моэм со знанием всех деталей эмоциональной дуэли с помощью лжи слов и тела описывает ее репрезентанты. Долли не хочет с Джулией говорить, так как она оскорблена ее адюльтером, но соглашается, и они называют друг друга ласкательным, дружеским *darling*. И тут же автор сообщает читателю об их лживости: *«Darling!»*. *But when she rang off Julia through clenched teeth muttered: «The old cow»* (вот это ее искренняя эмоция). Читатель из вертикального контекста уже знает об их истинных, скрытых за внешним вежливым этикетом взаимоотношениях. В этой эмоционально напряженной ситуации задействованы четверо англичан, и все они с пеленок научены скрывать свои истинные эмоции (такова английская культура эмоций): Роджеру было неинтересно, что ему говорила Долли, но он *«Listened politely»* и отвечал ей *«suitably»* (был вежлив и корректен, хотя и не очень внимателен). Джулия считывала с лица своего сына, что *«he was occupied with thought of his own»*, и в то же время он наблюдал за всеми взрослыми с таким любопытством, с каким обычно рассматривают зверей в зоопарке.

Следующий лживый вербальный шаг совершает Джулия, замаскировав свое приближающееся свидание с молодым любовником под сообщение сыну, что у нее есть два билета в театр и что Том до начала спектакля приглашает его в кафе. Это сообщение Джулия делает намеренно при муже и при Долли. Для Майкла, который уже знает о ее связи с Томом, и об этом Джулия тоже знает и знает, что именно Долли «просветила» его, это сообщение имеет скрытый смысл. Все участники этой эмоциональной сцены принимают доброжелательный вид, тем самым участвуя в лживой игре. Особенно лицемерны слова самого Майкла. После обмена многозначительным взглядом с Долли, он с особым блеском в глазах произносит фальшивую фразу: «*Tom is a very decent sort of boy. He won't let Roger get into any mischief.*»

Далее эмоциональная ситуация их общения становится еще более фальшивой для Джулии и Долли, которые уединились в спальне для «дружеской» беседы. На протяжении всей этой льстивой «доверенной» беседы двух подружек-лгуней читатель (наблюдатель) присутствует на спектакле – дуэли их вербальной и авербальной эмоциональной лжи. В ряде сцен язык тела выдает Долли (*Dolly's features at this slightly relaxed...; This time she was certain Dolly was disconcerted...*).

Джулия была высоко профессиональной актрисой, поэтому, когда ей было надо, она могла управлять и вербаликой, и авербаликой своих эмоций. «*Julia liked neither the words Dolly spoke nor the way she said them. But she gave no sign of her uneasiness. Her heart stood still...*» Истинные эмоции – ее внутренняя речь в авторских комментариях: «*The Fool. The blasted fool!*» После этого автор замечает: «*But recovering herself at once she laughed lightly*» (ее внешние эмоции – симулянтные, предназначенные для Долли). И далее – верх лживости Джулии: «*Julia, smiling good naturedly, looked at her with ingenuous eyes... They looked at each steadily, their hearts were black with hatred; but Julia still smiled*». Их настоящие отношения в этот момент, наконец, названы: ненависть. Но внешне – взаимное дружелюбие и невинность.

Данная категориальная ситуация (выяснение отношений на интеллектуальном уровне, т. е. без внешних оскорблений, криков, плача и т. д.) вскрывает глубинные бурлящие эмоции, сопровождающие ложь обоих коммуникантов, игру этих эмоций, их многократное, вербальное и теловое переодевание (даже клятвы идут в ход как средство лжи). И все-таки обе героини знают, что Джулия лжет, и поэтому они расстаются холодно («*They parted coldly*»).

Приведенная в качестве иллюстрации внешней и внутренней лжи сцена иллюстрирует очень неприятный вид лжи, поскольку обе стороны

это понимают и продолжают еще некоторое время свое общение, внутренне переживая ложь, но внешне этого не обнаруживая и не выражая. Этот вид лжи неприятен для ее продуцентов и реципиентов, независимо от ее вида (бытовой или политической) и от того, лгут ли обе стороны или только одна.

Обман и ложь как его разновидность в громадном разнообразии широко практикуются в повседневной жизни людей, и поэтому в языке так много слов, фразеологических единиц, устойчивых словосочетаний – клише для номинации этих практик лжи. Художественная литература по праву может быть названа депозитарием человеческой лжи. У В. Шукшина есть рассказ «Правда», который на самом деле повествует о хитрости, ловкачестве одного из председателей колхоза Аксенова. В своем выступлении на общем собрании он скрыл факт гибели свиней в его хозяйстве по его халатности и говорил критически в свой адрес только по мелочам (умолчание правды как вид лжи). Потом в разговоре с другим председателем он еще раз соврал, уже прямо дезинформировал его о том, что он якобы вызвал комиссию на пересмотр акта о гибели свиней. В первом эпизоде ложь Аксенова прошла незамеченной на собрании, которое не знало о существовании такого акта, но не прошла мимо коллеги, который об акте знал. А во втором эпизоде Аксенов все же обманул и коллегу, частично реабилитируя себя (ложь во спасение лица своего). Оправдываясь во лжи, Аксенов просит новичка-коллегу: *«Как только первый раз где-нибудь словчишь, скажи мне. Только по-честному. Мне охота узнать: проживешь ли ты без этого (без вранья. – В.Ш.) или нет?»* (В. Шукшин)

Фактически ложь, как субъективно-волевая истина, вошла в жизнь людей неотъемлемым ее компонентом, и в каждом художественном произведении она присутствует во всем многообразии ее функций: регуляция, глорификация, дезинформация, манипуляция, (само)защита (спасение), дефамация, фатика и др. Ложь бывает и милой, и красивой, и доброй (ср.: *мне ложь твоя мила; сладкая ложь*), но во всех таких случаях *homo fallens (mentiens)* шагает по розам босиком. И она, в конечном счете, всегда портит воздух взаимоотношений. Речь, зараженная ложью, обладает огромной долговременной инерцией («единожды солгавши, кто тебе поверит?»). Солгавший навсегда остается в эмоциональной памяти людей лжецом.

Психологи утверждают, что общение без истины невозможно. Но роман Дж. Оруэлла «1984» опровергает это мнение. Речевая жизнь современного общества показывает, что именно без лжи общение (и вертикальное, и горизонтальное) становится все более и более невозмож-

ным. И это в то время, как ложь объявляется грехом в Нагорной проповеди!?

Поскольку уже неоспорим факт, что художественная (виртуальная) коммуникация (текст) является слепком реальной коммуникации, реального языка *homo loquens* и его реального поведения, то презентация в ней лживых коммуникативных (речевых) актов – несомненно объективный эмпирический материал для лингвистики лжи. Достаточно извлечь из этнокультурной памяти самого исследователя видовые знания в форме таких, например, классических образцов вербальной лжи, как Лука-утешитель (М. Горького «На дне»), чеховский Хамелеон, гоголевский Хлестаков (хлестаковщина), барон Мюнхаузен, Василий Теркин, Маргарита (М. Булгакова) и др.

Заключение

Полагаю, что уже одних этих примеров из русской и английской классики достаточно, чтобы убедиться в бесконечной эмотивной валентности вербальной и авербальной лжи. Все виды эмоциональной лжи, все вербальные средства, репрезентанты ее манифестации и писателям, и лингвистам известны, равно как и авербальные ее разоблачения. Поэтому мировая художественная литература является незаменимым «учебным пособием» по формированию компетенции распознавания лживого эмоционального поведения коммуникантов.

Тем не менее, лингвистикой лжи ее эмоциональный аспект изучен еще крайне слабо. Остается белым пятном в теории эмоциональной лжи большой список проблем. Лингвистике и коммуникативистике еще предстоит изучить много проблем неискренних образов сознания и их материализации в различных жанрах человеческого общения, прежде всего, бытового, политического и религиозного (увы! о лживости последнего типа общения уже тоже говорят и пишут).

Л и т е р а т у р а

- Боллинджер Д.* Истина – проблема лингвистическая // *Язык и моделирование социального взаимодействия*. М., 1987.
- Вайнрих Х.* Лингвистика лжи // *Язык и моделирование социального взаимодействия*. М., 1987.
- Дённингхаус Сабине.* Под флагом искренности (лицемерие и лесть как специфические явления речевого жанра «притворство») // *Жанры речи – 2*. Саратов, 1999.
- Красных В. В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003.
- Масленникова А. А.* Скрытые смыслы и их лингвистическая интерпретация: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. СПб., 1998.
- Меняйлов А. В.* Понтий Пилат: Психоанализ не того убийства. М., 2002.

- Плотникова С. Н.* Лингвистические аспекты выражения неискренности в английском языке. М., 2000.
- Пузырев А. В.* Выступление на Всероссийской научной конференции «Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты». Пенза, 2001.
- Шаховский В. И.* О переводимости эмотивных смыслов художественного текста // Перевод и коммуникация. М., 1998а.
- Шаховский В. И.* Возвышение языком // Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру. Пятигорск, 1998б.
- Riabtseva N. K.* Conceptual Blending in Culture – Specific Metaphors // Journal of Philology. № 3 (15), 2003.

ЛИНГВИСТИКА

Категория русского управления¹

© доктор филологических наук М.В. Всеволодова, 2005

Управление – категория синтаксическая и традиционно рассматривается как один из видов подчинительной связи. Дефиниция этого понятия в традиционной грамматике известна, и я позволю себе ее не приводить. Отмечу только, что к понятию управления в этой концепции не относится именительный падеж, что дает оппозицию прямого и косвенных падежей. Как известно из истории русистики, в свое время А. А. Потебня отметил, что далеко не во всех случаях можно говорить о зависимости формы управляемого слова от управляющего, как, например, в случае *Я живу в России / на Украине / под Москвой / у реки / около метро / за лесом* и мн. др.; что, в свою очередь, привело в последствии к широкому и узкому пониманию управления. Узкое понимание управления в своем наиболее законченном варианте привело к разделению этой категории на управление и именное примыкание, а управления – на слабое и сильное. Правда, относительно терминов «слабое» и «сильное управление» следует вспомнить, что их ввел А. М. Пешковский, как мне кажется, стараясь спасти целостность категории «управление» от развала. Термин «слабое управление» он применил как раз к тем формам, которые заставили А. А. Потебню усомниться в их управляемости. Вошедшие в конце пятидесятих годов прошлого века в лингвистический обиход термины «мотивированное» по отношению к формам типа **огнём и мечом; в лесу, до среды, по причине холодов, для детей, городу и миру** и пр. и «немотивированное управление» по отношению к случаям *читать книгу, лишиться помощи, радоваться удаче, вчитаться в слова, привыкнуть к условиям* выявили оппозицию беспредложных и предложных именных форм, имеющих и не имеющих самостоятельное семантическое, или (в терминах Г. А. Золотовой) структурно-смысловое значение. Еще раньше М.Н. Петерсон нашел случаи, когда форма имени определялась структурой предложения, например, **Мне уезжать**, или *Онегин Лариным сосед*, или *Брат у Маши в школу пошел*.

Введение понятия именного примыкания и вместе с ним целого ряда дополнительных, в том числе семантических характеристик, необходи-

---

¹ Текст этой статьи в сокращенном виде был озвучен на конференции «Язык и социум» в Минске в декабре 2004 г. и должен быть помещён в соответствующем сборнике.

мых для отнесения той или иной словоформы либо к управлению, сильному или слабому, либо к именному примыканию в значительной степени усложнило самоё категоризацию именных словоформ, так что даже для самих авторов корректное определение той или иной словоформы оказывалось непосильным. Так, в Академической грамматике 1970 г. в одном месте сочетание *поступить в институт* рассматривается как сильное управление, а в другом – как именное примыкание. И нельзя не согласиться с возражением В. А. Белошапковой, сказавшей, что управление – это такая высокая формальная категория, в определении которой семантические характеристики участвовать не должны, как они не участвуют, например, в определении типов склонения или спряжения.

Напомним еще два факта. В 1964 году Ю. Д. Апресян опубликовал статью о сильном и слабом управлении [Апресян 1964], где показал, что сила управления – это степень обязательности появления в тексте управляемого слова, если в тексте уже появилось управляющее, что эта зависимость носит математический характер и может быть выражена определенной математической формулой. Амплитуда силы управления – от нуля до единицы. Когда я спросила его в том же 1964 году, как соотносится, по его мнению, сильное и слабое и мотивированное и немотивированное управление, он ответил, что они, в основном, совпадают. Но в семидесятые годы наша коллега Т. М. Дорофеева [Дорофеева 1974] показала, что сильно управляемыми, то есть обязательными при появлении управляющего слова, могут быть и мотивированные словоформы. Так, при глаголах *находиться*, *очутиться* или *жить* облигаторными оказываются словоформы со значением либо локатива: *Мы находимся в Минске / около музея / за озером*; *Он очутился на улице / перед вокзалом / под мостом*; *Я живу у леса / на Урале / в двух шагах от работы*; либо статива (состояния): *Он находится в шоке / без сознания / при смерти / под наркозом*; *Он очутился вне закона / на попечении родителей*; *Люди живут в достатке / под угрозой наводнения*. Именные словоформы здесь облигаторны, и сила управления равна единице, но конкретная форма имени управляющим словом не диктуется. Таким образом, понятия сильного и слабого управления, с одной стороны, и мотивированного и немотивированного – с другой, расходятся. Мои собственные наблюдения над именными словоформами, выражающими временные отношения в польском [Всеволодова 1967] и русском [Всеволодова 1983] языках, показали, что форма мотивированных словоформ не зависит от внешних по отношению к ней факторов и определяется факторами чисто внутренними, такими, как:

- 1) ее категориальное значение: время, место, причина и под.;
- 2) класс слов (лексическая группа) существительных, формирующих именную группу;
- 3) наличие или отсутствие позиции для определения;
- 4) тип и лексическая группа определения.

Так, названия дней недели дают в русском языке темпоратив *в + вин.п.*: **в среду, в субботу**; названия месяцев – *в + предл.п.*: **в мае, в июне**; а названия частей суток и времен года – *твор.п. без предлога*: **утром, вечером, зимой, летом**. Но уже наличие определения при названии месяца позволяет кроме формы *в + предл.п.*: **в прошлом мае, в жарком июле**, употребить не только *в + вин.п.*: **в прошлый май, в жаркий июль**, но и *твор.п. без предлога*: **прошлым маем, жарким июлем приехал**. Тот же фактор для слов **суббота** и **воскресенье** открывает форму *твор.п.*: **минувшей субботой вешал карниз, этим воскресеньем ходили в зоопарк**. Отметим, что этот факт свидетельствует о более сложном, нежели морфологическая форма слова, характере таких построений. Мы по отношению к таким случаям (см. ниже «свободные именные синтаксемы») употребляем термин «именная группа»: именная темпоральная группа, именная локативная группа и т. д. Есть и ряд других, перечислимых и легко определяемых факторов, в том числе и семантических, но это уже другой уровень – уровень выбора формы, а не типа словоформы.

Практика преподавания русского языка как иностранного, но и не в последнюю очередь общелингвистические интересы заставляют нас принять широкое понимание термина управление. Важную роль сыграла здесь концепция Г. А. Золотовой о синтаксической форме слова (хотя она сама неизбежно стоит на узком понимании управления), впервые обнаруженная ею в 1967 г. [Золотова 1967], где она ввела понятия: 1) свободных, то есть семантически самодостаточных синтаксем, способных выступать вне синтаксических построений, 2) вслед за М. Н. Петерсоном – понятие обусловленных синтаксем, где форма диктуется моделью предложения, и 3) связанных синтаксем, выступающих только в присловной позиции, то есть создающих словосочетания. Под словосочетаниями в данном случае мы понимаем речевое построение, парадигма которого совпадает с парадигмой грамматически стержневого слова, ср.: *брат Маши – брата Маши – брату/к брату Маши – с братом Маши* и т. д. и отсутствие такой парадигмы для сочетания слов *брат у Маши (в школу пошел)*. Эти разряды удивительно совпали с практикой введения именных словоформ в иноязычной аудитории. Свободные синтаксемы со значением времени, места, причины и под. вводятся

«от смысла», обусловленные – как компоненты целостной модели предложения, например, модель со значением модальности и дательным субъекта типа *Мне завтра уезжать*; или со значением ‘субъект и его количество’ с родительным субъекта *Книг на столе – пять*; связанные вводятся через управляющее слово, например, глаголы руководства и при них – *твор.п.*: *руководить страной, работой, дипломниками, управлять государством, машиной, распоряжаться временем, жизнью кого-л., деньгами, имуществом, командовать армией, полком, фронтом, парадом* и т. д..

Вместе с тем, было замечено, что и употребление форм именительного падежа не сводится только к подлежащему и именному сказуемому. Есть предложные единицы, управляющие именительным падежом: *Здание в стиле поздний модерн, стержень длиной одна десятая метра*, есть случаи приименного именительного: *в газете «Вечерняя Москва», на острове Сицилия, из республики Южная Корея*. То, что в последнем случае мы имеем дело с именами собственными, свидетельствует о наличии в рамках категории управления условий дополнительной дистрибуции и о способности некоторых классов существительных выступать в приименном именительном. А это фактор грамматики.

Именно поэтому мы согласились с мнением Е. С. Скобликовой, высказанным ею в работе 1971 г., что нужно не этимологизировать термин «управление», возникший в свое время как перевод с греческого или с латыни и к настоящему времени не обладающий достаточной объяснительной силой для славянских языков, а дать новую формулировку этого термина, определить новый объем этого понятия. Напомню данную ею формулировку: «Управление – это формальный способ включения имен существительных в синтаксические построения» [Скобликова 1971: 32], что по умолчанию включает в категорию управления и именительный падеж. То, что в славянских языках именительный падеж не имеет флексии и совпадает со словарной ипостасью лексемы – частный случай наших языков. Есть много языков, где именительный, в том числе и в свободном употреблении, скажем, на вывесках типа «Магазин», «Школа» имеет флексию, например, армянский, где такой флексией является *-e*.

Принятая нами формулировка понятия «управление» и позволяет, и понуждает определить структуру этой категории и выявить все факторы, влияющие на выбор конкретной формы конкретного слова в конкретном контексте. Другими словами, мы должны:

в плане лингвистическом – выявить и охарактеризовать факторы, определяющие закономерности функционирования имени существительного в наших речевых построениях;

в плане лингводидактическом – найти алгоритмы выбора конкретной именной словоформы в конкретном дискурсе.

Наш опыт работы с языком показывает, что таких алгоритмов не может быть много.

На первый взгляд казалось бы, что наличие таких разрядов, как мотивированное управление (семантически самодостаточные, формально не зависящие от управляющего слова синтаксемы), обусловленное управление (форма в составе предикативной пары или вне ее) и немотивированное управление (форма слова, определяемая лексическим значением управляющего слова) вполне достаточны. Но материал показывает (и такие лингвисты, как И. А. Мельчук и Ю. Д. Апресян, это тоже отмечали), что кроме случаев, когда выбор формы управляемого слова определяется лексическим значением управляющего слова, в русском языке можно выделить случаи, когда форма управляемого слова определяется не лексическим значением, а другими факторами. Назовем очевидные случаи.

1. Форму управляемого слова определяет морфологическая форма управляющего слова.

Творительный субъекта в процессуальном пассиве: *Учеными проводится/проведен эксперимент; **Нами** ты была любима и для милого хранима* (Пушкин), – где форма творительного падежа обусловлена залоговой формой глагола: -ся-формой или страдательным причастием.

Родительный имени релянта или квантитатива при компаративе – сравнительной степени прилагательного / наречия: *Петя выше **Маши**; Рост Пети выше **метра восьмидесяти**; Минск расположен западнее **Москвы***. Прилагательные *высокий* и *западный*, как и все другие, не управляют родительным падежом.

Форма *на* + *вин.п.* со значением разности при том же компаративе: *Петя на голову/на **пять сантиметров** выше Маши; Минск на несколько сот километров западнее Москвы*.

2. Выбор падежной формы обусловлен характеристиками управляемой единицы.

Количественное числительное **один** и числительные-существительные **тысяча**, **миллион** и т. д. в сочетании с предлогом **по** в раздельном значении употребляются в дательном падеже, а все остальные количественные числительные – в винительном. Соответственно при склонении составного числительного его части могут в одной синтагме стоять в разных падежах: *Каждый получил **по двум тысячам триста сорок одному рублю*** (ср. с **по** в другом значении: *Анкеты были разосланы по двум тысячам трёмстам сорока одному адресу*).

Как показали наши материалы, предлоги **во благо**, **в ущерб** и **во вред** употребляются как с дательным, так и с родительным падежами: *работать во благо обществу / во благо общества, действовать во вред другим / во вред другим; перевозить уголь в ущерб зерну / в ущерб зерна*. Но возвратное местоимение «предпочитает» только дательный падеж. Нами отмечены такие употребления: *работать во благо общества и себе*.

В специальных дискурсах: физическом, техническом и под. выявлены случаи употребления именительного падежа вместо косвенных, в частности, родительного особой группы числительных, которые в нашей грамматике в специальную группу не выделяются и которым мы дали рабочее название «комплексные». Ради краткости ограничусь примерами: *частица с энергией свыше **десять в двадцатой**; работа с картинками величиной порядка **сто шестьдесят на сто шестьдесят**; породы крепостью не более **один – шесть по Боде**; раствор крепостью порядка **один к трём**; частицы размерами не более **ноль целых пять десятых** нанометра*.

Все это обуславливает необходимость выявить и типологию форм существительного в речевых построениях, и закономерности их функционирования. И здесь необходимо вернуться к понятию синтаксической формы слова и ее специфических характеристик.

Оказалось принципиально важным категоризовать само понятие синтаксической формы слова. Слова в ипостаси лексем прописаны в словаре, в лексиконе языка. Если в языке хотя бы для некоторых классов слов есть словоизменяемые категории, образующие морфологическую парадигму/морфологические парадигмы данного класса слов, то члены этих парадигм зафиксированы в грамматиках в виде правил образования этих морфологических форм. Для существительного это категории рода, в реализации которой участвует и категория словообразования: *учитель – учительница*; числа и падежа. Морфологическая форма слова в славянских языках образуется только флексиями без участия служебных классов слов. Соответственно, в состав морфологической формы слова предлог не входит. Но работают, активно живут наши единицы только в речевых построениях – структурах синтаксических, и в этих структурах они далеко не всегда выступают абсолютно самостоятельно. Например, нужно долго думать, чтобы составить предложение с формой дательного падежа **окну** без предлога, что уже говорит о несистемности употребления этой формы. И абсолютно прав введший термин «синтаксема» Мухин, отметивший в свое время, что как бы мы ни относились к предлогу, мы вынуждены признать, что в речевых построениях он работает на уровне субморфемы, то есть входит в состав формы имени существительного. Можно говорить о своего рода форманте. Соответственно, введение понятия «синтаксическая форма слова»

оказалось принципиально важным, и сейчас мы можем дать своего рода иерархизацию понятий и терминов, соотносимых с категорией синтаксической формы слова.

«Словесная форма» – морфологическая форма слова, включая служебные слова-форманты (для существительного предлог, если он есть) без учета лексики, образующей (не «наполняющей»!) данную форму; например, *на* + *вин.п.* существительных. Достаточно полную картину содержательных реализаций этой словесной формы дала в свое время Н. Ю. Шведова в полемической относительно концепции Г. А. Золотовой статье [Шведова 1971]. Понятие словесной формы слова позволяет нам составить корпус возможных для данного языка синтаксических реализаций единиц каждой части речи. Так, в современном русском языке нет словесной формы *к* + *твор.п.*, или *на* + *дат.п.*, а вот форма *по* + *род.п.* есть в виде выражения **по сих пор**. «Словесная форма» – понятие очень высокого уровня абстракции, и мы пользуемся им редко.

«Словоформа» – конкретная форма конкретного слова в тексте без учета ее категориального значения, функций и синтаксического потенциала. Словоформа **на стол** имеет разные значения в предложениях *положи на стол*, *посмотри на стол* и *на один стол больше*; и поэтому, как оказалось, обладает разными синтаксическими потенциалами и характеристиками в зависимости от своего конкретного категориального значения. «Словоформа» – понятие очень конкретное, и мы оперируем им при разного рода операциях с речевыми построениями: переставляем словоформу, элиминируем словоформу и под., поскольку в синтаксисе мы имеем дело не с лексемой, а, на худой конец, со словоформой. Напомню, что понятия и термины «словесная форма» и «словоформа» были введены Т. П. Ломтевым [Ломтев 1958].

«Синтаксема», морфологическая форма слова, включая служебный формант, с учетом формирующей его лексики, категориального значения и синтаксических потенций, входящая как член в синтаксическую парадигму данного слова, то есть в ряд действительно системных для языка реализаций данного слова. Морфологическая парадигма не совпадает с синтаксической парадигмой. Отметим два интересных для нас момента.

Принципиально важно, что независимо от типа языка, независимо от наличия в языке словоизменяемых категорий, синтаксема есть во всех языках. Это языковая универсалия. Причем, категоризация на свободные, обусловленные и связанные синтаксемы – это тоже универсалия, хотя конкретные реализации могут и не совпадать. Так, нашим связанным синтаксемам при глаголах эмоционального состояния и отношения типа *восхищаться природой*, *радоваться встрече*, *страшиться темноты* (отметим,

что такая же картина в китайском языке, где падежных форм нет) в иранских и корейском языках соответствуют свободные синтаксемы с причинным значением, то есть словосочетания имеют вид типа <восхищаться от природы>, <радоваться от встречи>, <страшиться от темноты>, что совершенно объяснимо, поскольку эти глаголы называют каузированное состояние (термин И. А. Мельчука) [Иорданская, Мельчук 1996], при которых указание на причину состояния облигаторно, и эта причина «прорезывается» при трансформации *Я в восхищении от этой природы; Моя радость от встречи с этим человеком была безмерна; Ребенок в страхе от этой крошечной тьмы прижался к матери*. И сопоставление на уровне синтаксем позволяет нам найти лингводидактически обоснованные методики презентации категории падежа в конкретной иноязычной аудитории [Арифи Насруддин 1985].

Оказалось, что свободные именные синтаксемы, во-первых, образуют функционально-семантические категории, которые можно представить в виде систем значений, напомним уже описанные категории именной локативности [Всеволодова, Владимирский 1982], именной темпоральности [Всеволодова 1975], частично именной каузальности [Всеволодова, Яценко 1988], [Лебедева 1992], [Жданова 1998]. Но что более важно для категории управления – они функционируют в виде более сложных, нежели даже синтаксическая форма слова, структур, в виде именных групп, где позиция определения может быть не только факультативной, как при названиях дней недели и месяцев, примеры которых даны выше, но и облигаторной, как, например, в случае: *в прошлом году, в эту минуту, высокого роста, необычайной красоты и силы* (заметим, что в синтаксемах *в прошлый сентябрь* и *прошлым сентябрем* определение облигаторно); или включать в свой состав две или три именные синтаксемы, ср.: *за год до войны, через час после обеда, в километре к югу от города; от дома к дому, из года в год, из книги в книгу*. Такого рода случаи есть и в обусловленных синтаксемах. Так, в модели с типовым значением ‘субъект и его неотторжимый соматический или эмоционально-психический признак’ в предикативной синтаксеме, занимающей позицию подлежащего, определение облигаторно: *У Маши голубые глаза; У Пети веселый характер*. Есть и другие структурные характеристики [Всеволодова 2000: 183 и след.].

Все вышесказанное подводит нас к тому, что необходимо выявить и адекватно структурировать фактически существующую в языке категорию управления, что позволило бы нам и самим понять и другим показать, как функционирует в нашем языке существительное. И как первый шаг на этом пути нам показалось необходимым объединить в систему

типы именных синтаксем (и именных групп) на основе их содержательного потенциала и факторов, определяющих условия их вхождения в речевые построения.

К настоящему времени у нас уже давно существует своего рода матрица, в которой типы синтаксем и их синтаксический потенциал представлены в виде таблицы. Из этой таблицы видно, как (в рамках функционально-коммуникативной лингводидактической модели языка [Амиантова и др. 2001]) можно представить себе соотношенность степени семантической самодостаточности синтаксемы и ее синтаксического потенциала. Отметим два момента:

1. Свободная синтаксема обладает самым большим синтаксическим потенциалом и может занимать практически все возможные позиции.

2. Возможность поставить компоненты словосочетания в отношении первичной предикации (см. случаи типа *Книгу – продали; Маму – не узнать*) можно рассматривать не как разрушение словосочетания, а как свойство славянского словосочетания, которое обеспечивается флективным характером языка, когда формальная связь маркируется флексиями (см. табл. 1).

Однако эта таблица еще не дает возможности учесть все факторы, входящие в категорию управления. Поэтому мы предлагаем в качестве следующего, собственно исследовательского шага, операциональный метод разбиения множества на подмножества [Ломтев 1972], который позволит построить дихотомическую систему категории управления (см. таблицы 2 и 3). В связи с тем, что свободная синтаксема как тип способна занимать все возможные позиции, мы по отношению к ней все этапы разбиения не отмечаем.

Разумеется, это первый опыт такого осмысления, когда мы от классификации переходим к построению категории как системы. Думается, что большую помощь нам здесь может оказать сопоставление с другими, в том числе типологически принципиально другими языками. Мы не будем комментировать приведенные ниже таблицы, отметим только, что таблица № 2 представляет собой пошаговое (поранговое) разбиение множества на подмножества, а таблица № 3 – представление той же операции в виде дерева оппозиций, разумеется в сокращённом виде.

Таблица 1.

Типы и употребление (позиции) именных синтаксем.

позиция тип	вне предложения	в предложении			в словосочетании
		в предикативной паре	вне первичной предикативной пары как компонент пропозиции		
			той же	другой	
свободная (мотивированное управление)	в лесу; о море; брату; «Продукты».	В лесу тихо; Стихи – о море ; Брату – письмо; Письмо – брату .	В Пушкино проходит турнир (коммуникативно обусловленная позиция)	В Пушкино (Московская область / в Московской области) проходит турнир.	Гриб рос в лесу ; Это – стихи о море ; Я писал ей о себе ; В газете «Спорт»
обусловленная (обусловленное управление)	—	Куст зацвел; Олег – врач; Мне выходить; У неё – грипп; Книг – пять.	У неё сын болен Для меня эта задача трудна Я им – сосед Работа им предстоит большая	У Маши (наша лаборантка / нашей лаборантки) грипп.	Он был врачом ; Дом построен отцом .
связанная (немотивированное управление)	—	Маму – не узнать; Книгу – прочли. (коммуникативно обусловленная позиция)	—	—	читать книгу ; вести работу ; рад встрече ; книга друга ; чтение книги ; Маша ниже Пети

Таблица 2.

Разбиение множества именных синтаксем

Ранг разб-я (1)	Разбиваемое множество синтаксем (2)	Основание Сравнения (3)	Дифференциальные признаки (4)	Получаемые Подмножества (5)	Пример (6)
1.	Именные / количественные	Семантическая самодостаточность	1. Самодостаточная 2. Не самодостаточная	1.1. Свободная 1.2. Не свободная	<i>в лесу; брату; вместе с ним;</i>
2.	1.2. Не свободные	Способ семантизации	1. Формальная связь со словом (в составе словосочетания) 2. Позиция в предложении	1.2.1. Связанная 1.2.2. Обусловленная	
3.	1.2.1. Связанные	Управляющий фактор	1. Лексическое значение управляющего слова 2. Формальные факторы	1.2.1.1. Лексическое управление 1.2.1.2. грамматическое управление	<i>править страной; играть на баяне; привычка к климату; жаль времени.</i> См. ниже.

Таблица 2 (продолжение).

(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)
3.1.	1.2.1.2. Связанные, грамматическое управление	Характер грамматической формы управляющего слова	1. Существительное 2. Другие части речи	1.2.1.2.1. Применная синтаксема 1.2.1.2.2. Не применная и не прилагольная синтаксема	См. ниже. См. ниже.
3.1.1.	1.2.1.2.1. Применная синтаксема	Категориальная семантика отношений	1. Атрибутивная 2. Не атрибутивная	1.2.1.2.1.1. Атрибутивный характер применной синтаксемы 1.2.1.2.1.2. Неатрибутивный характер применной синтаксемы (свернутая пропозиция)	См. ниже. <i>любовь к детям, согласие с предложением, уборка квартиры, строительство дома</i>

Таблица 2 (продолжение).

(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)
3.1.2.	1.2.1.2.1.1 Атрибутивный характер применной синтаксемы	Характер отношений	1. Первичный 2. Вторичный	1.2.1.2.1.1. родительный посессора / партитива 1.2.1.2.1.2. родительный субъекта (свернутая пропозиция); признака	а) <i>книга друга; брат мужа, голос матери; б) улицы города, глава книги.</i> а) <i>приезд друга, занятия сына; цвет неба;</i> б) <i>чаша круглой формы, сапоги сафьяновой кожи</i>
3.2.1.	1.2.1.2.2. Не приименная и не приглагольная синтаксема	Частеречная характеристика управляющего слова	1. Прилагательное / наречие 2. Числительное	1.2.1.2.2.1. адъективно-именное или адвербиально-именное сочетание 1.2.1.2.2.2. количественно-именное сочетание	См. ниже. <i>две книги, пять книг,</i> <i>высокий/выше ростом, широкий/шире в плечах, квадратный по форме; точно по инструкции</i>

Таблица 2 (продолжение).

(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)
3.2.2.	1.2.1.2.2.1. Адъективно-именное или адвербиально-именное сочетание	Морфологическая форма управляющего слова	1. Исходная форма и члены ее парадигмы 2. Степени сравнения	1.2.1.2.2.1.1. Имя классификатора 1.2.1.2.2.1.2. Другие участники ситуации	См. ниже. См. ниже.
3.2.3.	1.2.1.2.2.1.2. Степени сравнения	Степень сравнения	1. Компаратив 2. Суперлатив	1.2.1.2.2.1.2.1. Простой / составной 1.2.1.2.2.1.2.2. Имя всего множества	См. ниже. <i>самый способный / способнейший из ребят</i>
3.2.4.	1.2.1.2.2.1.2.1. Компаратив	Морфологическая форма компаратива	1. Простая 2. Составная	1.2.1.2.2.1.2.1.1. Имя релянта / параметра. 1.2.1.2.2.1.2.1.2. Имя релянта / параметра	а) <i>Петя выше Маши</i> б) <i>Рост Пети выше метра восьмидесяти</i> а) <i>Петя более высокий, чем Маши; Петя выше, чем Маши;</i> б) <i>Рост Пети выше, чем метр восемьдесят.</i>

Таблица 2 (продолжение).

(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)
4.1	1.2.2.Обусловленные синтаксемы	Тип структуры, включающей именную синтаксему	1. Предложение 2. Словосочетание	1.2.2.1. Обусловленная в условленной позиции 1.2.2.2. Обусловленная в связанной позиции	См. ниже. См. ниже.
4.1.1.	1.2.2.1. В структуре предложения	Характер позиции	1. В первичной предикативной паре 2. Вне предикативной пары	1.2.2.1.1 Субъектно-предикатные позиции. 1.2.2.1.2. Позиции, обусловленные решением коммуникативных задач.	Отец читает; Брата нет дома; Книг – всего одна; Мне уезжать; Ребенка знобит; У мамы – грипп. См. ниже.

Таблица 2 (продолжение).

(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)
4.1.2.	1.2.2.1.2. Вне предикативной пары	Соотнесенность с пропозицией	1. Основной 2. Второй	1.2.2.1.2.1. Неособленный компонент 1.2.2.1.2.2. Обособленный компонент	<i>Онегин Лариным сосед; У Лариных сосед – Онегин; У Маши сын заболел. У Маши – наша новая лаборантка – день рождения; По Ломоносову, вес веществ до реакции равен весу веществ после реакции.</i>
4.2.1.	1.2.2.2. В структуре словосочетания	Морфологическая форма управляющего слова	1. Залоговая форма глагола / причастия 2. Существительное с двумя актантами	1.2.2.2.1. Творительный субъекта 1.2.2.2.2. Творительный субъекта и родительный объекта	<i>Построенный отцом дом; Задача решается/решена учеными. Строительство отцом дома; Открытие Колумбом Америки.</i>

Таблица 3.

Л и т е р а т у р а

- Амиантова Э.И., Битехтина Г.А., Всеволодова М.В., Клубукова Л.П.* Функционально-коммуникативная лингводидактическая модель языка как составляющая современной лингвистической парадигмы // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2001. № 6.
- Апресян Ю.Д.* О сильном и слабом управлении // Вопросы языкознания. 1964. № 3.
- Арифи Насрулдин* Особенности функционирования беспредложно- и предложно-падежных форм русских существительных (на фоне их коррелятов в языке дари); опыт лингвометодического описания: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1985.
- Всеволодова М.В.* Временные конструкции в современном польском языке: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1967.
- Всеволодова М.В.* Способы выражения временных отношений в современном русском языке. М., 1975.
- Всеволодова М.В.* Категория именной темпоральности и закономерности ее речевой реализации: Дисс. ... докт. филол. наук. М., 1983.
- Всеволодова М.В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. М., 2000.
- Всеволодова М.В., Владимирский Е.Ю.* Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. М.: Русский язык, 1982.
- Всеволодова М.В., Яценко Т.А.* Причинно-следственные конструкции в современном русском языке. М., 1988.
- Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
- Дорофеева Т.М.* Обязательная синтаксическая сочетаемость глагола в современном русском языке: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1974.
- Жданова В.В.* Простые предложения с именной причинной группой, выражающие причинно-следственные отношения в мире неживой природы: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1998.
- Золотова Г.А.* О структуре простого предложения // Вопросы языкознания. 1967. № 6.
- Золотова Г.А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
- Иорданская Л.Н., Мельчук И.А.* К семантике русских причинных предлогов (из-за любви – от любви – из любви – с любви – по любви) // Московский лингвистический журнал. 1996, №2.
- Лебедева Е.К.* Причинно-следственные конструкции со значением эмоционального состояния человека и их речевые реализации: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1993.
- Ломтев Т.П.* Основы синтаксиса современного русского языка. М., 1958.
- Ломтев Т.П.* Предложение и его грамматические категории. М., 1972.
- Мухин А.М.* Функциональный анализ синтаксических элементов. М.; Л., 1964.
- Мухин А.М.* Синтаксемный анализ и проблема уровней языка. Л., 1980.
- Скобликова Е.С.* Согласование и управление в русском языке. М., 1971.
- Шведова Н.Ю.* О синтаксических потенциях формах слова // Вопросы языкознания. 1971. № 4.

**«Чистая» транспозиция и редистрибуция
содержания транспонированной лексемы
(на материале деадъективных существительных
в русском и чешском языках)**

© доктор филологических наук В.Ф. Васильева, 2005

1. Понятие «чистой» транспозиции, введенное М. Докулилом [Dokulil 1997: 106 и сл.] в лингвистический обиход, не должно отождествляться, как подчёркивает учёный, с широко понимаемой синтаксической деривацией. Последняя имеет место всякий раз, когда в процессе словообразования изменяется часть речи, и новое слово вступает в иные синтаксические отношения. При этом оказывается несущественным, что именно явилось стимулом деривации – потребность в новых синтаксических отношениях или же – в новом наименовании [Dokulil 1997: 108]. О «чистой транспозиции» можно говорить только в том случае, если она «не отягощена» какими-либо лексико-семантическими сдвигами. Иначе говоря, изменение синтаксической функции знака не касается изменения его лексического значения. Согласно Докулилу, «чистая» транспозиция есть частная деривационная категория. Порой бывает непросто провести чёткую демаркационную линию между «чистой» транспозицией и разными типами синтаксической деривации. Однако абсолютно бесспорным случаем «чистой» транспозиции, по мнению чешского учёного, является образование отглагольных существительных и субстантивных названий качества. Деривационный процесс в указанных случаях не служит собственно номинативной цели. Его результатом является восприятие содержания транспонированной единицы через призму новой категории – категории субстанции. Смысловое наполнение исходного языкового знака при этом полностью сохраняется: действие остаётся действием, а качество продолжает оставаться качеством. Изменяется лишь их категориальное обрамление, которое и накладывает свой отпечаток на появившееся в результате транспозиции новообразование. Оно заключается в том, что при сохранении исходного содержания происходит его редистрибуция, т.е. такое его распределение между членами предложения, которое отличает исходный знак от новообразования. В результате транспозиции действие и качество перестают восприниматься как признаки некой субстанции, но осмысливаются как бы сами по себе, в отвлечении от их действительных носите-

лей. Таким образом, «чистая» транспозиция, согласно Докулилу, является прежде всего результатом изолирующей абстракции и осуществляется на наивысшем уровне языкового абстрагирования, каковым является уровень частеречный. Цель настоящей работы заключается в том, чтобы выявить характер редистрибуции статического признака на материале деадъективных существительных, в первую очередь новообразованиях с суффиксами *-ость* и *-ост* в русском и чешском языках, как наиболее типичных и продуктивных способах образования признаков имён в сопоставляемых языках.

2. Взаимодействие предикатного и субстантивного начал в транспонированном признаке обеспечивает, с одной стороны, манифестацию явно признаков свойств и отношений, а с другой, расширяет область функционирования транспонированного признака. Признак, заключённый в структуру субстанции, не умирает. Он напоминает о себе, способствуя проявлению функционально-семантического синкретизма предметного знака. Признаковость предметных имён находит выражение прежде всего в том, что они, подобно предикатам, имплицитно семантические позиции, заполняемые в сопоставляемых языках носителями признака: *вежливый ответ – вежливость ответа, нежный взгляд – нежность взгляда, живой ум – живость ума, убогое жилище – убогость жилища* и т.д. Аналогично в чешском: *zdvořilá odpověď – zdvořilost odpovědi, bystrý žák – bystrost žáka, ubohé předměstí – ubohost předměstí, velkorysé jednání – velkorysost jednání* и т. п. Вместе с тем трансформация чувственно конкретного образа в обобщённо отвлечённое представление может ослаблять смысловую достаточность синтагм с транспонированным признаком, что и отличает их от мотивирующих сочетаний. Ср., например: *беглая речь – беглость речи (кого?), интеллигентный вид – интеллигентность вида (кого?), яркий свет – яркость света (где?)*. Аналогично в чешском: *plynulá řeč – plynulost řeči (koho), inteligentní tvář – inteligentnost tváře (koho), jasné světlo – jasnost světla (kde)* и т. д. В ряде случаев употребление транспонированного признака в позиции транспонируемого представляется искусственным и даже оказывается вообще невозможным. Ср.: *засушливая весна – *засушливость весны, завещательное письмо – *завещательность письма, завязтый рассказчик – *завязтость рассказчика, дождливый день – *дождливость дня, снежный покров – *снежность покрова* и т. д. Ср. также в чешском: *dědičné právo – *dědičnost práva, zajímavý vyprávěč – *zajímavost vyprávěče, deštivý den – *deštivost dne, sněhový příkrov – *sněhovost příkrovu* и т. д. Сочетаемость абстрактного и конкретного имени вызывает семантическую дисгармонию.

3. Одним из главных принципов «чистой» транспозиции, по мнению Докулила, является наличие взаимной трансформации между транспонируемой и транспонированной структурами [Dokulil 1997: 108]. Однако редистрибуция транспонированного признака в ряде случаев может нарушать, как показывает наш материал, этот принцип. Расширение области функционирования признака приводит к необратимости процесса транспонирования. Причина этого в том, что транспонированный признак, выступающий в роли абстрактного предмета, способен выполнять функции существительного, в отличие от признака исходного. Так, в предложении *Набожность человека формируется его воспитанием* (пресса). «набожность» выступает в роли синтаксического субъекта, а в предложении *Набожный человек формируется воспитанием*. синтаксическим субъектом является «человек». Именно редистрибуция содержания оказывается в данном случае препятствием для взаимной трансформации синтаксических структур. Процесс транспонирования признака, таким образом, приобретает одностороннюю направленность.

Особенности функционирования транспонированного признака, делающие транспозицию необратимым процессом, подтверждаются многочисленными примерами. Для иллюстрации высказанного положения ограничимся лишь несколькими: *Беспорность правительственной программы по стабилизации финансов и экономики представляется очевидной.*(пресса). *Устремлённость в будущее обеспечивается в нашем государстве ущемлением сегодняшних интересов граждан нашей страны* (пресса). *Вероятность подлинности останков царской семьи равняется 10^8* (пресса). Ср. также примеры из художественного текста: *Плужников уже жил близостью послевоенного деревенского устроительства... Плужников усвоил за собой обязанность оплачивать всю эту силу.* (Солженицын). Приведенные и подобные им примеры свидетельствуют о том, что структуры с опредмеченным признаком не всегда перекрываются структурами, в составе которых находится признак примарный. Это обстоятельство, по нашему мнению, демонстрирует факт приобретения транспонированным признаком новых смыслов. Затруднительно говорить о «чистой» транспозиции и в нижеследующих примерах, извлечённых из чешской прессы: *Složitost šachové hry spočívá v tom, že v ní existuje astronomické množství variant. Jedinečnost našich zámků není jen v architektuře, ale také v bohatých knihovnách.* (Примеры [Macháčková 1983]). Транспонированный признак по мере опредмечивания приобретает и новые характеристики, касающиеся, в частности, количественных и качественных сторон объективируемой реалии, возможности их возникновения, исчезновения, степени и продолжительно-

сти существования тех или иных свойств и т.п. [Macháčková 1983: 175]. Так, например, признаковые имена *рождаемость, смертность, посещаемость, аварийность, убыточность*, аналогично чешские *porodnost, úmrtnost, návštěvnost, nehodovost, úrazovost, ztrátovost* в сравнении с мотивирующими структурами *смертный, посещаемый, аварийный ...*; чешск.: *porodní, úmrtní, návštěvní, poruchový, ztrátový* дополнительно имплицитуют те или иные количественные характеристики называемого явления. Ср.: *Статистические данные свидетельствуют о низкой рождаемости и возросшей детской смертности* (пресса). *Устаревшее оборудование приводит к росту аварийности* (пресса). *В последние годы резко снизилась посещаемость театров* (пресса). Аналогично в чешском: *V posledních letech pozorujeme zvýšení novorozenské úmrtnosti. Návštěvnost přednášek byla nízká. Stále častější poruchovost provozu má neblahé následky.*

Взаимодействие субстантивного и предикатного начал в транспонированном признаке позволяет вновь образованной лексеме выступать в роли структурно-семантического конденсата словосочетаний, в которых опорным компонентом является существительное с широким понятийным значением [Dokulil 1962 44], [Dokulil 1967: 399]. Ср. чешские признаковые имена: *hloupost = hloupá věc, malichernost = malicherné jednání, vlastnost = podstatný rys, zvláštnost = zvláštní věc nebo rys, slabost = slabá věc, špatnost = něco špatného nebo vlastnost špatného* (SSJČ). Аналогично в русском: *глупость = глупая вещь, слабость = слабая вещь, мелочность = мелочный поступок или мелочное поведение, безобразность = безобразный поступок или поведение, новост = нечто новое*. Восприятие признака через призму субстанции способствует его актуализации. Она предполагает смещение смысловой нагрузки с носителя признака на сам признак, как уже отмечалось. Абстрактная сущность как бы становится действенным участником развёртывающихся событий, инициирует определённые ситуации. Ср. в подтверждение сказанного: *Неотложность ремонта жилищного фонда требует дополнительных бюджетных расходов* (пресса). *Сложность решения финансовых и экономических задач требует концентрации правительственных усилий* (пресса). Аналогичным образом и в чешском языке частеречный сдвиг сигнализирует актуализацию признака, возводя его формально в ранг независимой субстанции. Ср.: *Tehdy vyvrcholila velká zanedbanost bytového fondu. Naléhavost požadavků dále vzroste. Je třeba udržovat sjízdnost ulic. Dlouhodobost působení tohoto směru ukazuje na jeho vnitřní hodnoty. S vědomím naléhavosti a důležitosti úkolů. Těžkost plynoucí ze složitosti hospodářského vývoje* (Примеры [Macháčková 1983]). Несмотря на то, что

актуализация признака вызывается смысловыми потребностями, она не имеет, по крайней мере в русском языке, абсолютно регулярной реализации. Причина этого заключается прежде всего в существующих деривационных ограничениях. Именно структурные «неудобства», на наш взгляд, препятствуют реализации транспозиции признака в область субстанции в приведённом ниже примере: *Бесплатное образование, бесплатное медицинское обслуживание становятся для государства всё более обременительными* (пресса). Заметим, что в чешском языке транспозиция идентичного признака не имеет структурных препятствий: *Připomněli jsme bezplatnost vzdělání, bezplatnost sociálního zabezpečení, bezplatnost lékařské péče* (Примеры [Macháčková 1983]).

4. Некоторых уточнений требуют случаи транспозиции признака полисемантических прилагательных. Дело в том, что не все его значения содержат в себе равные предпосылки для транспонирования в область предметного восприятия. Есть основания полагать, что в условиях полисемии в русском языке к транспонированию предрасположены прежде всего признаки, в которых в той или иной степени объективируются результаты отвлечённого восприятия. Сравним:

*тупой человек/тупость человека, но тупой карандаш/*тупость карандаша
лёгкое решение/лёгкость решения, но лёгкий чемодан/*лёгкость чемодана
холодный взгляд/холодность взгляда, но холодный день /*холодность дня
стойкий характер/стойкость характера, но стойкая недоплата/*стойкость недоплаты
серый быт/серость быта, но серый волк/*серость волка
живой ум/живость ума, но живая рыба/*живость рыбы
беглая речь/беглость речи, но беглый солдат/*беглость солдата
грубый ответ/грубость ответа, но грубая пища/*грубость пищи*

Приведённые примеры показывают, что семантические позиции носителя признака, с учётом редистрибуции содержания, сохраняются прежде всего при транспонировании переносного значения. Примечательно, что чешский языковой узус без особых ограничений, в отличие от русского языка, допускает транспонирование как отвлечённого, так и конкретного значения прилагательного. Сравним:

*tupý pohled/tupost pohledu и tupý meč/tupost meče
studené přijetí/studenost přijetí и studený led/studenost ledu
šedá realita/šedost reality и šedá látka/šedost látky
bystrý rozum/bystrost rozumu и bystrý potok/bystrost potoka
světlý okamžik/světlost okamžiku и světlý pokoj/světlost pokoje
temná (zlá) síla/temnost (zlé) síly и temná ulička/temnost uličky
růžové sny/růžovost snů и růžové barvy/růžovost barev*

špinavé myšlenky/špinavost myšlenek и *špinavé ulice/špinavost ulic*

5. Функциональный синкретизм признаков имён, их способность быть семантическим конкретизатором предметной сущности и вместе с тем репрезентировать саму эту сущность, не может не сказаться на референции рассматриваемых имён. Так называемые «чистые» предикаты – прилагательные и глаголы – конкретизируют объективируемое понятие, а тем самым и денотируемый объект, посредством синтагматической связи с номинантом (означающим), т.е. они характеризуются не абсолютной, а относительной референцией. Иначе говоря, предикаты не имеют прямой отнесённости к предмету действительности. Иная ситуация в разряде признаков предметной номинации. В тех случаях, когда при транспонировании признака в область субстанции сохраняются семантические позиции носителя признака, опредмеченный признак, так же как и исконный, имеет относительную референцию. Ср.: *Бодрость старика была всем на удивленье / То, что старик бодрый... Жестокость нравов поражала воображение / Жестокие нравы...Поспешность решения имела отрицательный результат / Поспешное решение... Аналогично в чешском: Čilost pohybů přidávala tanci zvláštní půvab./ Čilé pohyby...Zaplakal nad zrádcem a nad čerností jeho činu. /...nad černým jeho činem. Tmavost očí kontrastuje se světlostí vlasů. ... / se světlými vlasy. Однако транспонируемый признак, воспринимаемый через призму субстанции, может непосредственно соотноситься с мыслительным конструктом – абстрактным понятием. В этом случае транспонированная лексема имеет абсолютную референцию. Ср.: *В доме царили бодрость и веселье. С пленными обращались с большой жестокостью. В дорогу собирались с лихорадочной поспешностью.* Указанием на абсолютную референцию служит, как показывают примеры, способность опредмеченного признака иметь при себе лексический конкретизатор. Ср. также аналогичные примеры в чешском: *Posunky děcka byly plně čilosti. Nutíte umělce k indiferentnosti, lhostejnosti a tuposti. Vlasy a oči žen honosily se vesměs havraní čerností.(Čapek) . Měsíc prozářil husté mlhy mléčnou světlostí (Čapek).**

6. Генетически родственные суффиксы *-ость* и *-ost*, восходящие к эпохе праславянской общности, сформировали то общее семантическое пространство, на фоне которого возможно выявление национальной специфики сопоставляемых языков. Так, в частности, не могут не обратиться на себя внимания случаи нарушения соотносительности рассматриваемых суффиксов. Дело в том, что деривационные потенции чешского суффикса значительно превышают сочетательные возможности его русского структурного эквивалента. Чешский суффикс берёт на себя

весь объём той функционально-семантической нагрузки, которая в русском языке дифференцированно распределяется между несколькими суффиксами. Таким образом, чешские признаковые имена с суффиксом *-ost*, помимо соотнесённости с именами, имеющими аналогичный русский суффикс, соотносятся также с именами, образованными с помощью иных словообразовательных формантов. Ср. следующие примеры: *žlutost* – *желтизна*, *novost* – *новизна*, *křivost* – *кривизна*, *šedivost* – *седина*, *velikost* – *величина*, *hluchost* – *глухота*, *plnost* – *полнота*, *důstojnost* – *достоинство*, *rovnost* – *равенство*, *statečnost* – *мужество*, *ušlechtilost* – *благородство* и т. д. Доказательством функциональной активности суффикса *-ost* служит и тот факт, что он, в отличие от русского суффикса, может употребляться параллельно с иными формантами, образуя синонимичные наименования: *hluchota* / *hluchost*, *vlhko* / *vlhkost*, *novota* / *novost*, *pustota* / *pustost*, *ticho* / *tichost*, *šedivina* / *šedivost*. Признаковые имена с суффиксом *-ost* образуются не только от прилагательных, но, в отличие от русского языка, также и от некоторых адъективных местоимений и числительных. Ср.: *jaký* ‘какой’ – *jakost*, *veškerý* ‘всякий’ – *veškerost*, *koliký* (арх.) ‘который’ – *kolikost*. Кроме того, имеет место образование наименований с суффиксом *-ost* по аналогии с функционирующей моделью при отсутствии непосредственной производительной базы: *chybovost*, *propadovost* [Dokulil 1962: 44], [Cuřin 1981: 76]. Изложенные факты относительно функционирования суффиксов *-ost* / *-ost* позволяют констатировать неполную адекватность их функциональной нагрузки. Нарушение структурной соотносительности функционально эквивалентных номинаций свидетельствует о наличии межъязыковой словообразовательной асимметрии в разряде признаков имён в сопоставляемых языках. Практически неограниченный деривационный потенциал суффикса *-ost* по сравнению с его русским структурным эквивалентом способствует тому, что образование признаков имён в чешском языке, т. е. транспонирование признака в область субстанции, оказывается более последовательным, более прямолинейным и, в конечном результате, более стандартизованным, чем аналогичное явление в русском языке.

7. Отмеченные выше (пункт 3) случаи нарушения отношения взаимной трансформации между исходными и транспонированными структурами позволяют высказать некоторые уточнения относительно явления «чистой» транспозиции в разряде признаков имён.

- Образование признаков имён с суффиксами *-ost* / *-ost* можно признать результатом «чистой» транспозиции на уровне системы;

- Реальное функционирование рассматриваемых образований не исключает «приращения смысла», т.е. сопровождается лексическим сдвигом, что ставит под сомнение факт «чистой» транспозиции в области признаков имён с рассматриваемыми суффиксами;
- Транспозиция адъективного признака в область субстанции в русском и чешском языках характеризуется разной степенью интенсивности. В чешском языке она близка к парадигматическому явлению, в то время как в русском имеет заметные ограничения.

Л и т е р а т у р а

- Dokulil 1962 – *Dokulil M.* Tvoření slov v češtině. Teorie odvozování slov. 1. Praha, 1962.
- Dokulil 1967 – *Dokulil M.* Jména nositelů vlastnosti s nevlastními příponami // Tvoření slov v češtině. D. 2. Praha, 1967.
- Dokulil 1997 – *Dokulil M.* K otázce slovnědruhových převodů a přechodů, zvl. transpozice // *Dokulil M.* Obsah–Výraz–Význam. Praha, 1997.
- Cuřin 1981 – *Cuřin Fr., Novotný J.* Vývojové tendence spisovné češtiny a kultury jazyka. Praha, 1981
- Macháčková 1983 – *Macháčková E.* Jména vlastnosti ve větě // Naše řeč 1983. Č. 4.
- SSJČ – Spisovný slovník jazyka českého. Praha, 1958–1971.

Типологические характеристики македонского литературного языка

© иностранный член Македонской академии наук и искусств
Р. П. Ускова, 2005

На последующих страницах будут рассмотрены типологические характеристики современного литературного македонского языка в социолингвистическом аспекте.

Типологическая характеристика современного литературного (стандартного) языка должна определить, какова степень его стандартности. Термином *стандартный язык* обозначается обычно литературный язык национальной эпохи, это современный литературный язык со всеми его функциями поливалентного и полифункционального языка, в отличие от литературного языка донациональной эпохи, функционировавшего, главным образом, в качестве языка письменности и, в частности, сакрального языка. *Языковой стандарт* – это совокупность кодифицированных норм литературного (стандартного) языка. *Стандартностью* литературного языка является совокупность относительных (релятивных) признаков (свойств) национального литературного языка, определяющая его характер через отношение к нестандартным идиомам (страмам), – к общеразговорному языку, диалектам и т.д., а также к другим стандартным языкам и к другим историческим состояниям данного языка в донациональную эпоху [Толстой 1988].

Исследованиями типологии славянских литературных языков занимались многие выдающиеся лингвисты и слависты. Так, еще в 1927 г. Н.С. Трубецкой классифицировал существовавшие тогда литературные славянские языки на три типа по признаку их преемственной связи с церковнославянской традицией [Трубецкой 1927]. Опираясь на эту классификацию Трубецкого, Н. И. Толстой относит македонский литературный язык к так называемому «новому» типу вместе с сербохорватским и белорусским языками, поскольку эти языки не опираются на церковнославянский язык, функционировавший в средние века (на Балканах – вплоть до XIX в.) как культурный идиом у всех православных славян ([Толстой 1988а: 25] и [Толстой 1997: 21]). Следует заметить, что, в отличие от сербохорватского и македонского, Н. И. Толстой относит болгарский язык, вместе с русским, к «среднему» типу по признаку связи с церковнославянским, причем в современном болгарском литера-

турном языке данная связь была актуализирована через влияние русского литературного языка.

Типологическая характеристика национального литературного (стандартного) языка предусматривает определение относительных свойств этого языка в их взаимоотношении в синхронном и диахроническом плане. В качестве основы для исследования типологии современного литературного македонского языка удобно принять предложенную Н. И. Толстым [Толстой 1988а] схему признаков, релевантных для славянских литературных языков, а также типологическую модель Д. Брозовича [Брозович 1970].

Схема Н. И. Толстого содержит четыре группы относительных признаков:

А. Соотношение между литературным языком и другими идиомами (стратами). Это синхронный лингвистический парадигматический и синтагматический аспект типологии современного литературного языка.

Б. Особенности исторического развития литературного языка. Это диахронический лингвистический аспект типологии литературного языка.

В. Особенности языковой ситуации в истории литературного языка (культурно-исторический аспект).

Г. Соотношение между литературным языком и литературой, фольклором, культурой и этносом (социумом). Это этно-культурно-филологический аспект.

В данной работе мы остановимся в основном на признаках группы А. О признаках групп Б и В упомянем вкратце. Рассмотрение признаков группы Г требует специального изучения.

Македонский литературный язык был кодифицирован в 1945 г. Он очень близок к народно-разговорному, и почти не имеет архаических книжных элементов.

Каждый славянский литературный язык национального периода при своем формировании или опирался на старую традицию, сохраняя архаические черты, или разрывал с ней, отрывался от нее, как формально, так и структурно-функционально. Современный македонский литературный язык структурно-функционально разорвал со своей церковно-славянской традицией и в тоже время оттолкнулся от соседних славянских литературных языков – от болгарского, который типологически относится к иному типу по признаку связи с церковнославянской традицией, и от сербохорватского (сербского). В каком смысле македонский язык оттолкнулся от болгарского и сербского языков?

Когда в первой половине XIX в. сформировался сербохорватский литературный язык на народно-разговорной основе, благодаря реформаторской деятельности Вука Караджича, в Болгарии и Македонии еще велись дискуссии по вопросам литературного языка – насколько он должен быть близок к народно-разговорному, а насколько – к церковнославянскому, на какой диалектной базе формироваться, есть ли смысл создавать общий литературный язык для славян Болгарии и Македонии (ведь уже был пример – церковнославянский как общий культурный язык всех православных славян, с одной стороны, и общий литературный язык на народно-разговорной основе для сербов и хорватов, с другой стороны). Для общего литературного языка на народно-разговорной основе в Болгарии и Македонии так и не было найдено общеприемлемой диалектной базы и норм такого общего языка. В XIX в. литературный язык на народно-разговорной основе и в Болгарии, и в Македонии функционировал главным образом в письменной форме и базировался на различных территориальных диалектах. Писатели XIX в. создавали свои произведения, опираясь прежде всего на свой родной говор в качестве народно-разговорной основы и на богатые традиции устного народного творчества. Фольклорные традиции у балканских народов (в том числе и южнославянских) живы до сих пор и влияют на творчество многих современных авторов, особенно поэтов. Языком повседневного общения славянских этносов на Балканах на протяжении веков продолжали оставаться локальные сельские говоры, а с ростом славянского населения в городах – городские говоры, городские койне или же региональные интердиалекты. Так было вплоть до формирования национального государства, т. е. до создания необходимой социальной ситуации, при которой появлялись возможности для кодификации литературного языка и постепенного становления его как языка всей нации, с достаточно высокой степенью стандартности. В Болгарии это произошло после 1878 г., для македонских славян подходящая для формирования литературного (стандартного) языка социальная ситуация в силу исторических причин возникла позже, несколько десятилетий спустя.

Отталкивание от соседних языков означало прежде всего осознание македонским этносом своей самобытности и национально-этнического единства и желание отпора насильственной ассимиляции («Мы не болгары, мы не сербы»), возникновение потребности в едином литературном (стандартном) языке. В то же время при создании македонского литературного языка соседние славянские литературные языки как культурные идиомы и языки образования служили для интеллектуальной

македонской элиты образцом (как положительным, так и отрицательным).

До формирования македонской нации и литературного македонского языка славянский этнос древней географической области Македонии на протяжении веков жил в различных языковых ситуациях, которые тем не менее были однородны типологически, так как характеризовались билингвизмом (или даже полилингвизмом) и гомогенной или гетерогенной диглоссией при официальной и неофициальной коммуникации, а также гомогенной диглоссией в культурно-историческом аспекте. Македонские славяне находились на низшей ступени социальной иерархии, в основном это были крестьяне. При этом часть носителей македонского языка (главным образом сельского или городского говора) должны были владеть другим языком, чтобы объясняться с представителями власти и с носителями других языков на Балканах. Более пяти-сот лет македонские земли были под властью Османской империи, и языком официального общения был турецкий язык, оставивший глубокие следы во всех южнославянских языках на Балканах. После Балканских войн и Первой мировой войны географическая область Македония была поделена между балканскими государствами – королевской Югославией, Болгарией и Грецией. Все эти государства проводили усиленную ассимиляцию в отношении македонских славян. В период между двумя мировыми войнами в Вардарской Македонии, ставшей административной единицей королевской Югославии, языком официального общения служил сербохорватский язык, в годы второй мировой войны и национально-освободительной борьбы против фашизма – болгарский и (в западной части Вардарской Македонии) итальянский. Если в XIX в. в начальной школе македонские славяне могли обучаться на родном языке (обычно – диалекте), а для получения дальнейшего образования должны были ехать за границу, чаще всего в Россию, то в первой половине XX в. и начальное, и среднее образование в Македонии велось только на языке правящего государства, т.е. на чужом языке. Так было вплоть до 1945 г., когда официальным языком и языком всеобщего образования в только что сформированном государстве – Республике Македонии, вошедшей в состав федеративной демократической Югославии стал только что кодифицированный родной македонский литературный язык.

Таким образом, на протяжении веков македонский язык функционировал лишь при неофициальной повседневной коммуникации, между своими, и назывался он зачастую «наш язык». Для такого вида коммуникации были достаточны локальный сельский или городской говор.

Правда, возможно, в начале XX в. стали формироваться региональные койне вокруг более крупных городов, таких как Битоль, Охрид, Скопье. Следует подчеркнуть, что до формирования нации македонский этнос (в большинстве его представителей) не относил себя ни к болгарскому, ни к сербскому этносам.

Попытки формирования собственно македонского литературного языка предпринимались со второй половины XIX в. Так, в начале XX в. был создан литературный македонский язык, кодифицированный на базе центральных западномакедонских говоров выпускником С.-Петербургского университета македонцем К.П. Мисирковым. Но этот ценный опыт в силу исторических причин не получил распространения, о нем в Македонии практически даже не знали. В первой половине XX в. важную роль в процессе формирования литературного языка играла нарождающаяся македонская национальная литература, особенно драма и поэзия, опиравшаяся на фольклор. Македонские писатели – драматурги В. Чернодринский, Р. Крле, В. Ильоский, поэты К. Рацин, К. Неделковский, В. Марковский и др., в основном были носителями центральных западномакедонских говоров и, кроме того, ответственно и творчески относились к отбору языковых средств и особенностей в своих произведениях. В годы национально-освободительной борьбы против фашизма (1941–45 гг.) потребность в едином литературном македонском языке возрастает. Появляется новый вид литературы – общественно-политической. Это листовки, воззвания, приказы, газеты, издававшиеся подпольно и при штабах македонских отрядов и соединений народно-освободительной армии Югославии. Общемакедонского наддиалектного койне не было, и эти тексты были полны фонетических и морфологических диалектизмов и лексических сербизмов, графика и орфография также еще не имели единых норм. До 1945 г. нельзя говорить и о каких-либо сложившихся культурных центрах, вокруг которых создавались бы варианты литературного македонского языка, не было и каких-либо «локальных» литературных языков.

Литературный македонский язык был кодифицирован правительственным декретом. Над выработкой кодификационных норм в 1945 г. работала специально назначенная правительством Республики Македонии комиссия, в которую входили известные и тогда еще неизвестные люди, например, прославленный поэт В. Марковский и выпускник Белградского университета молодой поэт Блаже Конеский (1921–1993), впоследствии крупнейший македонский поэт и известный в мире ученый, автор фундаментальной грамматики македонского языка, истории македонского языка и многих других трудов по филологии, первый

заведующий кафедрой македонского языка и профессор Скопского университета, первый президент Македонской академии наук и искусств.

В Первом орфографическом кодексе 1945 г. было всего 20 страниц, в нем содержались самые основные нормы – азбука, правила орфографии, фонетики, ударения и образования морфологических форм существительного и глагола. Была принята кириллическая графика, близкая к сербскому варианту, с дополнительными буквами, означающими специфические македонские фонемы, и фонетический принцип орфографии, по примеру сербской орфографии, предложенной еще Вуком Караджичем в XIX в. Как официальный язык республики, македонский язык немедленно был введен во всех государственных учреждениях и институтах, всеобщее школьное образование также должно было вестись на македонском языке. Таким образом, это была кодификация сверху, но она отвечала насущным потребностям всего македонского народа, всех слоев общества. Предстояла огромная работа по массовому усвоению норм литературного языка, по формированию навыков пользоваться им как языковым средством общения при всех видах устной и письменной коммуникации, по созданию институций образования и культуры. Эта работа, проводившаяся как «сверху», благодаря целенаправленной языковой политике и усилиям македонских деятелей науки и культуры, так и «снизу», благодаря усвоению норм литературного языка всеми грамотными слоями населения, была успешной и результативной: сейчас, по прошествии шестидесяти лет с момента кодификации и введения стандартного македонского языка как средства массовой коммуникации, македонский язык действительно стал развитым полифункциональным языком македонской нации и языковым средством межнационального общения на территории Республики Македонии.

Введение кодифицированного македонского языка в республике коренным образом меняло всю языковую ситуацию: при всех видах коммуникации – официальной и неофициальной – можно было говорить и писать на родном македонском языке. Но все же ситуация диглоссии сохранялась, так как за пределами своей республики македонцы должны были общаться на официальном языке всего федеративного государства – сербохорватском; правда, по Конституции СФРЮ 1974 г. в федеральном парламенте депутаты из республик, в том числе и из Македонии, имели право выступать на своем языке, для чего был организован синхронный перевод с македонского и словенского на сербохорватский и обратно.

Итак, в момент кодификации в 1945 г. национальный македонский язык был представлен локальными говорами, возможно, региональными и городскими койне, профессиональными жаргонами и литературным языком, который еще не имел развитых функциональных стилей.

Македонские диалекты делятся на три группы – западную, юго-восточную и северную, и отличаются довольно сильной раздробленностью. В качестве диалектной базы литературного языка были выбраны центральные говоры западномакедонской диалектной группы, к которой относятся говоры районов г. Велеса, г. Прилепа, г. Битоли, г. Кичево, Поречья, г. Охрида, Демир-Хисарского района и села к югу от столицы республики г. Скопье. Сам г. Скопье расположен на пограничье между центральными западномакедонскими и северномакедонскими говорами. Из характерных особенностей центральных говоров были кодифицированы просодическая система – третьесложное фонетически подвижное ударение в словах и акцентных группах, важнейшие фонетические черты – пятичленная система гласных (*a, o, y, e, u*), рефлекс *a* на месте праславянского носового заднего ряда, слоговой *p* и сочетание *ol* на месте **ǫlt, *ǫrt, *ǫt, *ǫt* (*жолт, солза, волк, крв, срце* ит.д.), из грамматических структурных черт – тройной член (артикль).

В отличие от К.П. Мисиркова, который в своей кодификации македонского языка в начале XX в. строго последовательно придерживался норм именно центральных говоров, кодификаторы современного македонского языка приняли некоторые черты восточных македонских говоров: морфологическую классификацию глаголов с тремя спряжениями (тематические гласные *-a, -u, e*) и с нулевой флексией (без *-m*) в 3-м л. ед. ч. настоящего времени (центральные говоры не представляют здесь единства), восстановили утраченное в центральных говорах интервокальное *v* (*убавина, основа*), а в ряде случаев и утраченное во многих говорах *x* (*воздух, доход, но дуовден, дооден, леб*). Из юго-западных говоров в литературном языке приняты темпоральные глагольные формы перфектного типа со вспомогательным глаголом *има* (*има видено, има дојдено*). Но в целом македонский литературный язык имеет единую в основе диалектную базу – центральные западномакедонские говоры, хотя и кодифицировал некоторые особенности восточных и юго-западных македонских говоров.

Кодифицированный в 1945 г. македонский литературный язык очень близок к народно-разговорному, в нем практически нет архаических структурных элементов.

В 1945 г. декларировалось, что лексический фонд литературного языка будет пополняться нужными словами из всех диалектов. Однако

на практике оказалось, что не все понятия, связанные с человеческими познаниями, могут быть выражены словами из диалектов. Балканские диалекты вообще и македонские в частности довольно открыты заимствованиям из соседних языков, с которыми они вступали в непосредственный контакт, поэтому в македонских диалектах очень много турцизмов (около 3000 по данным Б. Конеского), греческих заимствований (около 1000), а также заимствований из родственных славянских языков – болгарского и сербского. Поскольку в первой половине XX в. сербский язык был официальным языком государства, в которое входила территория Вардарской Македонии, и языком образования, именно контакты с сербским языком были самыми значительными. Кроме того, сербохорватский язык продолжал исполнять роль официального языка всего федеративного югославского государства до 1991 г. И до 1945 г., и после, в 1945-91 гг., сербский язык пользовался культурным престижем в сознании македонской интеллектуальной элиты, а всеми слоями носителей македонского языка по многовековой привычке довольно долго использовался как языковое средство при официальном общении и при общении с незнакомыми людьми, особенно с иностранцами, не очень хорошо говорившими по-македонски. Для литературного македонского языка сербский язык служил посредником при пополнении лексического фонда с помощью заимствований интернациональной лексики и образцом при создании научной терминологии с помощью прямого заимствования слов или калькирования. Кроме того новые слова в литературном македонском языке создавались по продуктивным словообразовательным моделям от исконных славянских и некоторых заимствованных корней.

С развитием и становлением функциональных стилей македонского литературного языка и созданием нелитературных наддиалектных идиомов (молодежный скопский жаргон, переросший в субстандарт и просторечие) слова и фразеологизмы, заимствованные из языков, бывших в прежние времена официальными, – т. е. турцизмы и сербизмы – переходили в низшие функциональные стили и идиомы (в разговорный стиль литературного языка, в молодежный жаргон, в субстандарт и в просторечие).

В последние годы в македонский литературный язык и нелитературные наддиалектные идиомы проникает много заимствований из английского языка, особенно спортивная терминология, научная терминология по экономике и информатике, а также слова из области поп-музыки и кино.

Можно констатировать, что лексика македонского литературного языка и других идиомов в своей основе исконнославянская, но не содержит традиционных книжных церковнославянских элементов, кроме отдельных слов. Македонский язык во всех своих идиомах не ограждает себя от заимствований из других языков, и таким образом, свободен от языкового пуризма.

На вопрос о стабильности нормы в литературном языке после кодификации 1945 г. можно ответить утвердительно, хотя в процессе становления и развития литературного языка в течение пятидесяти лет в последующих орфографических кодексах (1950 г. и 1970 г.) нормы уточнялись, расширялись и углублялись, охватывая постепенно все языковые уровни от фонетики и фонологии до синтаксиса и орфографические правила от декларирования фонетического принципа в правописании до правил транскрипции иностранных имен и названий. Появление опубликованного в 1963–1966 гг. Словаря македонского языка с сербохорватскими толкованиями в трех томах под редакцией Блаже Конеского (авторы-составители Т. Димитровский, Б. Корубин и Т. Стаматоский), а затем и орфографического словаря в 30 тысяч слов (1970 г.) способствовало частичной кодификации лексики македонского языка. Важнейшую роль в уточнении, углублении и расширении норм литературного языка сыграла Грамматика македонского языка в двух томах Блаже Конеского (1952–1954 гг.). Последнее издание орфографического словаря македонского литературного языка 1999 г., составленного Кирилом Конеским, содержит индекс из более 42 тысяч слов.

В развитии литературного языка можно выделить несколько этапов, характеризующихся как становлением и углублением норм «сверху», так и «снизу», т. е. утверждением, закреплением стандартных норм в сознании носителей языка и выработкой навыков пользоваться литературным языком во всех типах языковой коммуникации (официальной и неофициальной, устной и письменной). Об особенностях этих этапов «сверху» мы писали [Усикова 1988], сейчас остановимся на их особенностях в развитии литературного македонского языка «снизу».

На первом этапе (1945–1950 гг.) носителям македонского языка еще только предстояло привыкнуть к официальному общению на родном литературном языке и по возможности пользоваться им при неофициальном общении, но в те годы этого еще не произошло.

Второй этап охватывает период 1950–1970 гг., до появления третьего Орфографического кодекса. В развитии языка «снизу» – в утверждении и распространении литературного языка среди широких народных масс – самую важную роль, вероятно, сыграло введение ежедневного

почти круглосуточного вещания на македонском языке по скопскому телевидению в конце 60-х гг. К концу второго этапа уже можно говорить о литературном македонском языке как общенациональном: выросли новые поколения македонцев, получивших школьное и высшее образование на македонском языке, появились культурные слои общества, употреблявшие литературный македонский язык и при официальной коммуникации, и даже при неофициальной. И все же языковая ситуация билингвизма и диглоссии в республике сохраняется, так как во всех школах обязательно изучение престижного сербохорватского языка, на котором македонцы общаются за пределами своей республики. Не утрачены навыки общаться с незнакомыми людьми на сербском языке. В неофициальном общении продолжают использоваться локальные говоры, городские койне и жаргоны.

Одно трагическое событие – катастрофическое землетрясение в Скопье 1963 г., повлиявшее на изменение демографической обстановки в стране, способствовало в дальнейшем постепенному формированию наддиалектного идиома (субстандарта). После землетрясения разрушенная столица интенсивно застраивалась и привлекла массу населения из всех краев Македонии, город вырос в 10 раз, и сейчас в Скопье проживает четверть населения республики. Дети приезжих, говорившие на своих диалектах и койне, вступали в языковой контакт с местными детьми, говорившими на скопском городском говоре, кроме того все они в школе учили и сербский язык, очевидно, не слишком хорошо им овладевая. В столичный университет приезжали десятки тысяч студентов из всех краев республики, также носители различных местных диалектов. Город Скопье относится скорее к северным македонским говорам, чем к центральным, находясь на границе между ними. И вот из смеси скопского городского говора, сербских слов и клишированных выражений, с примесью особенностей из других македонских диалектов, возник наддиалектный гимназический и студенческий жаргон, которым пользовалась молодежь при общении в своем кругу.

Постепенно возникает и общенациональный разговорный язык, который частично отражает диалектные особенности, в зависимости от региона, где живут носители языка, частично – особенности молодежного жаргона, в зависимости от поколения носителей языка, частично общенациональный разговорный язык включает элементы литературного языка, в зависимости от культурного уровня и образованности носителей языка. Но главное состоит в некоторой оппозиционности к литературному языку (стандарту), прежде всего употребляющемуся при официальной коммуникации, чему способствовала языковая менталь-

ность, проявляющаяся в многовековой привычке к диглоссии: при официальном общении употреблять один идиом, при неофициальном – другой. И, конечно, важная причина отступления от норм литературного языка – недостаточная языковая культура и грамотность носителей македонского языка, слабо усвоивших правила в школе. К сожалению, именно из-за недостаточной языковой культуры субстандартные черты проникают в македонские средства массовой информации – печать, радио и, главное, телевидение, т.е. в общественно-политический стиль литературного языка. Политики и журналисты, по-видимому, еще не освободились психологически от сербско-македонского билингвизма и употребляют больше сербизмов, а также англицизмов (американизмов), чем это диктует литературная норма.

У македонского субстандарта есть своя специфическая лексика, а также свои просодические и грамматические особенности ([Усикова 1997: 14–16]; [Трневски 1997]). Возникновение наддиалектного субстандарта и общенационального разговорного языка относится к концу третьего периода развития македонского национального языка (1970–1991 гг.). Субстандартная лексика не имеет четких границ и различий с лексикой низшего разговорного функционального стиля литературного языка.

Итак, в македонском языке субстандартный общенациональный разговорный язык (с диалектными особенностями в зависимости от региона) возник как средство для неофициального общения, как оппозиция кодифицированному, нормативному страту – литературному языку, уже прочно вошедшему в практику официальной языковой коммуникации.

На субстандарте в македонском языковом сообществе говорят прежде всего недостаточно грамотные носители языка, но он используется и – с экспрессивными функциями – культурными людьми, хорошо владеющими стандартным языком. Таким образом, мы можем квалифицировать субстандарт и как просторечие. В художественной литературе просторечие, как и жаргоны и локальные говоры, используется для характеристики персонажей.

В третий период своего развития литературный (стандартный) язык уже имел развитые функциональные стили – официальный, нейтральный и разговорный. Оппозиция между этими стилями появилась с формированием высокого официального стиля. Например, при обращении к лицу женского пола: *Почитувана госпоѓа ректор!*; *Професор Иваноска, добар ден, како сте?* (официальный стиль) : *Таа е ректор / ректорка; Иваноска е нашиот професор / нашата професорка* (нейтральный стиль) : *Добар ден, професорке!* (разговорный стиль).

Если в трехтомном Словаре македонского языка, изданного в 60-е гг., использовались как стилистические только пометы *книжн.* и *разг.*, то в 80-х гг. уже можно говорить о формировании научного, общественно-политического (публицистического) и разговорного стиля литературного языка (административный стиль возник раньше, в начале функционирования кодифицированного македонского языка). Функциональные стили литературного языка различаются между собой прежде всего составом лексики, формулами вежливости и иными фразеологизмами, а также некоторыми предпочтениями в употреблении тех или иных грамматических форм и синтаксических конструкций, причем не выходящими за пределы кодифицированных норм литературного (стандартного) языка. Самые заметные изменения произошли в лексическом составе, обогатившем функциональные стили македонского стандартного языка, лексика которого пополнилась десятками тысяч новых слов, прежде всего из различных сфер науки.

Этот процесс продолжается и на современном, четвертом, этапе: обогащению лексического состава македонского литературного языка способствовали издания различных словарей. Об орфографическом словаре К. Конеского 1999 г. мы упоминали выше, обогащению лексики способствовало и появление словарей иностранных слов Л. Мичуновича 1990 г., В. Шириловой 2000 г. и Т. Белчева 2003 г. В настоящее время коллективом Института македонского языка в Скопье под руководством С. Велковской ведется интенсивная работа над Толковым словарем македонского литературного языка (I том с буквами А–Ж вышел из печати в начале 2004 г.).

Для литературного (стандартного) македонского языка и его стилей характерен признак определенности, в отличие от общенационального разговорного языка, региональных койне и жаргонов (оппозиция определенность / неопределенность). Таким образом, можно с уверенностью сказать, что на третьем этапе своего становления и развития литературный (стандартный) македонский язык как культурный идиом стал поливалентным и полифункциональным средством общенациональной и также межнациональной массовой языковой коммуникации (официальной и неофициальной). Кроме литературного (стандартного) языка с его функциональными стилями в македонском национальном языке продолжали существовать локальные сельские говоры, городские и региональные койне, социальные жаргоны, продолжал развиваться и разговорный общенациональный наддиалектный субстандарт, способный функционировать и как просторечие.

В 1991 г., в результате распада СФРЮ, формируется независимое македонское государство – Республика Македония со столицей г. Скопье. Македонский язык становится не только официальным языком внутри государства, но и языком международного общения, на нем представители Республики Македонии подписывают международные документы и ведут международные переговоры. У граждан Македонии нет больше причин использовать сербохорватский язык при официальном общении за пределами своего государства. И если до 1991 г. в македонском языке было немало сербизмов, особенно в административном и общественно-политическом стиле, то теперь в македонском литературном языке проводится успешная работа по их замене на македонскую терминологию. Прежде всего это заметно в военной сфере: в народной армии СФРЮ служебным языком был сербохорватский, теперь македонская армия перешла в своей деятельности на македонский язык, в котором срочно создаются новые военные термины. Православная македонская церковь, служебным языком в которой был церковнославянский язык русской редакции, также постепенно переходит на богослужение на македонском языке: на литературный македонский язык переведены многие молитвы, текст Библии и некоторых других церковных книг, проповеди читаются на родном языке прихожан. Сербизмы, однако, остаются в разговорном языке (стиле) и в жаргонах.

В заключении нашей работы следует сказать, что современный македонский литературный (стандартный) язык обладает высокой степенью стандартности. Это общенациональный поливалентный и полифункциональный язык, близкий к народно-разговорному, открытый для иноязычных влияний, особенно в области заимствования и калькирования лексики и фразеологии, прежде всего в терминологической сфере.

Формирование и становление литературного македонского языка как языка македонской нации и средства межнациональной (межэтнической) коммуникации в Республике Македонии создало типологически новую языковую ситуацию, освобождающую от необходимости билингвизма и диглоссии, однако в языковом сознании носителей македонского языка эта необходимость еще существует, особенно в оппозиции стандарт : субстандарт (локальный говор, социальный жаргон), поскольку на протяжении веков в Македонии престижный язык (главным образом заимствованная из него лексика) после утраты официальных позиций опускался на уровень языка (или его элементов) неофициального общения. Так было с турецким языком и заимствованиями из него, так происходит интенсивно сейчас и с сербским языком.

Кроме информативной функции, свойственной научному, общественно-политическому и разговорному стилям литературного языка, а также наддиалектному субстандарту и локальным говорам, литературный македонский язык успешно выполняет эстетическую функцию как язык художественной литературы и духовную культурную функцию как орудие национальной культуры.

В синхронном лингвистическом парадигматическом и синтагматическом аспекте литературный македонский язык характеризуется позитивно по следующим признакам: 1) близость к единой диалектной базе; 2) относительно сильная дробность территориальных диалектов; 3) близость к языку фольклора; 4) отсутствие локальных вариантов литературного языка; 5) стабильность нормы; 6) функциональная поливалентность; 7) наличие общенационального разговорного языка, включающего разговорный стиль литературного языка, наддиалектный субстандарт и просторечие.

Литература

1. Брозович 1970 – *Brozovic D. Standardni jezik*, Zagreb, 1970.
2. Конеский, Грамматика – *Блаже Конески*. Грамматика на македонскиот јазик. Скопје, 1996 [посмертное издание].
3. Конеский 1968 – *Блаже Конески*. Македонский язык в развитии славянских литературных языков. Скопје, 1968.
4. Конеский 1974 – *Конеский Б.* Языковые связи македонской поэзии с фольклором // Исследования по славянской филологии. Сборник, посвященный памяти В.В. Виноградова. М., 1974.
5. Конеский 1959 – *Конески Б.* Кон македонската преродба. Македонските учебници од XIX век. Скопје, 1959.
6. Л. Минова-Ѓуркова 2003 – *Минова-Ѓуркова Л.* Стилистика на современниот македонски јазик. Скопје 2003. 349 с.
7. Толстой 1988 – *Толстой Н.И.* (а) Славянские литературные языки и их отношение к другим идиомам (стратам); *Толстой Н.И.* (б) К вопросу о зависимости элементов стиля стандартного литературного языка от характера его стандартности // История и структура славянских литературных языков. М., 1988. С. 6–27; С. 27–33.
8. Толстой 1997 – *Толстой Н.И.* Slavia orthodoxa и Slavia latina – общее и различное в литературно-языковой ситуации (опыт предварительной оценки) // ВЯ, 1997. С. 16–23.
9. Трневский 1997 – *Томислав Трневски*. Јазичниот израз на средношколската младина во Скопје. Скопје, 1997.
10. Трубецкой 1927 – *Трубецкой Н.С.* К проблеме русского самопознания. Собрание статей. Париж, 1927.
11. Усикова 1988 – *Усикова Р.П.* Этапы становления и развития македонского литературного языка // Теория и практика изучения славянских языков. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. С. 4–11.
12. Усикова 1994 – *Усикова Р.П.* О языковой ситуации в Республике Македонии // Язык. Культура. Этнос. М.: Наука, 1994. С. 221–231.

13. Усикова 1996 – *Рина Усикова*. Забелешки по повод функционалните стилови во современото македонски јазик // Македонскиот јазик од Мисирков до денес. Симпозиум 1993. Скопје, 1996. С. 13–21.
14. Усикова 1997а – *Рина Усикова*. Кон развојот на македонскиот јазик со оглед на јазичната ситуација во Македонија // 50 години наука за македонски јазик. Скопје: МАНУ, 1997. С. 153–164.
15. Усикова 1997б – *Усикова Р.П.* Јазикова ситуација в Републике Македони и современо состояние македонског јазика // Славјановедение. 1997, №2. С. 11–17.
16. Усикова 1999 – *Усикова Р.П.* Јазикова ситуација в Македони и явления јазиковој интерференции и диглосии в македонском јазике // Македонски јазик, литература и култура в славјанском и балканском контексте (Материали меѓународној русско-македонској научној конференци, Москва, 15–16 септември 1998 г.). М., 1999. С. 12–19.
17. Усикова 2003 – *Усикова Р.П.* Грамматика македонског литературног јазика. М., 2003. 373 с.
18. *Усикова Р.П., Шанова З.К., Поварница М.А., Верижникова В.В.* Македонско-рускиот словарь. Македонско-руски речник / Под општој редакцијој Р.П. Усиковој и В.В. Верижниковој. М.: Астрел-АСТ 2003. 847 с.

ЛИНГВОПОЭТИКА

Речи вождей, или литература как метаязыковое моделирование

© кандидат филологических наук С. А. Ромашко, 2005

Вненаучные формы языковой рефлексии

В свое время Р. О. Якобсон, рассматривая функции языка в рамках общей коммуникативной модели, заметил, что «метаязык – это не только необходимый научный инструмент, используемый логиками и лингвистами; он также играет важную роль в нашей повседневной речи» [Jakobson 1960: 356]. В самом деле, носители языка не только пользуются его возможностями для построения высказываний или их восприятия в процессе общения, но и обращают в процессе общения свое внимание также и на сам язык, прибегая для этого к возможностям употребления языка в метаязыковой / метаречевой функции. Одно из свойств полноценного носителя языка – способность применять язык в том числе и в метаязыковой / метаречевой функции, предполагающей также метаязыковую рефлексию, определенные представления и знания о языке. Г.М. Хёнигсвальд предложил называть комплекс таких знаний и представлений «народным языкознанием» (folk linguistics) по аналогии с «народной медициной» и другими ненаучными формами знания [Hoeningswald 1966]. Эти элементы языковой рефлексии называли также «наивной (или естественной) лингвистикой». Во всех случаях имеются в виду «спонтанные представления о языке и речевой деятельности, сложившиеся в обыденном сознании человека и зафиксированные в значении металингвистических терминов, таких как *язык*, *речь*, *слово*, *смысл*, *значение*, *говорить*, *молчать* и др.» [Арутюнова 2000: 7].

«Народное языкознание» представляет собой первичную форму (или фазу) языковой рефлексии, возникающую до появления науки о языке (подобно другим видам «наивного», донаучного знания, вроде той же народной медицины, ср. также проблему «протофизики» при рассмотрении базовых представлений человека о физическом мире). Такую рефлексию можно, следовательно, характеризовать еще и как «языкознание до языкознания» (сходным образом некоторые элементы мифологии могут рассматриваться как «философия до философии»). В то же

время появления науки о языке¹ отнюдь не приводит к исчезновению «народного языкознания», хотя в этой ситуации в «народное» языкознание просачиваются элементы языкознания «научного» (степень пропитанности «народных» представлений о языке научными знаниями может быть, разумеется, очень различной в зависимости и от развития науки, и от приобщенности соответствующей группы или индивида к научным знаниям через школу и другие образовательные и культурные учреждения)². Поэтому вернее было бы говорить о «народном языкознании» как *внеаучной* форме языковой рефлексии.

Функции «народного языкознания» и метаязыковой / метаречевой активности

«Народное языкознание» представляет собой достаточно широкое поле активности, хотя и не совершенно аморфное, но относительно рыхлое, поскольку разные его сегменты оказываются организованными различным образом. Одна из особенностей внеаучной языковой рефлексии заключается в ее полифункциональности: она удовлетворяет различные потребности индивида и языковой общности, при этом одни и те же элементы «народного языкознания» могут по мере надобности включаться в решение различных задач.

Во-первых, «народное языкознание» удовлетворяет ряд потребностей познавательного характера, имеющих отношение как к общей ориентации в мире, так и к осмыслению языка как реальности особого рода. Речь идет о мифах и преданиях этиологического характера, объясняющих происхождение языка вообще или определенного языка, множественность языков (ср. предание о «вавилонском столпотворении» в Ветхом завете), происхождение отдельных слов и имен собственных. Сюда же примыкает и так называемая «народная этимология» [Olschansky 1996], задача которой заключается в обеспечении «прозрачности» (см. об этом [Gauger 1970]) элементов языка, для чего устанавливается их мотивировка (как правило не совпадающая с истинной, которую вскрывает уже научная этимология).

---

¹ Оставляем в данном случае в стороне чрезвычайно сложный вопрос о том, где пролегает граница науки о языке и ограничимся сугубо прагматическим критерием: научным знанием будем считать в данном случае такое, которое требует специальных форм получения, хранения и распространения, т. е. определенной специализации, тогда как классическое «народное языкознание» профессионализации не требует. Более точные характеристики научности и внеаучности будут зависеть и от общих критериев научности, и от конкретных параметров определенной ситуации.

² Примером исследования, основанного на современных данных, собранных в США, служит монография Н.А. Недзельской и Д.Р. Престона (Niedzelski & Preston 2000).

Во-вторых, «народное языкознание» обеспечивает единство языковой общности: носитель языка сознает себя представителем определенного коллектива, объединяемого используемым в качестве средства общения языком. Своя языковая общность как правило противопоставляется чужим; при этом свой язык рассматривается в качестве «нормы», тогда как чужие языки представляются не соответствующими этой норме, аномальными структурами, а их носители не признаются полноценными носителями языка, считаются неспособными к нормальной речевой деятельности, «немыми» (ср. слав. *немцы* как обозначение чужих), «бормочущими» (ср. греч. *bárbaros*). Примечательно, что языковая общность и способ ее формирования оказывается базовой моделью и для культурной общности, а тем самым – и социума вообще (отсюда понимание варварства уже не просто как соотнесенности с чужой речью или чужестранностью, но и как обозначение отсутствия или крайне низкого уровня социо-культурной организации). Языковая рефлексия выступает в качестве важного конструктивного элемента человеческой общности, ее определения: «... сознание принадлежности к некоторой общности в своих наиболее ранних и простейших формах предстает буквально *привязанным* к этому языковому взаимодействию. Там, где этого взаимодействия не происходит, где индивид оказывается вне языковой общности, то он тем самым выпадает и из социальной общности вообще. *Говорящий на чужом языке оказывается чужаком вообще*», – писал Э. Кассирер [Cassirer 1985: 143].

В-третьих, «народное языкознание» служит для ориентирования в пределах своей языковой общности. Это касается и дифференциации носителей языка в рамках одной языковой общности (умение распознавать диалектные, социолектные и иные языковые различия), и разных аспектов понимания и реализации языковой нормы (здесь «народное языкознание» входит в соприкосновение с так называемым «языковым чутьем», ср. [Sprachgefühl 1982]), а также речевой нормы как умения пользоваться языком для достижения определенных целей в тех или иных ситуациях (нормы речевого поведения изначально фиксируются в различных фольклорных текстах, в наиболее четкой и сжатой форме – в пословицах и поговорках, ср. «слово – серебро, молчание – золото» и т.п.; подробнее о фольклорных правилах речевого поведения см. [Рожественский 1996: 34-46]; см. также пример архаической, но уже выходящей за пределы фольклорной традиции формулировки правил такого рода у Гесиода [Romaschko 1992]).

В четвертых, венаучная языковая рефлексия обеспечивает нормальное протекание процесса коммуникации. Благодаря тому, что «народное языкознание» располагает значительным метаязыковым инструментарием (своего рода «терминологией», подробнее см. [Язык о языке

2000]), носитель языка в случае необходимости может уточнять значение элементов языка и речи, указывать на уместность или неуместность их употребления, проверять, насколько правильно понимает собеседник сказанное, дополнять и корректировать собственные высказывания для того, чтобы обеспечить адекватное понимание в процессе общения. Разного рода поправки, уточнения, дополнения в процессе речевой деятельности представляют собой вклад языковой рефлексии в обеспечение процесса коммуникации. На активность подобного рода указывал и Р. О. Якобсон при пояснении того, что представляет собой метаязыковая функция языка: «‘Я не уловил – что Вы имеете в виду?’», – спрашивает адресат... А адресант, предвосхищая подобные рефлексивные вопросы, интересуется: ‘Вы понимаете, что я имею в виду?’» [Jakobson 1960: 356]³. Метаязыковая активность оказывается, таким образом, частью речевых стратегий говорящего и слушающего в ходе коммуникации.

Метаязыковые / метаречевые модели в литературе

Литературный текст может – и достаточно часто реализует эту возможность – воспроизводить речь индивида в той или иной ситуации. В таком случае литературный текст включает в себя своего рода модель речевых действий данной языковой общности, то есть оказывается, в том числе, и метаязыковой / метаречевой конструкцией. Разумеется, разные жанры литературы в разной степени наполняются метаязыковыми / метаречевыми моделями. Если драматургия или жанр диалога (как прозаического, так и поэтического) в основном из таких моделей и состоят (за их пределами находятся только обрамляющие модели и дополняющие их авторские ремарки разного рода), то в других жанрах модели речевого поведения могут занимать достаточно скромное место, поскольку речь персонажа не всегда воспроизводится буквально или характеризуется с достаточной подробностью и отчетливостью.

Если принять подобное моделирование речевых действий литературных героев в качестве первого уровня метаязыкового измерения литературы, то изображение языковой рефлексии самих героев (т. е. их высказываний или размышлений о языке и речи) оказывается уже вто-

---

³ Заметим, что примеры эти относятся к метаречевой активности, поскольку характеризуют высказывания, а не «код» (т. е. систему языка как таковую). Однако поскольку установка на «сообщение» (message, т. е. высказывание) уже была занята у Якобсона поэтической функцией, для мета-активности в его схеме оставалась только система языка. Вообще же для «народного языкознания» систематическое различие языка и речи не существует; метаязыковые и метаречевые действия образуют единый комплекс, поскольку собственно языковые элементы сами по себе (без каких-либо дополнительных лингвистических либо экстралингвистических – культурных, социальных, религиозных и др. – характеристик) носителю языка как правило не интересны.

рым уровнем метаязыкового измерения литературы. В первом случае (моделирование речевых действий) речь идет о метаязыковой / метаречевой работе автора. Во втором – об авторском отражении метаязыковой / метаречевой работы героя. Во втором случае моделируется уже сам метаязыковой / метаречевой инструментарий, что выводит языковую рефлексию на новый уровень.

Если более поздние литературные произведения могут оказаться интересны в силу более развитых и дифференцированных отношений разных уровней языковой рефлексии, то произведения ранней, архаической словесности интересны потому, что со всей очевидностью демонстрируют возможности чистой вне научной метаязыковой / метаречевой активности: ни языкознания, ни философии, ни логики в то время в тех обществах, в которых возникали подобные произведения, еще просто не существовало, так что все возможности литературного моделирования речи в архаический период исключительно и очевидно отражают только донаучную фазу языковой рефлексии. Кроме того, применительно к прошлому словесность оказывается единственным источником изучения метаязыковой / метаречевой активности: ни непосредственное наблюдение, ни иные источники (как, например, записи живой речи) в этом случае просто не существуют⁴.

Уровни моделирования в литературном тексте: речи вождей в «Илиаде»

Сказанное будет продемонстрировано далее на отрывке из четвертой песни «Илиады». Хотя точные обстоятельства возникновения этого текста (время создания и авторство) нам не известны, однако нет никакого сомнения в том, что ничего подобного науке о языке (как и развитой общефилософской рефлексии) в Древней Греции на момент сложения поэмы не существовало.

В четвертой песни «Илиады» повествуется о том, как троянцы нарушили установленное было перемирие, после чего возмущенные греки возобновляют военные действия. Агамемнон пешком обходит развертывающиеся войска и беседует с вождями, подбадривая их. Обнаружив, что предводитель афинян Менесфей и Одиссей еще только ожидают возможности двинуться в бой, Агамемнон обращается к ним с возмущенной речью, которая должна побудить их к более активным действиям:

Так их нашед, возроптав повелитель мужей Агамемнон
И к вождям возгласил, устремляя крылатые речи⁵:

⁴ Пример анализа «народного языкознания» на материале древнего памятника письменности см. [Ромашко 2000].

⁵ «Пернатые / крылатые слова» (ἐρεα πτερόεντα) – одна из поэтических формул Гомера.

«...Что, укрываясь здесь, вы стоите, других ожидая?
 Вам из ахейских вождей обоим надлежало бы первым
 Быть впереди и пылающей брани в лицо устремляться.
 Первые вы от меня и о пиршествах слышите наших,
 Если старейшинам пиршество мы учреждаем, ахейцы.
 Там приятно для вас насыщаться зажаренным мясом,
 Кубками вина сладкие пить до желания сердца;
 Здесь же приятно вам видеть, хотя бы и десять ахейских
 Вас упредили фаланг и пред вами сражались медью».
 Гневно возрев на него⁶, отвечал Одиссей знаменитый:
 «Речи какие, Атрид, *из уст у тебя излетают?*⁷
 Мы, *говоришь ты*, от битв уклоняемся? Если, ахейцы,
 Мы на троян быстроконных воздвигнем свирепство Арея,
 Узришь ты, если захочешь и если участие примешь,
 Узришь отца Телемахова в битве с рядами передних
 Конников храбрых троян; *а слова произнес ты пустые!*»
 Гневным узрев Одиссея, ослабилась царь Агамемнон,
 И, к нему обращаясь, начал он новое слово:
 «Сын благородный Лаэрта, герой Одиссей многоумный⁸!
 Я ни *упреков* отнюдь, ни *приказов тебе не вещаю*.
 Слишком я знаю, что сердце твое благородное полно
 Добрых намерений; ты одинаково мыслишь со мною.
 Шествуй, о друг! а когда что *суровое сказано*⁹ ныне,
 После *исправим*¹⁰; но пусть то бессмертные все уничтожат!»
 Так произнесши, оставил вождей и к другим устремился...
 (IV.336-337, 340-364, перевод Н.И. Гнедича)

Прежде всего, в этом пассаже моделируется достаточно острый речевой конфликт: возмущенный Агамемнон напоминает Одиссею и Менесфею о воинском долге, добавляя при этом обидное замечание: на пиру они первые, в бою последние. Одиссей резко возражает, утверждая, что когда настанет их черед, они, как и прежде, проявят свою доблесть. Не желая обострять в довольно сложной ситуации отношения, Агамемнон, как опытный политик и ритор, тут же меняет тон и снимает

⁶ Букв.: «глядя исподлобья» (hupódra idòn), также формульное выражение.

⁷ Букв.: «что за слово выскочило из ограда твоих зубов?», формульное выражение.

⁸ Примечательна резкая смена тона Агамемнона, который тут же меняет эпитет Одиссея: если раньше, порицая его, он называл Одиссея «полным злых коварств», то теперь, когда он стремится к примирению, в связи с той же способностью Одиссея почтительно характеризуется как «многоискусный / изобретательный» (polumèkhanos).

⁹ Букв.: «сказано ныне недоброе / злое» (ti kakòn nûn eîgètai).

¹⁰ Aressomèth', т. е. 'достигнем согласия, уладим'; представляется вполне оправданным считать и этот глагол в данном контексте метаречевой характеристикой (= 'обсудим это и достигнем соглашения').

свои замечания, призывая Одиссея не обращать внимания на сказанное. Моделируемые реплики диалога сопровождаются авторскими ремарками метаязыкового / метаречевого характера (в тексте выделены подчеркиванием). Примечательно, что для этого у эпического поэта были в том числе и готовые формульные выражения (скорее всего, хотя бы отчасти доставшиеся ему от предшественников по поэтической традиции), которыми он и в этом случае воспользовался. Интересно также, что собственно языковые / речевые действия сопровождаются паралингвистическими характеристиками (взгляд исподлобья у Одиссея, примирительная улыбка у Агамемнона). В результате образуется достаточно полная и детализированная модель речевого конфликта и его разрешения. Такой первый уровень метаязыкового моделирования в этом пассаже.

На следующем уровне метаязыкового моделирования мы имеем дело уже не с характеристиками речевых действий героев, а с моделированием метаязыковых / метаречевых высказываний самих героев в ходе их речевых действий (в тексте выделены курсивом). Герои не только высказываются относительно внеязыковой реальности, но и определенным образом квалифицируют свои и чужие речевые действия. Одиссей, выразив общее удивление словами Агамемнона («Речи какие...»), в завершение своей реплики определяет речь Агамемнона как лишенную реального значения («слова произнес ты пустые»), не соответствующую действительности. Агамемнон, желая уладить конфликт, во-первых, подчеркивает, что его высказывание не следует понимать как оскорбление или желание акцентировать более низкий социальный статус Одиссея (лица, которому могут отдаваться «приказы»), а во-вторых, предлагает не считать произнесенное действительным и найти в дальнейшем примирительное решение возникшего конфликта (ссылка на богов должна усилить действие высказывания).

Примечательно, что далее поэма демонстрирует иной вариант реакции на критику Агамемнона. Менее амбициозный, чем Одиссей, Диомед, которого Агамемнон также упрекает в медлительности, не только не возражает ему, но и обрывает соратника, пытающегося сделать это. Диомед объясняет свое поведение тем, что положение Агамемнона как предводителя всего войска предполагает различные способы речевого воздействия:

Я не вменяю в вину, что владыка мужей Агамемнон
Дух возбуждает к сражению пышнопоножных данаев.
(413-414)

Таким образом, в конечном счете метаязыковое моделирование (на обоих уровнях) в поэме представляет собой часть личностной характеристики героев.

Репертуар метаязыковых / метаречевых обозначений, использованных в разобранном эпизоде, крайне скромнен. Это слова, обозначающие высказывание (*épos / érea, múthos*, переводятся обычно как «слово / слова», «речь / речи»), а также общие глаголы речи и синонимичные выражения (*phēmí, phōnéō, pros-audáō [érea pteróenta]*, переводятся как «говорить / сказать»). Есть также глаголы, обозначающие специфические речевые действия (*keleúō* ‘повелевать, приказывать’, *peikéō* ‘бранить, порицать’). В тех случаях, когда прямых обозначений оказывалось недостаточно, использовалась метафора: несостоятельность высказывания обозначается как его «ветреность» (*anemōlia*, что равнозначно русскому *пустословие*, ср. также выражение *слова на ветер*). Сюда добавляются паралингвистические характеристики: мимика, сопровождающая высказывания (враждебный взгляд, улыбка). Этого скромного инвентаря оказывается вполне достаточно для того, чтобы обеспечить метаязыковое моделирование на обоих уровнях: и для характеристики речевых действий героев (авторские ремарки), и для передачи метаязыковых высказываний самих героев (метаязыковая активность героев в составе их речевой деятельности).

Поэзия и правда: литературная модель и реальность

Разумеется, у нас нет возможности проверить, насколько «реалистично» моделирование речевой деятельности в древнем эпическом тексте. Вполне возможно, что некоторые из высказываний реальных воинов архаической Греции на поле брани могли быть достаточно далеки от степенных речей героев «Илиады»¹¹. Тем не менее, не следует выводить свидетельство поэта за рамки реальности. Во-первых, наличие длительной поэтической традиции – также речевая, дискурсивная реальность, хотя и особого рода. В ней были выработаны метаязыковые / метаречевые клише-формулы (такие как «пернатые слова» в приведенном примере), свидетельствующие о том, что метаязыковые / метаречевые характеристики в эпическом тексте были привычным, часто повторяющимся явлением. Во-вторых, представленные в поэтическом тексте модели речевых действий и метаязыковые / метаречевые характеристики вряд ли никак не соотносились с той речевой реальностью, в которой жили поэт и его слушатели. Во всяком случае, они отражали некоторые нормативные представления о речи, существовавшие в языковой общ-

---

¹¹ Об этом свидетельствуют и дошедшие до нас фрагменты ранней греческой лирики: некоторые из авторов, не связанные традициями высокого жанра (например, служивший воином-наемником Архилох или Гиппонакт), не стеснялись в выражениях, благодаря чему наши знания о раннем состоянии древнегреческого языка несколько богаче, чем если бы они ограничивались языком эпоса и торжественной лирики.

ности¹². В-третьих, привычность метаязыкового / метаречевого моделирования, засвидетельствованная эпическим текстом, говорит о привычности метаязыковой / метаречевой активности в языковой / коммуникативной общности. Таким образом, поэтический текст оказывается достаточно надежным свидетельством метаязыковой / метаречевой активности носителей языка как одной из прагматических составляющих коммуникативного процесса. Отраженная (даже дважды) языковая рефлексия еще раз указывает на то, что метаязыковая активность — необходимый элемент существования языка.

Л и т е р а т у р а

- Арутюнова Н.Д.* Наивные размышления о наивной картине языка // Язык о языке. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 7-19.
- Рождественский Ю.В.* Общая филология. М.: Новое тысячелетие, 1996.
- Ромашко С.А.* Язык и речь в Ветхом завете // Язык о языке. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 543-557.
- Язык о языке / Под общим руководством и редакцией Н. Д. Арутюновой. М.: Языки русской культуры, 2000.
- Cassirer E.* Die Sprache und der Aufbau der Gegenstandswelt // Cassirer E. *Symbol, Technik, Sprache*. Hamburg: Meiner, [1932] 1985.
- Gauger H.-M.* Wort und Sprache. Tübingen: Niemeyer, 1970.
- Hoeningwald H.M.* A Proposal for the Study of Folk Linguistics // Sociolinguistics: Proceedings of the UCLA Sociolinguistic Conference 1964. The Hague, Paris: Mouton, 1966.
- Jakobson R.* Linguistics and poetics // Style in language. Ed. by T.A. Sebeok. Cambridge (Mass.): The MIT Press, 1960. P. 350-377.
- Niedzelski N.A. & Preston D.R.* Folk Linguistics. Berlin ; New York: Mouton de Gruyter, 2000.
- Olschansky H.* Volksetymologie. Tübingen: Niemeyer, 1996.
- Romaschko S.A.* Zur poetischen Technik Hesiods: Erga 760-764. – Listy filologické. 115. 1992. 1, 115-119.
- Sprachgefühl Sprachgefühl? Vier Antworten auf eine Preisfrage.* Heidelberg: Lambert Schneider, 1982.

---

¹² Разумеется, нормативные представления и реальные действия могут расходиться достаточно сильно. Тем не менее, до тех пор, пока норма не оказывается отброшенной полностью, она продолжает оставаться определенной *социо-культурной реальностью*, характеризующей данный социум.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Запись дискуссии, проходившей в рамках рабочего совещания «Культурные факторы воспроизводимости в дискурсе» 02 декабря 2004 года в Пушкинской гостиной филологического факультета МГУ

В дискуссии принимали участие: д.ф.н., проф. Ю. А. Сорокин (ИЯз РАН), к.ф.н., доц. М. Л. Ковшова (ИЯз РАН), к.ф.н., доц. С. А. Ромашко (ИНИОН РАН, ИЯз РАН, МГУ), д.ф.н., проф. В. И. Борботько (РСГУ), Е. В. Черникова (писатель, радиожурналист), д.ф.н., проф. Л. О. Чернейко (МГУ), к.ф.н., доц. Т. Б. Дианова (МГУ), д.ф.н., проф. Т. Д. Венедиктова (МГУ), д.ф.н., проф. Д. Б. Гудков (МГУ), д.ф.н., проф. В. В. Красных (МГУ).

В.К. (Виктория Красных) Ну, что ж, коллеги, давайте начнем. В-первых, наша сегодняшняя встреча будет записываться на видеомэгни-тофон. Делается это для того, чтобы потом, при расшифровке, не сделать ошибки и не приписать какие-либо слова другому человеку, чтобы никому не было обидно. И, во-вторых, как вы видите, сегодня на нашей встрече не присутствует Вероника Николаевна Телия. Она, к величайшему сожалению, приболела и не смогла прийти, хотя и рвалась к нам. В любом случае она передавала нам всем огромный привет. И она очень надеется, что ее идеи – а ее основные идеи были на руках у основных и самых активных, как я надеюсь, участников, – что эти идеи будут сегодня обсуждаться каким-то образом. Кроме этого, виртуально с нами присутствуют Игорь Васильевич Ружицкий, в силу объективных причин он не смог сегодня прийти, но он прислал заранее свои материалы, и Ирина Владимировна Захаренко, с которой я накануне обсуждала вопросы сегодняшней дискуссии по телефону.

И вот сейчас мы уже начинаем нашу работу, но прежде чем обсуждать что-либо, я позволю себе представить основных участников... в первую очередь для наших молодых коллег, чтобы вы знали, кто у нас сегодня в аудитории. Я уверена, что многих вы, конечно, знаете, если не в лицо, то уж по крайней мере по работам. Я начну с Вас, Людмила Олеговна, если можно...

Л.Ч. (Людмила Чернейко) Да, я крайняя...

В.К. ... хотя Вас, конечно, все знают. Сергей Александрович Ромашко, Дмитрий Борисович Гудков, Юрий Александрович Сорокин, Владимир Игоревич Борботько, Елена Вячеславовна Черникова, Татьяна Дмитриевна Венедиктова, которая спряталась среди аудитории, и Тать-

яна Борисовна Дианова, которая сидит на галерке сегодня. И, опаздывая немножко, сейчас подойдет Мария Львовна Ковшова.

Ну, а теперь я позволю себе присесть, поскольку, я надеюсь, у нас будет такая действительно рабочая атмосфера. Сегодня мы попробуем обсудить те вопросы, которые были заявлены в нашем информационном письме, связанные с культурными факторами воспроизводимости в дискурсе, и, соответственно, блок вопросов, которые связаны с человеком в языке и языком в человеке. Вообще, как это понимать и что это такое: человек в языке и язык в человеке, как они проявляются в коммуникации, непосредственно в нашем дискурсе и т. д. И позволю себе начать с некоторых своих идей, которые я сформулировала – в том числе – с опорой на идеи Вероники Николаевны. У меня получается такое длительное вступление, но я надеюсь, что оно скоро уже закончится... Итак, для меня культурные факторы воспроизводимости предопределяются – в том числе и, вероятно, в первую очередь – определенной системой координат лингвокультуры. То есть: есть некая система координат лингвокультуры. И сразу возникает вопрос: как может изучаться лингвокультура? С моей точки зрения, она может изучаться в терминах культурного пространства. То есть мы не изучаем, как мне кажется, собственно феномены материальной культуры, как, скажем, стол или какое-то произведение (произведение литературы или искусства) или что-то еще, а мы изучаем все-таки тот образ, или то представление о том или ином феномене, который актуален для самой культуры. И овнешняется это культурное пространство в определенных знаках ментально-лингвального комплекса. За этими знаками стоит определенное представление, определенное стереотипное представление, в ряде случаев – сжатые сюжеты. В связи с этим гипотезы, которые мне хотелось бы сегодня озвучить, выглядят таким образом. Если говорить о системе координат лингвокультуры, то для меня эта система предстает как совокупность осей... они не жестко разграничены, они переливаются, они переходят друг в друга, они взаимообусловлены и взаимосвязаны между собой, между ними нет жестких границ... это некие подсистемы. И эти подсистемы представлены следующим... Первая подсистема тяготеет к когнитивным исследованиям (прошу не путать с когнитивной лингвистикой)... позволю себе такую вольную метафору: по аналогии с базовым уровнем Элеонор Рош – это когнитивный базовый уровень. Основные единицы этой подсистемы – это те самые ментефакты, в которых овнешняется культурное пространство. Соответственно, если говорить о том, что такое стереотипы сознания, то, с моей точки зрения, это ментефакты в их национально-культурной аранжировке. Мне кажется так. Вторая подсистема связана с метафорическим взглядом на мир. Это

метафорический базовый уровень. И здесь элементами, основными единицами являются базовые метафоры. Они, конечно, напрямую не связаны с метафорами, которые в 1980 году придумали Лакофф и Джонсон, но тем не менее каким-то образом с ними соотносятся. Третья подсистема – это подсистема эталонов культуры. И четвертая – это подсистема символов культуры. И если мы обратимся к идеям Вероники Николаевны Телия, то мы увидим, что Вероника Николаевна предлагает шаги на пути к интерпретации языковых сущностей в контексте культуры¹. Первый шаг связан с соотношением языковых структур с базисными пластами культуры. Второй связан с установлением корреляции с кодами культуры. Третий шаг – с соотношением с различными тропами. Четвертый шаг – расшифровка собственно языкового образа в целом как знака «языка» культуры.

Вот это основные идеи, которые могут быть, как мне кажется, сегодня предметом обсуждения, хотя я на этом и не настаиваю, но мне так кажется.

А теперь я хотела бы дать слово другим, чтобы услышать мнения других участников нашего разговора.

Поскольку мы говорим о стереотипах сознания, то, соответственно, что $\square$ может стать стереотипом сознания, каковы пути его создания, то есть *что* $\square$ и *как* может подвергнуться стереотипизации?

Ю.С. (Юрий Сорокин) Все что угодно может стать стереотипом сознания.

В.К. Вы в этом уверены, Юрий Александрович?

Ю.С. Абсолютно. Самое главное...

С.Р. (Сергей Ромашко) В принципе – да.

Ю.С. Стереотипизация ... анализ ее губит. Она обуславливается простой все-таки вещью, которая всем нам очень знакома... Лениью...

В.К. Согласна, но ведь с другой стороны...

Ю.С. Мы ведь ленивые все-таки люди... иначе не выжили бы и померли, очевидно, все... И вот когда хочется полемизировать, появляется стереотип. Со стереотипами удобно, приятно... все друг друга понимают...

В.К. Это все так, Юрий Александрович. Но ведь в реальности не все становится стереотипом, а только какие-то определенные единицы.

Ю.С. А я далеко в этом не уверен. Я думаю, что мы на 95 % такие вот... шифрованные люди, между прочим.

В.К. Да но...

Ю.С. Вика, помните дзенских монахов?.. Они занимались...

---

¹ См. статью В. Н. Телия в настоящем сборнике.

Д.Г. (Дмитрий Гудков) Ну как не помнить... *(смех в аудитории)*

Ю.С. Ну Вы же должны... Вы всё читаете... так вот, как они там говорили?.. сейчас вспомню... А! Они занимались «истолкованием и укорачиванием жизни». Вот как раз когда мы начинаем уходить за стереотипизацию, то мы себе тоже укорачиваем жизнь, но все-таки на немножко. А вот когда начинаем разбираться, откуда, что и когда появилось... Нет, ну насколько мы оригинальны-то все?

В.К. Да нет, дело-то не в том, насколько мы все оригинальны. Я думаю, что в основе своей мы едва ли оригинальны. В основе своей. Потому что, если бы каждый был так уж оригинален, наверное, коммуникация бы не состоялась: не было бы общего языка. Не обязательно языка – как мы, лингвисты, его понимаем и привыкли о нем рассуждать, но языка... не было бы семиосистемы единой, да? Но вместе с тем... ведь эта семиосистема не может же быть бесконечной по количеству элементов, которые ее составляют, правда?

Ю.С. Не уверен...

В.К. Язык должен обладать ограниченным количеством знаков, правда?

Ю.С. А кто это сказал?

Д.Г. Вопрос, что мы понимаем под языковым знаком...

Ю.С. Или под семиосистемой... На вопрос о семиосистеме мог бы ответить Юрий Сергеевич Степанов, но я не буду этого делать... Но кто это сказал, что он должен быть ограничен? А почему?

В.К. Но если он будет бесконечен, коммуникация может быть?

Ю.С. А почему нет?

В.К. Если я использую знак, который...

Ю.С. Насколько я понимаю, одно существо... или как там... я не знаю, как его назвать... великий часовщик, великий мастер, кажется... он знает все языки, у него очень обширная семиосистема. Никак мы до нее не доберемся.

В.К. Все так, Юрий Александрович... Но если взять близкую Вам китайскую грамматику, там ведь есть определенные законы даже для создания новых иероглифов, правда?

Ю.С. Что-что-что?

В.К. Законы построения новых иероглифов... То есть они должны вписываться в определенную систему, использовать те элементы, которые есть... То есть да, я могу создавать новые иероглифы, но только в рамках данной системы. Разве не так?

Ю.С. Они новые иероглифы не изобретают почему-то... Они вообще очень хорошо живут в этом отношении... они тоже живут по принципу лени. Потому что они всё забыли тоже, как мы всё забываем. Вот и

они... из какого-нибудь периода Чжоу... или из ханьского периода они берут эти иероглифы, которые, казалось бы, забыты... Они их просто реанимируют... больше ничего...

Л.Ч. А можно возразить?

Ю.С. Ради Бога!

Л.Ч. Леня, конечно, дело хорошее... О ней писал Бодуэн де Куртене, о ней писал Поливанов... И как раз Поливанов объясняет многие фонетические изменения ленью... физиологической, психофизиологической особенностью речевого аппарата... и так дальше... Более того, и ассоциацию он объясняет тоже ленью. Ассоциативное мышление тоже объясняется ленью... Но мне вот кажется, что Бенвенист в одной из своих мыслей был очень прав... а эта мысль одновременно... вернее – разновременна... она принадлежит и Витгенштейну... Мысль простая: то□, что можно сказать, ограничивает и организует то□, что можно мыслить. И вот я здесь не согласна совершенно с тем, что количество знаков может быть бесконечным... как сказал в своих маленьких тезисах Дмитрий Борисович... количество смыслов конечно. Я согласна с тем, что количество смыслов на определенном этапе развития культуры и у определенного социума все-таки конечно... Бесконечны комбинации. Комбинаторика смыслов бесконечна. И соответственно... А уж совсем бесконечна комбинаторика означающих.

И вот мне кажется, что эта проблема... асимметричных отношений между означающим и означаемым, она действительно создает... прецедентные феномены, стереотипы, все что угодно. С этой точки зрения мне кажется, что воспроизводимость связана именно с тем, что... Ну, во-первых, сама воспроизводимость как фактор, очень важный, культуры... Воспроизводимость, я бы сказала, даже не просто знаков, слов, к чему мы привыкли, и фразеологических единиц, а воспроизводимость каких-то определенных синтагм... Вообще от Соссюра идет... Соссюр ставит проблему ограничения свободы говорящего. Мы привыкли к тому, что индивидуальная речь абсолютно свободна. Язык-код есть нечто заданное, а вот речь свободна. И Соссюр написал, что одна из задач лингвистики – определить факторы, ограничивающие свободу индивидуума в речетворчестве. И вот мне кажется, что есть культурное принуждение. И вот стереотипы – одно из культурных принуждений... Далее, есть проблема очень важная – это клише, шаблон, стереотип: как их развести, как их размежевать?.. Но это уже проблема металингвистическая...

Ю.С. Ну да...

Л.Ч. Я просто думаю, что, говоря о каком-то объекте, если этот объект интересен не только нам, а он интересен и многим, мы волей-

неволей находимся... Говоря об объекте, как писал Бахтин, мы непременно говорим о нем и еще обращаемся к речам о нем, которые предшествовали нашим речам, потому что мы не одиноки... не Робинзоны мы в этом мире... И мне представляется, что этот диктат сказанного до нас об интенциональном объекте, он в культуре и вообще в нашей речевой деятельности основополагающий.

Ю.С. Я бы со всем с Вами согласился...

Д.Г. А можно я?

Ю.С. Дай я скажу, а то я забуду...

Д.Г. Да-да...

Ю.С. Сейчас скажу и уйду...

В.К. Юрий Александрович, куда это Вы?

Ю.С. Нет, в молчание...

Л.Ч. Уйду в себя...

Ю.С. Да. Я согласен со всем, вроде бы... все это очень красиво... но когда мы говорим о воспроизводимости культуры, вот здесь для меня возникает законный вопрос... Вот если мы говорим о воспроизводимости, то – не культуры... Вот ведь какой анекдот получается. И очевидно, когда говорят о воспроизводимости, то это не воспроизводимость знаков... чего угодно... всего остального... Это что-то другое...

Д.Г. Могу попробовать... На самом деле здесь специфика вот какая... и я с Людмилой Олеговной согласен, когда речь идет о культурном принуждении... но...

Л.Ч. Для этого мы и собрались, чтобы понять, насколько мы друг с другом согласны...

Д.Г. Проблема в том... Я Библера позволю себе процитировать, что культура выполняет двойные функции: она, с одной стороны, формирует личность, формирует свободу... я не буду сейчас обсуждать, что такое культура, с вашего позволения, вы это себе более или менее представляете...

Л.Ч. Нет, не надо... Давайте аксиоматично...

Д.Г. ... значит, формирует свободу личности, это дает ей возможности для творчества. С другой стороны... Библер как-то очень красиво сказал по поводу «воспроизводимости»... ограничивает... нет, «лимитирует детерминацию личности... (кажется, так) в границах культуры»... но не важно. Понятно, что культура накладывает на свободу личности [ограничения]... это тоже вещь достаточно очевидная... Да! и языковая экономия – это в общем понятно, и фактор воспроизводимости с этой точки зрения – это тоже понятно. Можно выйти на радикальный вариант, как у Бориса Гаспарова, который вообще объясняет, что мы вообще творчески не создаем, мы просто выдаем то, что мы запомнили

в детстве... и никакой этой системы, которая нам в учебниках рисуется, никаких этих падежей у нас там нету... в этом компьютере [голове]...

В.К. Извини, я тебя на секундочку перебыю, на самом деле эта идея у Юрия Николаевича Караулова тоже проходит...

Д.Г. Нет, ну я просто говорю, что вот так достаточно радикально...

Ю.С. У Юрия Николаевича все проходит...

Д.Г. Но здесь для меня есть два вопроса, на которые я, честно говоря, не могу для себя найти ответ. Сначала, когда мы говорим, что количество знаков ограничено, здесь вот в чем вопрос. Здесь все-таки если понимать знак в сосюрловском смысле: как тело и содержание, – то о такой ограниченности можно говорить. Тела знаков, формы знаков, да, наверное, они ограничены. Ну, если о комбинаторике, мне понятно, что, в общем... Я не знаю, математики, может, и не считают, каким-то конечным число... и сознание человека в общем безгранично...

С.Р. Кстати, это давнее заблуждение насчет бесконечности комбинаций. Так сказать, элементарные человеческие знания, они конечны...

Д.Г. Нет, я имел в виду...

С.Р. Они бесконечны в смысле бытовом... они до конца нам не известны...

Д.Г. Нет, бесконечны в обыденном, так сказать, смысле этого слова... А вот в приложении к содержанию, вот в этом все и дело, вот это, по-моему, очень любопытно. Она [комбинаторика] достаточно ограничена: один и тот же знак начинает прикладываться к настолько разному содержанию... И если говорить о той же языковой экономии... Вот Виктория Владимировна упомянула яркий пример: те же культурные коды, прецедентные высказывания и прочее... С моей точки зрения, здесь не происходит экономии, в некоторых случаях абсолютно не происходит экономии мыслительных усилий. Наоборот, гораздо сложнее все с точки зрения интерпретации получается... Приведу один пример, который я очень люблю приводить на всяких-разных лекциях и так далее... Я думаю, многие слушатели его знают, но он просто, на мой взгляд, довольно милый. Во время работы моей переводчиком, мой начальник огромное количество текстов писал, и их нужно было письменно переводить... в общем, это было совершенно утомительно... и я вышел в коридор покурить, и другой переводчик, выражая мне сочувствие, подошел ко мне и сказал: «Ну что, твой Лев Толстой? Все пишет?» Вот высказывание. Прецедентное имя, это понятно... Хорошо, стереотип, употреблю это слово, стереотипное представление, стоящее за этим именем... это 110-томное собрание сочинений академическое и прочее... Но, понимаете, ведь для интерпретации этого высказывания требуется достаточно серьезное не мускульное, да? но интеллектуальное

усилие. Гораздо проще это выразить прямым текстом. Почему мы регулярно?..

Л.Ч. Но ведь человек же еще и играющий!

Д.Г. Правильно! Вот это просто интересно. И мы ведь получаем от этого удовольствие! И это я тоже должен сказать, что, вероятно, создавая какие-то новые коды, создавая метафоры, от каких-то высокохудожественных до самых простых, и воспроизводя... причем, понимаете, воспроизводство-то идет от стандартного какого-то до каких-то совершенно оригинальных, необычных вещей. Яркий пример – попытка игры с прецедентными высказываниями в молодежной, скажем, прессе или в той же бульварной прессе. Реклама от тараканов – «Тираны мира, трепещите!» Ну, например. Можно спорить о вкусе, удачности – неудачности и так далее...

Л.Ч. Это не вопрос...

Д.Г. Но! Здесь же идут действительно постоянные какие-то переходы, действительно какие-то неожиданные варианты... Я не знаю, наверное, это можно объяснить и сказать просто, что вот, да, эстетическое чувство мы свое удовлетворяем, вот поэтическая функция языка в широком смысле слова и вот все хорошо... Но я все-таки не могу однозначно для себя объяснить вот эти факторы постоянной вот этой воспроизводимости... Причем, с одной стороны, мы все время воспроизводим, а с другой – мы все время это делаем по-новому. Извините, я не знаю, достаточно ли я ясно выразил свою мысль...

Л.Ч. Достаточно ясно.

В.К. А в связи с этим у меня возникает вопрос: а что мы воспроизводим на самом деле? Что нас держит, да? Вот то, что сейчас Дмитрий Борисович сказал... Или... когда я пыталась искать примеры у той же Токаревой, на идиоматику, на все такое, я вдруг столкнулась вот с какой вещью: там в чистом виде фразеологических единиц нет!

Л.Ч. Зато там сравнительных оборотов полно!

В.К. Сравнительных оборотов полно. Но все дело в том, что она работает на тех образах, как мне кажется, которые могут иметь разные способы овнешнения. Ведь мы часто говорим «я буду плакаться тебе в жилетку», и другой человек, соответственно, – «ну, ладно, я буду твоей жилеткой». Вот «я буду твоей жилеткой» или «я была в тот момент жилеткой»... Вот экономия это или не экономия?

Л.Ч. Это экономия, экономия в чистом виде...

В.К. С одной стороны, экономия. А с другой стороны, с точки зрения воспринимающего? Мне же нужно это все восстановить. Здесь как раз то, о чем Дмитрий Борисович говорил. С одной стороны, со стороны автора идет экономия усилий, а с другой...

М.К. (Мария Ковшова) А с другой стороны, это создание нового сюжета про жилетку.

В.К. Совершенно верно.

М.К. Это новый рассказ про жилетку ...

Л.Ч. Человек – творец, он все время действительно творец, потому что игрок.

Д.Г. То есть с Гаспаровым не согласимся?

В.К. Не согласимся.

Ю.С. Да никакой он не творец! Умоляю...

Л.Ч. Не надо с Гаспаровым соглашаться? Не надо, да?

Ю.С. Да ради Бога, можно согласиться... (*общий смех*)

Л.Ч. Не-не... Мне просто интересно Ваше мнение...

Ю.С. Нет, ну... Конечно, я в МГУ, когда я сказал, что не творец... (*смех*) Мы все тут творцы...

В.К. Юрий Александрович, уж кто бы говорил насчет того, что не творец...

Ю.С. Не, не...

М.К. А почему не творец? Потому что воспроизводит тупо? По Лени...

Д.Г. Стереотипы...

Л.Ч. Конечно, тупо воспроизводит! А филологи в первых рядах! Просто составляют авангард тупости воспроизведения ошибок! Начнем с термина «дискурсивный». (*общий смех*) Начнем с потрясающего термина «дискурсивный».

Ю.С. Да-да...

Л.Ч. Вот очень хороший вопрос поставлен: почему ошибка, воспроизводимая лингвистами, филологами, становится нормой? Потому что они... Стереотип восприятия филологов, лингвистов... Это носители высокой культуры. Берем книгу, открываем: «кристал». Ну, конечно, теперь у нас компьютер во всем виноват, раньше была машинистка.

Ю.С. Это что за книга?

Л.Ч. «Кристал». С одним «Л!» Дальше.

М.К. Правильно, экономия! (*смех*)

Л.Ч. Я не говорю об орфографических ошибках! Это ладно, вопрос... Но ведь человек, употребивший прилагательное «дискурсивный» в первый раз, он ни разу не дал себе труда обратиться к этимологии. Дальше, обратиться к русской философии. Термин – «дискурсивное мышление». Давнишний термин русской философии, которая вообще о дискурсе и понятия не имела.

Ю.С. Не имела...

Л.Ч. И лингвистическое значение термина весьма далеко, то есть его еще не было. Термина не было. Так давайте мы... я не знаю, стереотип пошатнем... или как сказать?

М.К. А может, это выработка нового междисциплинарного термина? Конечно, идет расшатывание терминологического значения.

Л.Ч. Нет-нет! Я... знаете, как... с упорством, достойным... сейчас шаблон скажу, да?... с упорством, достойным лучшего применения, идет воспроизведение вот того, в чем человек... Ой нет!.. Жанр – первое принуждение, да? Первый диктат. Я бы сказала: во что человек тупо уперся, но не скажу... Вот... Значит... техники и практики, по-моему, только «диску[□]рсные»! Ударение [в слове «диску[□]рс»], по-моему, только на последнем слоге! Меня спросили на одном из выступлений: «Почему, так?.. пафос, мол, Ваш не ясен. Ведь есть же “ра[□]курс”?» Пафос не ясен. Но ведь «ра[□]курс» – старое слово... и что-то победило. А здесь – становящаяся норма. Я спросила одного журналиста: «Почему Вы делаете ударение на первом слоге? Ди[□]курс?» Журналист, не сомневаясь ни на минуту, ответил: «Потому что в английском ударение на первом слоге». Я ему говорю: «Кто Вам это сказал?»

М.К. Кто-то сказал...

Л.Ч. «Вам кто-то это сказал?»

Ю.С. Ну, это мне напоминает «Клинику молодости»... Рекламу помните? (*смех*) «Приглашаем в Клинику молодости»...

М.К. Это вообще проблема нормы, потому что норма уже расшатана.

Л.Ч. Да?..

М.К. Да! Ведь, собственно, что[□] может быть образцом нормы? Вот предположим, даже те самые учебники по практической грамотности несчастные, которые изучают наши поступающие в вузы. Они ориентируются на тексты XIX века...

С.Р. ... которых нет...

М.К. Мало того, эти тексты уже в какой-то степени препарированы были Розенталем, потому что они не совпадают по пунктуации с авторской пунктуацией... Они уже были когда-то, да? подведены под норму, удаленную от времени написания этих текстов. Сейчас – проблема поиска образца. Но они, тем не менее, остаются для нас образцом. Образцом изложения мысли, оформления мысли, построения текста, ну, каким он должен быть. Все равно это образец. И авторитет автора, создателя этих текстов, важен для того, чтобы убедиться, что вот этот знак препинания, предположим... извините, это все из другой области, но пришло в голову... вот этот знак, например, надо поставить. На кого сейчас ориентироваться? На текст?..

Ю.С. На Гудкова.

М.К. Да, на Гудкова, который не Гудков, а Раевский на самом деле (*смех*), когда он пишет художественный текст, а значит, это уже какая-то стилизация, да? автора... Да! Вот на какой текст? Образца-то нет! Нормы, значит, нет, раз нет образца. Потому что норма вырабатывается в соответствии с каким-то образцом. Вот проблема...

Ю.С. Маш, есть еще один нюанс...

М.К. Ой сейчас, извините... Стилистическая дифференциация текстов ничего не даст... публицистический текст тоже строит свою норму...

Л.Ч. Авторитеты расшатаны.

М.К. Да! Вот проблема нормы, проблема образца. И отсюда вот это вот качание... из термина в термин, вот все грани термина можно... вот ходить туда-сюда... это колебание. И колебания эти сейчас в семантике или в употреблении слов, они именно поэтому...

Л.Ч. Ну, да.

М.К. То, что мы говорим «конечно-наверно»... как сказал только что Дмитрий Борисович, я его цитирую...

Л.Ч. Ну, да. Как сказал замечательно Ломоносов, «разномысленною вольностью Россия едва не довела себя до крайности».

М.К. Это наше. И мы продолжаем жить в этом состоянии.

Л.Ч. Мы это воспроизводим.

Д.Г. Нет, здесь... Я с вашего позволения предлагаю вернуться немножко к старому... Но здесь в Ваше подтверждение позволю себе все-таки два совершенно прелестных примера.

Л.Ч. Да.

Д.Г. Я по телевизору смотрю только спортивные передачи...

М.К. Гх-м...

Д.Г. ... я объясняю просто... Две недели назад я услышал, что «команду на поле выводит харизматичный вратарь»... (*смех*) А месяц назад в спортивной газете я прочитал – в газете (!) прочитал: «Исход матча решил...» (это про баскетбол) «Исход матча решил своей гениальной левой десницей...» (*общий смех*) и фамилия шла игрока...

С.Р. А если бы они и шую упомянули...

Д.Г. Я уже не говорю, как в другой газете, относительно политики... кстати, про воспроизводимость... я уже коллегам этот пример приводил... Там очень язвительный журналист такой, в памфлетном стиле пишет, заканчивает свою статью таким образом: «И как говаривал один персонаж, отличавшийся острым умом и сильно пострадавший из-за этого: «В Москву я больше не езду! В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов!»». (*общий смех*) Здесь с точки зрения воспроизводимости это

совершенно прелестно... Но речь идет... Это я как раз могу объяснить. Есть некие модные слова, да? Вот я сказал слово «харизматический» – и всё! Я же [ого-го]!.. А если я еще добавлю «изоморфный»... понимаете? И я вам скажу про «эзотерику»... то...

Л.Ч. Дмитрий Борисович, а ведь знаете что? Здесь очень важно... Мы ведь все время говорим о портрете адресата. Конечно, портрет слушающего определяет многие стратегии дискурса говорящего... А портрет... автопортрет? Вот он-то, мне кажется, очень важен.

Д.Г. Сознательный и бессознательный, что...

Л.Ч. Бессознательный! Ну, где Вы видели рефлектирующую личность, у которой высокий автопортрет?.. такой, да?... в большой раме Эрмитажа...

Д.Г. Лермонтов...

Ю.С. Беда в том, наверное, все-таки... Вот то, что говорили... Авторитет... Дело не в авторитете... А может, и в авторитете, я не знаю... Короче... в связи с проблемой культуры, если выразиться осторожненько... у нас нет мастеров... Но не в том смысле, что... которые гоняют там шайбу или мяч... Мастера нет. Вот проблема мастера – она сейчас из основных.

Л.Ч. Харизматического... (*смех*)

Ю.С. Не обязательно, не обязательно... Ну, они все были харизматики в какой-то мере, потому что иначе бы они не умели ладить с людьми. И вот они-то... они делали простую вещь, они не задумывались, прошу прощения, о воспроизводимости и всех прочих вещах... Они не желали нравиться, но они пытались сделать с человеком одну простую вещь, что мы, наверно, потеряли... и надолго, наверно... Они пытались расширить... ну, как бы сказать... ментальный горизонт воспринимающего, или ученика. Вот так они рассматривали культуру. А культура была богатой... Все-таки Индия, Китай, Япония... и так далее, и так далее, и так далее... Там все работы сильные такие... сильные когорты мастеров... Я уже упоминал, могу сказать, что в дзенбуддистком направлении это, например, точно совершенно: они работали на этих основаниях. Не даром они же... вот, Господи... простые приводим примеры, но... они пользовались достаточно сложной системой выбивания шаблонов из головы. Используя и парадоксальные, и непарадоксальные высказывания... Проблема коанов и так далее... Видите, это техника вот этого расширения была... И она давала прекрасные результаты. Как мы видим, они неплохо учили... Сейчас учат хуже... Правда, я не говорю обо всех. Учтите, что... эти религии – это не демократические религии, пусть вас никто в этом не убеждает. Это аристократические религии. Это для немногих аристократов. Но мы

обсуждали эту проблему... Ну а что? Действительно, так и получается, что понимают некоторые тексты, художественные и нехудожественные, от 3 до 6 процентов населения.

М.К. Это уже отдельная тема.

Ю.С. Отдельная тема, но она идет к проблеме понимания и того, что с этим делать. Ну, не населения – испытуемых... там, может быть, 150... 300...

Т.В. (Гатьяна Венедиктова) Можно в связи с этим поинтересоваться, вернувшись к вопросу о дискурсивных, так сказать, практиках? Вот какое все-таки здесь возможно решение? Потому что речь идет о проблеме достаточно локальной и в то время нас всех касающейся, да? Я не думаю, что для нас на сегодня проблема разрешима за счет упования на гениальных мастеров, потому что все равно мы имеем дело с каким-то обозримым научным сообществом. В частности, внутри этого сообщества есть лингвисты... К кому обращаться за авторитетным решением по части вот такого мелкого, ошибочного или не-ошибочного решения? По всей видимости, речь идет о том, что сообщество внутри себя, профессиональное, даже узкопрофессиональное сообщество, оно может себе положить норму? *Что* надо говорить?... Например, «дискурсивные практики» – это неправильно?

М.К. Должно.

Л.Ч. Может. Должно.

Т.В. Потому что более широкое сообщество: нас, литературоведов, историков – оно, естественно, на вас в этом ориентируется. Мы все понимаем, что «дискурсивное» – это дико по-русски, но вот как решить этот очень простой вопрос воспроизводимости? И очень практический...

Ю.С. По-моему, просто-напросто нужно объясниться. Раз и навсегда. Написать, сказать, выступить...

Т.В. Где?

Л.Ч. ... объяснить... в «Вопросах языкознания»...

Ю.С. ... что это такое. Прошу прощения: дискурс или дискурс – что это такое?

Л.Ч. Да. Да. Да.

Ю.С. И пока мы не договоримся...

Л.Ч. ... не будет ничего...

Ю.С. Так и будет... конца этому не будет...

Д.Г. Но мы не договоримся...

В.К. Мы не договоримся...

Ю.С. Договоримся! Все зависит от того, как это понимать. Но мы можем это сделать...

Л.Ч. Понимаете, какая вещь? Когда сдающий вступительный экзамен абитуриент когда-то сказал... принимал Будагов... я сдавала на ромгерм, принимал Будагов... и когда абитуриент сказал Будагову «Бальзака□», я не знаю, что с ним было... Это было что-то... Но почему же «Бальзака□» сказать нельзя, а «ди□курс» сказать можно?! Вот у меня большой вопрос... И мне бы пускай кто объяснил... Французское – понятно: «пенсне□», «кашне□» и так дальше... ударение на последнем слоге... Но и в английском в этом слове ударение на последнем слоге!.. Послушайте, вот ученый совет идет наш, по русскому языкознанию, все говорят «ди□курс». Пришла я на ученый совет по общему языкознанию, где Кибрик, – все говорят «диску□рс» как один.

Т.В. Это говорит о раздробленности вот этого самого ученого сообщества, потому что в некотором смысле спорить о том, что□ есть дискурс, и о сущности вещей можно и нужно бесконечно...

Ю.С. Вот это как раз наоборот...

Т.В. Да!

Ю.С. ... в том смысле, что они по-разному это понимают.

Т.В. Очень хорошо... Но о формальном моменте: как произносить...

Л.Ч. Договориться можно...

Т.В. Желательно договориться. Да!

Л.Ч. Конечно!

Т.В. Чтобы не тратить на это лишнее время...

Д.Г. Диску□рс – это одно, а ди□курс – это другое... (смех)

Ю.С. Это хорошо!..

Л.Ч. Это хорошо...

С.Р. Эта так же, как «портфе□ль» и «по□ртфель».

В.Б. (Владимир Борботько) Это совершенно разные вещи...

Л.Ч. Только «по□ртфель» мы понимаем, к кому мы относим, потому что за ним стоит...

С.Р. А здесь еще не выработалось.

Л.Ч. ... как бы социальный статус. «По□ртфель». Понятно. А тут...

В.Б. А здесь тоже социальный статус.

Л.Ч. Какой?

В.Б. Некоторая невежественность... в части терминов...

Л.Ч. Да, но упорствуют люди в этом невежестве!

Ю.С. Да, ведь это запомнить надо...

Л.Ч. Да. А тут – лень. Правильно, лень... я согласна.

В.Б. То же самое, когда говорят «языково□й», в лингвистической среде, научной, так?

Л.Ч. Да.

В.Б. А за пределами ее продолжают говорить «языко□вый».

М.К. Не, не говорят...

С.Р. Говорят-говорят!

Л.Ч. Говорят-говорят...

С.Р. Говорят! Без вопросов!

М.К. Не может быть!

Ю.С. Говорят!

М.К. «Языко□вый факультет» – это что такое?

С.Р. «Мы□шление» еще есть...

Л.Ч. А вы знаете, какая вещь? Я вот себя поймала на чем... на такой рефлексии, да? метаязыковой. Я произношу...

В.Б. «Рефлексия» или «рефлекси□я»? (*смех*)

М.К. В научном [стиле] ударение на «и»...

Л.Ч. «Рефлекси□я». Но я всегда сверяюсь с источником, когда я сомневаюсь... Я поймала себя: зачем я упорно повторяю «диску□рс», когда аудитория упорно говорит «ди□курс»?

М.К. И зачем?

Л.Ч. И я поняла. Затем, что я хочу отделить себя от аудитории.

М.К. А-а, «свой – чужой».

Л.Ч. Конечно. Это очень все просто. А это тоже воспроизводимо, «свой – чужой»... И я хочу языком пользоваться как «социальным паспортом»...

Е.Ч. (Елена Черникова) У нас в прошлом году студентка на «пять с плюсом» заканчивала факультет журналистики, и в названии ее дипломной работы был как раз «ди□курс» или «диску□рс». И она на предзащите произносит «ди□курс». Я говорю: «Маша...» ... с шикарным дипломом, все на пять с плюсом... Я говорю: «Маша, а может быть, все-таки диску□рс?» На всякий случай уточняю... И Маша делает дополнительное ударение именно на первый слог – «ди□курс», потому что «многие уважаемые мною люди так говорят».

М.К. Ссылка на авторитеты, воспроизводимость...

Е.Ч. «А что, если мы обратимся к источнику? Допустим, из какого языка...» Но она мне говорит: «Но так *уже*□ говорят уважаемые мною люди» (*смех*). На этом наша дискуссия закончилась на предзащите в ее пользу.

Ю.С. Да, ладно... Но мы куда-то уехали в сторону... Что такое этот спор для культуры, кстати?

Л.Ч. Но давайте все-таки... Первое: «ди□курс» или «диску□рс»?

С.Р. Ну, «диску□рс», конечно...

В.К. «Мы говорим не ди□курс, а диску□рс...»

С.Р. Здесь все понятно, потому что так говорили древние римляне.

Ю.С. Вика, мы уехали куда-то

В.К. Мы уехали, и надо возвращаться.

Ю.С. Что такое, хотелось бы мне знать, «коды культуры»? Кто мне объяснит, что такое «коды культуры»?

М.К. Жалко, что нет Вероники Николаевны...

Л.Ч. Коды культуры?

Д.Г. Я могу...

Л.Ч. Ну, вот кирпич... Кирпич – один из кодов культуры.

Д.Г. Нет, ну кирпич – это единица кода...

М.К. Одного из...

Л.Ч. А, единица... А коды культуры какие? Музыка... У чего есть свой язык... Живопись – код культуры...

Д.Г. Мы говорим немножко о другом...

Л.Ч. О другом?

С.Р. Можно я с более фундаментальных вещей начну? Мы начали с менее... в каком-то смысле, с менее [фундаментальных]... во всех отношениях... В том числе с ближайших к нам вещей. Понятно, что нам про знак и прочее легче рассуждать. Это мы можем. Я бы все-таки развернул, поскольку речь идет о культурных факторах, да? и попробовал посмотреть на это со стороны вне... находящейся вне собственно знака... и напомнить о том, что в немецкой гуманитарной традиции есть такой не очень, правда, чистый, но тем не менее неплохой термин «жизненный мир» – *Liebenswelt*, который, конечно, в значительной степени... вот этот жизненный мир определяет и в том числе воспроизводимость в дискурсе... и во многих других вещах. Вопрос, однако, заключается в том, что структура этого жизненного мира может быть очень разной. Очень хорошо его изучать на так называемых примитивных примерах. Взять архаичную культуру, у которой нет по-своему ни прошлого, ничего... Люди живут вот в том мире, в котором они живут... да... Какой-нибудь папуас там...

Ю.С. Ой, как хорошо я его понимаю... (*общий смех*)

С.Р. ... он живет вот миром своей деревни, ближайшей горы, леса, ручья, побережья...

Л.Ч. Детский мир у него...

С.Р. Ну, мы говорим – детский, да. Ну, нормальные...

Л.Ч. ... детский мир.

С.Р. ... нормальные люди... Вот там мы можем сказать, что примерно вот это окружение и будет подсказывать ему, что надо брать за основу в качестве каких-то элементов действительности... Когда мы двигаемся немножко дальше, у нас сразу начинают возникать интересные вещи... Вот возьмем, скажем, такую, надеюсь, известную книгу, как *Ветхий завет*... Это уже ступенечка дальше, да? Это уже люди вышли

из родной деревни... Я так напомним, что люди, которые создавали Ветхий завет, они по происхождению кочевые пастухи... Ну, в общем, бедуины такие... Но, видимо, плохо стало с пастбищами, и они двинулись на запад...

Д.Г. Разбойничали там, помимо... пастбищ...

С.Р. Ну да...

В.К. Ну, это уж как получалось...

Ю.С. Пограбить хотелось, Господи...

М.К. Не отвлекайтесь...

Д.Г. Нет-нет...

С.Р. Ну, для кочевого пастуха это нормальная часть его жизни... Ну, вот они двинулись на запад, пришли к морскому побережью... Хороший климат средиземноморский, культура уже есть там... оседлая, земледельческая... И собственно говоря, Ветхий завет создавался уже вот в этих новых условиях. Но! Если мы посмотрим на то, какие опорные моменты в их представлении о жизни существуют, то мы обнаружим, что они еще из старой жизни, из кочевой. То есть *что* такое «дом родной» для ветхозаветного человека? Это шатер. Не тот дом, в котором он живет уже реально, который уже из прочных материалов, а еще дом... который еще два, три, четыре века назад был. Он его еще не забыл вот в этом... наборе воспроизводимых элементов. Что такое для него родной очаг? Это шест, на котором вот... шатер держится... Вот это самое, так сказать, в его жизни главное...

Д.Г. Arbor mundi.

С.Р. ... вот этот шест поставить, так сказать, а на него дальше... уже все накручивать...

Ю.С. А «дом, который построил Джек»?

В.К. Это уже гораздо позже...

С.Р. Это уже дальше... Скажем, какая самая страшная стихия для него? Море, конечно. Вода. Там всякие чудовища водятся, жуткие... Левиафаны там, всякая пакость, так сказать... В степи ничего плохого нет. Если вы посмотрите Ветхий завет, там хотя и бывают бури песчаные, вообще-то это так, мелочи, все нормально... А вода – это кошмар. Самая страшная смерть в Ветхом завете – это, конечно, в пучине водной. Хуже ничего быть не может. Сгореть – это гораздо лучше... Значит, вот... уже появляется такая память... И кстати, то, что Вероника Николаевна, написала... там как раз у нее вот по этой части уже и есть... И когда мы начинаем двигаться... это только первая ступенечка, то есть уже вот появляется вот такая глубина определенная. Чем дальше мы движемся по цивилизационной... так скажем... условно... лестнице... или как... не знаю... тем больше вот таких вот... сдвигов и, соот-

ветственно, страниц памяти у нас образуется. Больше того, чем дальше мы движемся, тем больше мы открываемся каким-то чужим пространствам... И если мы посмотрим, скажем (в этом смысле русский язык достаточно характерен)... если мы посмотрим, что у нас водится в жизненном мире, отраженном в воспроизводимых элементах речевых... то мы там найдем массу интересных вещей. Ну, во-первых, Россия – родина слонов... естественно... Потому что дедушка Крылов нам слона подарил, проказницу-мартышку и целый ряд, так сказать... Попугаи у нас, естественно, летают, сами представляют, кругом окружают нас попугаи... Вообще говоря, я должен заметить, что такое симпатичное животное... осел, для нас совершенно родное... не водится в среднерусских лесах... Это южное животное, и в сердцевиной России его, вообще говоря, нет. Это чужое животное.

М.К. Но ругают ослом легко...

С.Р. А?

М.К. Называют ослом легко при этом.

С.Р. Да! Совершенно родное...

Д.Г. И черепахой называют...

С.Р. Но если спросить людей, кто видел осла когда-нибудь... и уж тем более в реальной жизни, так сказать, не в зоопарке, не в цирке...

М.К. Он покажет на соседа...

Л.Ч. И баобаб никто не видел...

С.Р. И баобаб!

Л.Ч. А живем мы баобабом...

С.Р. Нет, но осел-то ведь совсем родной!..

Л.Ч. Текстовые знания...

С.Р. Если слово «попугай»... мы осознаем, что это экзотические животные... то осла мы уже экзотическим не считаем, тем не менее это не наше животное... чужое... Вот... То же самое с историей... Где тот самый «гордиев узел»? И когда, да? «Варфоломеевская ночь»? Откуда к нам прибрела? То есть вот образуется такая огромная масса вещей, которые в значительной степени и составляют наш жизненный мир... Там, я не знаю... что-то происходящее где-то на другом конце планеты может составить для нас чрезвычайно важную вещь... Иногда до анекдотических доходя... когда все следят за происшествием в какой-либо стране, к которой мы вообще, строго говоря, отношения и не имеем. Бывает... Таким образом, возникает очень сложная структура, которая, конечно, диктуется каким-то способом жизни, но... конечно, не ближайшим окружением... не простейшими отношениями... Но при этом какая-то часть старых сохраняется как базовая, архаичная... Она иногда в каких-то элементах оказывается очень устойчивой. Иногда даже мы,

специалисты, не можем до конца уже ответить на простой вопрос, а что □ это, собственно говоря, значило для... Люблю приводить пример «сгореть дотла»... Кто мне скажет, что такое «тло»?

Л.Ч. Земля.

С.Р. Вы знаете.

Ю.С. Что?

С.Р. Тло.

Л.Ч. Земля, почва.

С.Р. А-а... Не пугай меня. А что такое апостиль?

С.Р. А-а-а, вот... (*смех*) Это уже немножко из другого... А вот на вопрос «не видно ни зги» до сих пор никто сегодня ответить не может, что это за «зга» такая.

Л.Ч. Это что-то у... лошади...

Ю.С. Не-не...

М.К. Версий много!

С.Р. Вариантов много... вариантов 15 уже, но вот... С «тлом» понятно, потому что по-сербски «тло» – так оно и есть «тло», да?

Л.Ч. А вот «зги» нет...

С.Р. А вот «згу» потеряли. Но она у нас есть, понимаете? Откуда она пришла?... Из какого?..

Л.Ч. «Сгинуть» поможет?

Д.Г. Здесь вопрос как раз... проблема синхронии нормального сознания, этимология здесь не работает... Я, кстати, замечу...

С.Р. Нет, понятно, нет... Я просто говорю о том, насколько вещи иногда оказываются цепкими. Уже давно потеряно вообще все!..

Д.Г. Нет, но здесь, понимаете, здесь...

С.Р. Но эта «зга» – она у нас есть.

В.К. Да нет у нас «зги»! Нет у нас ни «тла», ни «зги»!

Д.Г. Я прошу прощения, но взять «всю подноготную»... Знаете, в школах любят рассказывать, откуда это... и «доподлинная правда», да?

С.Р. Да!..

Д.Г. И прошу прощения, то, что, кстати, многие не знают, – «закручивать гайки». Современное сознание однозначно переводит как механистичную метафору, да?

В.К. Конечно!

Д.Г. Да, общество – механизм. Да. Социальный механизм. Соответственно, «начальник закрутил гайки – ослабил гайки». Что это связано с «испанским сапожком», да? это... уф-ф...

Л.Ч. ... не соотносят...

Д.Г. ... этимологически... у нас это совершенно не работает. Я не знаю... понятно, это калька...

М.К. Но это знание может быть потеряно. Главное – что □ остается.
Д.Г. Да!
С.Р. Нет, я говорю о том, что остается...
М.К. А остаются какие-то оппозиции...
Д.Г. Можно я...
М.К. ... какие-то смыслы...
Д.Г. Можно я закончу по поводу осла?
М.К. ... которые держат это.
Д.Г. ... по поводу осла. Просто это очень интересно, что... осел-то – это одно, правда? А ишак – это совсем другое.
Л.Ч. Да, совсем другое.
Д.Г. Да. Но вообще это одно и то же животное, хочу обратить внимание... «Ослить» – это одно, а «ишачить» – это другое. Вот что тоже любопытно.
Л.Ч. Потому что они... концепты разные.
Д.Г. Да!
Ю.С. Ой! Я всё!
В.К. Давайте не будем использовать слово «концепт»...
Ю.С. Теперь слово «концепт»!
М.К. А мне кажется...
Л.Ч. Нет, «концепт» не будем...
С.Р. Кто сказал слово «концепт»? (*общий смех*)
М.К. Нет, я про концепт не буду. Я просто зацепилась за то, что сказал Сергей Александрович Ромашко... Я вот думаю тоже... на своем материале, фразеологии, да? И вот близко к тому, о чем Вы говорили. Спорить о том, что фразеологизм воспроизводим, нечего... Он воспроизводим, это воспроизводимая единица. Почему?
Д.Г. Почему? Вот! Почему?
М.К. Можно, конечно, было бы сослаться на то, что... Я думаю, действительно: почему? Отвлекшись от всего того, что было сделано до меня, но не без того, чтобы обратиться к нашим общим разработкам, вот то, что мы делаем... Телия, Красных, Гудков... Вот я думала: почему? Ну, можно было бы сослаться на то, что это сложная свернутая семантическая структура. Он маленький текст, но в нем много типов информации. Он экономит наши средства, силы, мы в одном фразеологизме передали массу типов информации: указали, что □ происходит, оценили, изобразили, передали впечатление, эмоцию... Там есть все. Он маленький, но емкий. Аккумулировали, передали. Да, наверное, просто семантическая структура такова, что она удобна для того, чтобы быстро ею... фразеологизмы быстро передают много всего. Одним – много. В одном... два в одном, три в одном, там десять может быть в одном. Ну, не

десять – пять мы исчислили макрокомпонентов. Да, пожалуй, вот это... Потом я подумала: может быть, это метафора... или любое тропеическое основание, не только метафора... просто потому, что он построен на тропе. Тропеическое основание создает вот такое... неточное, игровое описание жизни. В таких вот двух планах, когда идет смещение, когда интересно посмотреть «как если бы», когда интересно поиграть... и вообще все, что связано здесь с игрой, с метафорой... Тут можно много говорить о том, что культура построена на двуплановости. На реальности – нереальности. На неопределенности передачи описания. И поэтому фразеологизм как такой игровой, или построенный на таком тропеическом механизме, знак... он поэтому и воспроизводим. Он хорош потому, что хороша игра. Мы любим играть, мы любим все видеть в такой... в картинке «как бы» – вот через «как бы», «как если бы». Вот... А потом мне захотелось переступить ногой в другую семантическую область – культуру, и вот здесь я... Значит, можно было бы говорить метафорами, что фразеологизм аккумулирует в себе культурные знания, различные пласты, которые мы получаем (вот то, что Вы сказали) страшно схематично, очень неточно, но самое главное, вот, обобщено до предела, да? Отвлечено от чего-то, может быть, исконного, что лежит в основе этого понятия, но мы от этого отказались. Мы взяли то, что соответствует нашему «представлению о», нашему, может быть, стереотипному «взгляду на». И мы этим оперируем, потому что мы условились: это наши слова, за которыми стоят культурные представления, да? Какая-нибудь картинка, общая для всех. Мы ею переключаемся. Вот... Но тут вот в чем, мне показалось, такая хитрость, а может быть, и объяснение того, что производимое воспроизводится часто. Мне кажется, что вот в них имена... все имена, все слова... вот о чем Вы говорили... «осел» ли, там «крыша», которая «поехала»... И «крыша», и «поехала», и «осел», и вот «как в воду глядел», и вот «вода»... я взяла все фразеологизмы с водой: «водой не разольешь», «воды не замути», «как в воду глядел», «в огонь и в воду» и посмотрела, что оказывается... Но я не знаю, может, я кого-то воспроизвожу сейчас?..

Л.Ч. Сама себя, наверно.

М.К. Нет, наверняка, и до меня это было кем-то сказано. Скорее всего, Вероникой Николаевной. А я запомнила и не помню источник... Так вот. Мне кажется вот что: в чем суть воспроизводимости таких знаков? А может, и не только фразеологизмов. В том, что там имена – это не имена языковые. Это слова... как сказал Юрий Александрович, культуры. Это культурные слова, которые...

Д.Г. ... единицы кодов культуры...

М.К. ... абсолютно все... Да, вот я возвращаюсь к тому, что говорил Дмитрий Борисович. Вот я как раз и хотела сказать, что и «вода» – это не вода с природными ее свойствами. «Пройти огонь и воду». Уберем «огонь»... огонь все-таки вызывает какую-то активную память тела: нам страшно. «Пройти огонь» – уже плохо, субъективно, эмпирически и так далее... «Пройти», значит, «огонь и воду»... «воду пройти за кого-то» – это ведь не вода с ее природными свойствами. Это уже не вода. Не имя природной сущности, не имя того, что нас окружает... как и «огонь», как и «крыша», как и «съехала», как и «глядеть», как и «водой не разольешь», там не «водой» не разольешь... Это все не знаки языковые...

Л.Ч. Да.

М.К. Это все культурные знаки, за которыми стоят уже целые имена: либо ситуации, либо это символ, либо эталон...

Л.Ч. Это уже символика...

М.К. А самое главное...

Л.Ч. ... символика...

М.К. Я думала про воду, я взяла одну воду... Оказалось, что вот «как в воду глядел» – это эталон. Мы меряем вот этим действием, где вода включена как эталон... не знаю, надо думать об этом... эталон, мифологема... мы об этом много думаем и говорим... но это эталон, мы меряем... «Он знает так, как в воду глядел»... И у нас вот концепт... Ой! Нельзя? (*общий смех*)

С.Р. Попрошу не выражаться!

М.К. Мы хотим здесь... занимаемся здесь описанием концепта... ну, что ли, «будущего»... можно так сказать? Хотя грубо, приблизительно?

Ю.С. У-хм!

М.К. Мы хотим знать... концепт «знание», пускай «знание» – шире...

В.К. Ну давай обойдемся без концепта.

М.К. Не-не, там внутри знание будет, там будет расширение... Вот концепт «знание». И мы для этого концепта «знание» берем «воду»...

Л.Ч. Жанровую...

М.К. ... в одном виде – это «как в воду глядел», через ритуал. Вот Татьяна Борисовна, которая знает, что это такое...

Л.Ч. А жанр не значит?..

М.К. ... он смотрит, вода как гадание...

Л.Ч. Все понятно...

М.К. ... зеркальная поверхность, тэ-тэ-тэ-тэ... Вот это – эта вода. Она понадобилась для того... вот именно своей вот этой стороной... а она такая сложная, в ней столько культурных напластований... мы ее взяли для того, чтобы вот этот концепт осветить. Если нам нужна будет

вода «сквозь огонь и воду», это будет совершенно другая вода. За ней будет другая культура, другой пласт...

В.К. Нет, культура будет та же, там просто...

М.К. Нет-нет-нет...

Д.Г. Можно я вмешаюсь?

М.К. Да, я просто про то, что, наверно, поэтому, собственно говоря, фразеологизм уже из своих компонентов, из того, что он строится, он уже не собственно языковой знак.

В.К. Я согласна...

Д.Г. Вот можно я?

Л.Ч. А потом я.

Ю.С. Можно я пойду покурю, а?

В.К. Давайте...

Д.Г. Я не хочу сейчас вдаваться в глубины семантики. Здесь можно много что говорить... все-таки я высказываю свою точку зрения... Дело в том, что да, все-таки это некоторая редукция. Можно говорить о двух системах и о том, что единица принадлежит двум системам: вода ли... ну, я больше телом занимался: нос, рот там и так далее... Конечно, это все-таки знак и естественного языка, и знак вторичной, выражаясь словами Барта, семиотической системы, да? Другой вопрос, что они находятся все-таки во взаимодействии. И когда... Да, и с чем я все-таки не очень соглашусь, что это другая вода. Это... На самом деле, вот если говорить о вторичной семиотической системе... вот скажем, условно говоря, природного кода, да? Вот скажем, вода, огонь там и так далее... вот... она будет изоморфна, вероятно... системе естественного языка, и здесь надо говорить просто о полисемичности.

М.К. Я думаю, нет.

Д.Г. Я считаю, что это полисемия.

В.К. Я не думаю. Во-первых, она не будет изоморфна.

М.К. Вот! Я думаю, нет.

В.К. Она не будет изоморфна. И там нет полисемии!

Ю.С. Все проще! *(смех)* Фразеологизм – простая вещь на самом деле. Вы знаете, что?

В.К. Ну?

Ю.С. То, что мы говорили. Это умерший или умирающий дискурс.

М.К. Не согласна!

Ю.С. Больше ничего там нет!

М.К. Не согласна!

Ю.С. И вся вода Вам будет переливаться там!

М.К. Не уходите, я Вам скажу! *(смех)*

Ю.С. Ну, дайте покурить! *(смех)*

М.К. Нет! (*смех*) Смотрите: с помощью воды... «как в воду глядел»... с помощью этого зеркала, которым... никто уже этим не занимается... Не знаю, Татьяна Борисовна, может, меня поправит, может, занимаются... смотрят в воду, гадают на воде... может быть... Это карета прошлого, в которой, как известно... кто сказал? Никто не знает... «На дне»...

Л.Ч. Горький сказал.

М.К. Да. Конечно.

Ю.С. Ну так это...

М.К. ... на ней далеко не уедешь, но другого, Юрий Александрович, лучше кареты прошлого, чтобы проникнуть в будущее, чем фразеологизм, пока никто не придумал. Мы на этой карете едем из прошлого в будущее и назад...

Д.Г. Здесь еще есть одна проблема...

М.К. Это не умерло! Это не умерший текст!

Д.Г. И проблема в том...

М.К. Редуцированный? Конечно!

Д.Г. ... я просто скажу, что переосмысление фразеологизма, оно может происходить. Естественно, оно происходит, то, о чем мы говорили...

Ю.С. Хрен редьки не слаще... экстериоризированный или какой?

Д.Г. ... но...

М.К. Нет, Юрий Александрович, тут культурная память осуществляется.

Д.Г. Вот! Переосмысление фразеологизма...

Ю.С. Приду, вот покурю, приду, и если... (*смех*)

М.К. Э-э-э-э-э?! Свои – чужие, называется...

Д.Г. Ну, хорошо...

В.К. Но на самом деле то, что касается...

Д.Г. Минутку, я очень коротко изложу... и всё...

В.К. Верю-верю...

Д.Г. Переосмысление фразеологизма, которое, конечно, происходит... он просто меняет свое значение и так далее... все равно происходит в каких-то рамках, и все равно основывается на... я просто не хочу...

М.К. И остается значение, и всё!

Д.Г. ... я не хочу употреблять сейчас слово «архетип», я не хочу употреблять сейчас слово... еще что-то... но! Давайте скажем так... вот очень яркий пример... я его тоже все время привожу... «голубая кровь», да?

М.К. Да.

Д.Г. Ну, господа... ясно, что да, там калька с испанского, кастильцы гордились, что не смешивались с маврами... Никто этого не знает, кроме Мелеровича, Мокиенко... больше никто этого не знает, вот... и прочее... Не в этом же дело совершенно. Для современного русского есть фразеологизм, и мы его употребляем. Почему? Потому что у аристократов кровь особого цвета, да? Почему кровь особого цвета? Потому что кровь является носителем неких генетических качеств. Вот это базовое представление. И дальше структура... И она неизменна на протяжении я не знаю скольких тысячелетий...

М.К. Но это представления же культурного характера, а не натуралистического!

Д.Г. Да! Конечно! Абсолютно точно! Но опять же мы ведь знаем, да? что темперамент у нас кровью передается. Генетически наследуется у нас через кровь. «Полукровки» у нас бывают и масса других вещей... Аналогично: ну что такое орган чувств? Ну что такое орган чувств? Где у нас орган чувств? Сердце. Понимаете? Нет, ну прошедший школьный курс анатомии и физиологии уже представляет себе, что не кровь является носителем генетических качеств, не другие там... вещи... и... не в сердце чувства локализируются. Но какая разница? Культура нам диктует именно это, да! Совершенно согласен!

Л.Ч. Именно культура диктует, потому что...

Д.Г. Да! Да!

Л.Ч. ... потому что... Замечательный вопрос... У Фромма есть замечательное описание, как человек приехал исследовать к аборигенам, и они говорят: «Глупый тот, кто думает, что думает он головой». Это ведь нам навязывается... Откуда мы знаем, чем мы думаем, чем мы чувствуем?

М.К. Я согласна.

Л.Ч. Но мы говорим: «в душе»... «голова у тебя как»... «крыша поехала»... Но почему не фундамент поехал? Потому что мы думаем, что мы думаем головой. Но это ведь большой... большая мифология. Мы живем в мире мифов, и эти мифы воспроизводимы. Самый большой миф – это миф себя и миф адресата. Миф слушающего. Если хотите, миф аудитории. Мы же ведь... Вот тут речь зашла, что мы чужое берем и делаем это чужое своим, да?

С.Р. В том числе – да.

Л.Ч. Бабаба не видели, а он наш, родненький! Всё! А я думаю, проблема здесь очень большая. Она, проблема, глубокая. Она состоит в дискретности человека как существа и в континуальности мира и сознания. Вот сознание человека нигде не кончается и не начинается. А мир [человека] дискретен. И по этому поводу совершенно замечательно

сказал Якобсон: «Мир ребенка кончается детской. Все прочее мыслится по аналогии». Вот эта аналогичность нашего мышления, вот эта ассоциативность и прочие вещи... и обращение к другим, далеким вещам, которые, может быть, для кого-то романтика, а для нас экзотика... Они, эти вещи обусловлены тем, что мы довольствуемся текстовыми знаниями, потому что эмпирическое знание... ну что? где вот оно? Вот заканчивается детской! Вы эмпирически верифицировать что-то можете, проверить, но только то, что действительно какое-то физическое. Все прочее, все прочее мыслится по аналогии. Вот эта аналогия... Тело... ну, то, что, скажем, рельефно оно, именами тела передано... Но самое интересное... Слушаю текст... О журналисте Гонгадзе идет текст... «Найденное тело не принадлежит журналисту Гонгадзе». (*сдержанный смех*) Дальше. Дочь Деникина совсем недавно: «Он будет рад, если его [отца] перезахоронят». Где тот он? И чему он, тот, будет рад? [Тот,] миф о ком есть.

С.Р. Но это не мифология, это немножко другое...

Л.Ч. Ну не знаю я, что это другое. Давайте назовем это как-то... Какая разница? Это то, во что мы верим, то, что...

Д.Г. ... то, что моделирует наш мир.

Л.Ч. ... то, что моделирует наш мир.

Д.Г. И то, что, самое интересное, мы можем на уровне каких-то там лингво-философских, да? рефлексий... рефлексий...

Л.Ч. Да!

Д.Г. ... не знаю, прошу прощения...

Ю.С. Да ладно! Уже все равно!

Л.Ч. «Рефлексия» от «рефлектировать».

Д.Г. ... уже что-то выстраивать, да? Самое смешное, что в своей обыденной речи, и язык нам это навязывает, и фразеология нам это навязывает, и масса всего, мы все-таки... Да, давайте возьмем вот то, что буквально вот те же Лакофф, Джонсон говорят... язык – канал связи... Вот эта метафора и прочее... И конечно, мы можем сколько угодно говорить, что каждое понимание есть непонимание, можем цитировать Потебню про две свечи...

Л.Ч. Конечно!

Д.Г. ... его пример, замечательный... Наша обыденная речь, я за собой слежу, я все-таки знаю вот все эти тексты, будучи с ним полностью согласен, но... мы берем свои знания, когда говорим, и перекладываем в чужую голову. Что мы делаем? Конечно! Когда профессор читает лекцию, он берет свое знание, его вербализует и вкладывает в головы студентам.

В.К. Мить, ты действительно так думаешь? (*общий смех*)

Ю.С. Он хочет верить в это.

Д.Г. Я с самого начала оговорился... Нет, вы можете шутить, но проблема в том, что это... Опять же, на уровне научных представлений я понимаю, да? когнитивное воздействие, там собственные мысли рождаются, что-то я могу как-то стимулировать единственно вербально... Но это уже... другое знание... На уровне языкового моего мышления, на уровне моей речи...

В.К. Ну я понимаю – «вложить в голову», «вбить в голову» и так далее.

Д.Г. Конечно! Я только одну метафору посмотрел, которая нам навязана на самом деле, конечно, в том числе и фразеологией. Конечно!

В.К. Но с другой стороны, меня интересует... И я очень рада, что мы возвращаемся к тому все-таки, *что* нас держит, *что* мы транслируем, на *что* мы опираемся. У меня... Вот мои студенты и коллеги здесь сидят, они не дадут мне соврать... Я всегда провожу такой ассоциативный эксперимент, среди молодого поколения, студентов, да? Я спрашиваю: «Дорога – вот какой образ встает?» Вот интересно, что 99 и 9 в периоде [процентов] студентов [говорят]: это, во-первых, не город...

М.К. ... проселочная...

В.К. ... это за городом. Это, во-вторых, как правило, не асфальт, а грунтовка. И в-третьих, это, как правило, открытое пространство. У меня возникает вопрос: что навязало этот стереотип молодому жителю мегаполиса? Язык?

М.К. А вот тут хорошо было сказано: текст во многом, да?

В.К. Или тексты?

Д.Г. «Проселочным путем люблю скакать в телеге...»

В.К. Кто может продолжить?

М.К. Тексты, наверное...

Л.Ч. Текстовое знание.

Ю.С. Нет, не только...

В.К. Да, Татьяна Борисовна, пожалуйста...

Т.Д. (Татьяна Дианова) Очень многие стереотипы такого рода все-таки заданы и изобразительным рядом...

С.Р. Изобразительным, конечно!

Л.Ч. Конечно!

С.Р. Картины Левитана...

Т.Д. Шишкин, Пышкин, Коротышкин... Это наши стереотипы, которые... Понимаете, берзка...

М.К. Детское...

Т.Д. ... золотая осень... Левитан и так далее. То есть это учебник. Это во многом тексты, ставшие, так сказать, «своими» в ходе школьного

обучения и заталкивания, как бы вот... индивидуального молодого организма мыслящего... в определенную среду культурную, да? И оформление его...

М.К. Навязывание...

Т.Д. ... навязывание ему разных текстов, в том числе – текстов самоописания, в том числе – текстов восприятия, потому что восприятие готовят тоже в школе: «Давайте напишем сочинение», да? Вот оно должно начинаться – какими словами? «Лето я провел хорошо.» (*общий смех*) А заканчиваться: «Усталые и довольные мы возвращались домой». Вот так мы будем писать автобиографию. Вот так мы будем писать любой другой текст и так далее. Но это интересно... Конечно, такая стереотипизация, вот такого рода, она, на мой взгляд, требует еще одного интересного момента – выделения... зон внутри культуры, которые... как бы... более или менее... насыщены стереотипами или как бы... требуют их. Потому что... вот, возьмите свадьбу... я как бы о своем, о девичьем, да? о фольклоре... (*смех*) Культурные сценарии, которые реализуются в свадьбе и поддерживаются множеством символов и метафор, сравнений и так далее, но их довольно ограниченное количество... Это, значит, сценарий торга: «у вас товар, у нас купец»... Да? Это сценарий охоты... значит, утка и сокол, который за ней, соответственно, гоняется... или охотники: куница там, лисица и так далее, да? Что это, как не есть применение определенных... вот каких-то исторически сложившихся сценариев в конкретной ситуации. Ситуация символически плотная, очень насыщенная. И действительно, она должна быть такой, и поэтому она обрастает большим количеством этих стереотипов, то есть слои сгущаются максимально. Тогда возникает вопрос значения... Ну, «князь – княгиня», само собой... Да? «Княжеский пир» – это уже исторические вещи, я думаю. Все тут же славят их... Причем, что интересно... Все эти стереотипы... они относятся к разным уровням по тому, что предложила Виктория Владимировна, но сходятся в единых, очень коротких текстах. И это вот очень интересная вещь... Более того, внутри того же самого фольклора есть, например, зона (вот что меня поражает)... казалось бы, вот общефольклорные символы, которые означают... ну скажем так, соитие, да? такие эротические иносказания... Везде, во всех жанрах, например, будут встречаться... «конь», «колодец», совершенно нормально... «пахота»... да? Тоже культурные сценарии, которые применяются, да?... «пашня» там, «плуг» и так далее. Это везде. И только в лирических песнях почему-то – «крытьё крыш».

С.Р. Что?

В.К. «Крытьё крыш».

Т.Д. Да, и причитания...

Д.Г. Это очень лирически, видимо... (смех)

Т.Д. ... и причитания... «Чужие пашни пашешь»... да? «своя зарастает»... «Чужие крыши кроешь»...

Л.Ч. «Своя худая...»

(Кто-то из аудитории) «Своя едет»... (смех)

Т.Д. «Своя разрушается!» и так далее. То есть вот... Между прочим вот это вот «крытьё крыш» как такое эротическое иносказание нашими коллегами из Института славяноведения и балканистики не было осознано, потому что они не работали с такими крупными филологическими формами, как песни.

Ю.С. У них не было предметного мышления. Только абстрактное было, а это... (смех)

Т.Д. А работали они на другом материале. Соответственно... вот эта зона... вот в частности, эта песенность, да? И здесь идет избыточность тоже, буквально... целый ряд... вот этих отсылок... стереотипного характера, которые нас постоянно возвращают к тому, чтобы у нас возникла, возбудилась... вот именно нужная ассоциация. И чтобы она появилась, они постоянно повторяются. И мне кажется, то, о чем здесь речь шла... научный дискурс... который тоже очень плотная такая, символическая зона, которая требует постоянной метафоризации, постоянного использования разнообразных сценариев. Тем более что... меняется... во многом, конечно... предметное некое поле и представление о нем. Смотрите, сколько у нас появилось терминов за последнее время, да? «Поле», «пространство»... все время все идет как бы «вглубь», «вширь», «обретает объемы» различные... и в лингвистике в том числе... Как только входим в поле описательности... и некой... номенклатурности такой, да? тут же возникают вот эти вещи. То есть мне кажется, очень важно показать, какие зоны внутри культуры... еще являются... наиболее такими вот... востребованными... с точки зрения возникновения вот этих... этой плотности... То есть какие плотные?

М.К. А я вот вопрос, если можно, прямо к этому, вот про «крыши» и прочее. Меня вот всегда интересует: почему вот именно «крыша» туда попадает? Вот здесь она попала в фокус вот этого вот, да? эротического соединения, да?

Т.Д. Мне даже кажется, что это не совсем «крыша» – может, «кроет».

М.К. Может быть.

Т.Д. Из-за «кроет».

Ю.С. Глагол, глагол здесь ...

М.К. Может быть. Да. Скорее всего. Глагол здесь. Да.

Т.Д. Но в этом контексте, извини, «Гриша, почини мне крышу»...

М.К. Да.

Т.Б. ... выглядит уже совершенно иначе. (смех) Это не вот эту крышу [голову] почини.

М.К. Это понятно.

Т.Д. Правда?

М.К. В том-то все и дело. Ну, верх и низ, голова и другие места... тоже совпадают... в других изречениях. Там они в общем заменяют друг друга. Поэтому на самом деле вот интересно, что в разных областях... вот это фольклорные тексты, причем целый сюжет, целый жанр, тексты именно... и фразеологизмы... Вот здесь интересно посмотреть в рамках одной культуры, чем нагружены и какую функцию имеют эти имена. Они, может быть, и держат и те, и другие тексты, да? То есть они... они... междисциплинарны, что ли...

Т.Д. Да...

М.К. Они культурно нагружены.

Т.Д. Ну да, но вот здесь...

М.К. И оборачиваются разными гранями.

Т.Д. ... они связаны разными отношениями. Вот почему? Потому что в этом стереотипе оказывается все связано, потому что...

М.К. ... деятельность, жизнь...

Т.Д. ... по аналогии, по ассоциации нужен глагол, действительно «крыть», «покрывать» и так далее. Это понятно, да?

М.К. Да.

Т.Д. А затем уже срабатывает уже «крыша».

М.К. ... пошла «крыша».

Л.Ч. Ассоциации по глаголу невероятно сильны.

М.К. «Наши глазки – как салазки» – не случайно все это.

В.К. А значит – с упорством маньяка – держит нас все-таки образ.

Л.Ч. Образ. Образ, конечно.

С.Р. Образ. Но образ языковой все-таки... Я бы хотел в какой-то степени возразить. Безусловно, фразеологизм не только языковые знаки. Это понятно. Но все-таки... видимо, язык позволяет нам, скажем, сохранить нечто, что противоречит массе вещей, которым нас учат в школе, в высшей школе... Потому что язык консервирует в себе какие-то представления, которые, как вот уже говорилось, реальности, насколько мы сейчас знаем, не соответствуют. Движения здесь могут быть... тенденции разнонаправленные. С одной стороны, это могут быть представления, которые действительно могут так или иначе классифицироваться как мифологические... скажем, как «голубая кровь», да? или что-нибудь в этом духе... Вот. Есть вещи... В общем, то, что... в том числе, то, что

идет от слов, которые мы не можем на своем опыте проверить. Совершенно точно. Есть масса зон, которые нам недоступны для того, чтобы пощупать, поэтому мы что-то заимствуем. Есть и обратная вещь. Мы говорим, что солнце «восходит» и «заходит». Это то, что ровно мы наблюдаем, но это неправда.

В.Б. Оно «встает» и «садится».

С.Р. Ну, или «встает» и «садится», соответственно... Да вообще само слово «небо» бессмысленно в наше время, если задуматься. Никакого «неба» нет на самом деле, это оптический обман исключительно, это свойство нашего глаза плюс некоторое свойство...

Л.Ч. И перспектива, между прочим, это тоже свойство нашего глаза.

С.Р. И перспектива тоже... Ну, «перспектива» – это уже ученые слова, а я беру такие самые... простые. Хотя «горизонт» уже вошло...

Л.Ч. ... давно...

С.Р. ... во фразеологию, да?

Л.Ч. Конечно.

С.Р. ... и в такие вот стереотипы. То есть все-таки язык здесь очень важен, потому что...

М.К. ... аналогия...

С.Р. ... позволяет сегодня зацепиться как-то...

М.К. Да. Это я согласна. Языковой механизм работает.

С.Р. Потому что если бы он не держал... вот этих вот представлений...

Л.Ч. ... то не было бы и культуры.

С.Р. ... то не было бы и всего остального.

М.К. Он держит на аналогии, на образе, да? Вот образ и аналогия принадлежат языку.

С.Р. Образ... Аналогия...

М.К. Области языка, грубо говоря, да?

В.К. Образ – нет, нет...

М.К. Как нет? Конечно, да! Потому что образ и аналогия – вещи просто взаимосвязанные.

В.К. Они взаимосвязанные, но, с моей точки зрения, образ языку не принадлежит.

М.К. Нет, он как раз еще в языке.

В.К. Мне кажется, что нет.

С.Р. Потом... на межкультурной и на межъязыковой, конечно, [коммуникации] очень хорошо это видно... Скажем, вот в Берлине... поскольку я занимаюсь еще современным искусством... мы делали одну вещь, которая построена на... «железной дороге». Значит, сразу появляются у людей вопросы, непонятные, ассоциативные, конечно, какие-

то ряды. Я начинаю понимать, что для русского человека «железная дорога» – совсем не то, что для немецкого человека. Ну, хотя бы потому, что средняя поездка по немецкой железной дороге – это 3–5 часов. Ну, пять – это уже даже много. Обычно это так... до 4-х часов в среднем. То есть для нас это вообще не дорога...

В.К. До дачи доехать. (*общий смех*)

С.Р. Да! В принципе, да. И я начинаю вот все объяснять, что это для русского человека, который с кучей еды, так сказать, (*общий смех*) устраивается, основательно... Начинаются тут же какие-то беседы в купе, это уже, так сказать, совершенно обязательная и совершенно неведомая европейскому человеку реальность. Да? Вот сидение в купе и беседы...

М.К. ... почему так много и ест!.. Да? Съедается столько!... Целые сумки!..

С.Р. Да, когда успевают за столиком... Когда вот мужская компания собирается в купе, то успевают за минут 20–30 обсудить вообще все мировое положение. Быстро так, раз! Всё! Обсудили всё!

Ю.С. Вы забыли одну деталь!

С.Р. Да?

Ю.С. Это не сразу бывает. (*общий смех*)

С.Р. Правильно, я имею в виду...

Ю.С. Сначала надо расслабиться.

В.К. Но это нужно быстрее, чтобы потом перейти к важным вопросам мировой политики и футбола.

С.Р. Это может произойти очень быстро... Я почему назвал такой крайний вариант? Скажем, если вы едете в Питер, то времени не так много, потому обычно надо все-таки поспать потом. Но люди вот за этот час-полтора до сна, они успевают всё расставить по своим местам.

Ю.С. Я так ездил в Тверь.

С.Р. Всем политикам достается...

М.К. Да они жизнь проживают... иногда... за одну ночь.

С.Р. Ну... всяко бывает... То есть...

Ю.С. Но меня беспокоит только одно...

С.Р. Но вот сейчас...

Ю.С. А то забуду! Ну, вот что сегодня у нас как-то все язык, язык, язык...

С.Р. А что же нам еще обсуждать?

Ю.С. А может, еще что-нибудь есть?

М.К. Сознание.

Ю.С. А вот между прочим хорошая была идея о плотности!

С.Р. А вот я про межкультурную коммуникацию говорил!

Ю.С. О плотности культуры! Между прочим, никто об этом не упоминал. Но! Я боюсь, что «дорога» и даже эти коварные русские глаголы... которые вот употребляются с «крышами»... что называется «крышевать»... По сути дела имеем ведь дело с тем... почему мы зовем... Существует, видимо, я не знаю, правда, как это определить, потому что я не знаю, что такое сознание... мы имеем дело или с генопамятью, или с геносознанием. И он, между прочим... вот этот вот... вот этот инструмент, этот механизм позволяет нам, между прочим, идентифицировать самих себя, кто мы такие. Почему об этом никто не говорит?

М.К. Сейчас и поговорим.

С.Р. Сейчас будем, вот вы мне не дали... Все время мешаете мне говорить...

Ю.С. А перерыв будет, нет?

М.К. У Вас уже был перерыв.

С.Р. Очень-очень важная мысль, Маша, относительно того, что фразеологизмы – не просто так. Они, конечно, воспринимаются как какая-то энергетическая точка. И это тоже на межкультурной коммуникации очень хорошо проявляется. Есть такой тупой, стандартный, но тем не менее совершенно логичный ход, когда в каких-нибудь речах международных говорят: «Как говорит...»

М.К. Да!

С.Р. «... такая-то пословица»

М.К. Авторитет народа.

С.Р. «... соответствующего народа...» И подбирается либо тот, либо...

М.К. Апелляция к авторитету.

С.Р. Обычно чужой, да? чужой народ. Русский политик приехал во Францию и говорит: «Как гласит...»

М.К. Да, с этим не поспоришь...

С.Р. «... французская пословица...» Бац! Да? Вот она...

В.Б. А собственно, что значит «энергетическая»?

Л.Ч. Я тоже не понимаю...

С.Р. Это значит, что воспринимается как некая силовая ...

М.К. ... сгусток...

С.Р. ... точка вот в речи.

В.Б. Вы хотите сказать, что?..

С.Р. Вот можно сказать ровно вот то же самое, что сказано в этой пословице, но никто на это не обратит внимания.

М.К. Оно сильнодействующее средство.

С.Р. Это проскочит, и как бы всё... А если это пословица, то это застревает. Вот этот вот ход, он сразу...

В.К. А возникает тогда вопрос: почему застревает? – раз; почему выбрали именно это? – два; и...

М.К. А потому что обобщающий, очень генеритивный, как принято сейчас говорить, тип...

Ю.С. Какое слово?

М.К. Генеритивный. Обобщающий. Вневременной. Содержащий истину. И эта истина не объективна.

С.Р. Она не объективна, да.

М.К. Она национально, культурно специфична, но она страшно действует. Она может быть абсолютно разной. «В карете прошлого далеко не уедешь» – и это тоже истина. И застревает... по всем основаниям в голове. И образ, и сгусток вот всего... всей информации и... какая-то обобщающая...

Ю.С. Нет, ну это понятно, что они культурно обусловлены, потому что... если вот вспомнить... Один монах спросил учителя, мастера, зачем Ботхихарма пришел на запад. Ответ [звучал] приблизительно так: «Когда ты выпьешь воду из этой речки, тогда я тебе отвечу, зачем он пришел в эту сторону».

М.К. Так сказать, много воды у фразеологизма... э-э-э... (смех) Выпить трудно. А можно вопрос вот к языковому...

С.Р. Сейчас. Я только закончу просто... Я самый крайний пример привёл – это любовь наших общественных деятелей как раз к фразеологизмам для объяснения как раз русской души иностранцам. Это стандарт. Вот, я не знаю, Дмитрий Борисович куда-то отлучился... он тоже занимался переводом. Это самая веселая роль для переводчиков, когда наш какой-нибудь дядя говорит непонимающим иностранцам: «А вот я вам сейчас объясню...» У него проясняется тут [в голове]... и он говорит: «Это все равно что...» и тут следует фразеологизм...

М.К. ... непереводаемый...

С.Р. ... который стопроцентно непереводаем ни на один чужой язык. Но это просто говорит о том, что вот эта вот энергетичность фразеологизма определенным образом осознается. Даже не только она ощущается...

М.К. Да.

С.Р. Но это все – часть даже и сознательной...

М.К. Специально используется.

С.Р. ... извиняюсь за выражение, стратегии...

М.К. Да, решение остроты□...

С.Р. ... поведения.

Ю.С. Требую... требую... Караул устал...

М.К. Нет-нет-нет... А можно вопрос к языковому? Вот Вы сказали «железная дорога»...

С.Р. Да.

М.К. Вот наше представление стереотипное о железной дороге, не-совпадающее с [представлением других]... Да, вот это – культура.

С.Р. Да.

М.К. А вот «железная дорога» как метонимия. Потому что ясно, что она сделана не из железа. Вот это принадлежит языку.

В.К. Вот!

С.Р. Да.

М.К. Я про то, что метафора, образ, метонимия – вот это у языка. Это механизм создания аналогии, а иначе нам...

В.К. Согласна, у языка. Но образ, на основе которого мы все эти тропы начинаем использовать...

М.К. Вот это уже другая область.

В.К. ... вот это уже не язык. Это уже совершенно другая область. Да.

М.К. Правильно! Идет переориентировка. Мы у фразеологизма...

С.Р. Вы просто режете их...

В.К. Нет!

М.К. Нет!.. А не надо!

С.Р. Вы не найдете того места...

М.К. Нет, мы не хотим отделять плевела от...

Ю.С. Хотя Вика Красных... она не пишет...

В.К. Что я не пишу?!

Ю.С. ... художественной литературы...

В.К. А-а...

М.К. Пока еще...

Ю.С. Пока еще. Но!

Л.Ч. А уже должна...

Ю.С. Уже скоро будет... Но! Дело в том, что она права! (*общий смех*) Но!

Д.Г. «Но!» Здесь совершенно это «Но!» (*общий смех*)

В.К. Юрий Александрович, спасибо! Это тот редкий случай, когда Юрий Александрович сказал, что я права!

Ю.С. Это не язык! Нету там... Образа нет в языке!

Л.Ч. Можно мне сказать?

Ю.С. Нету категорически!

М.К. Образ – это в языке!

Ю.С. Нету там!

Л.Ч. Хотя Виктория Владимировна...

М.К. Образ – в языке!

Ю.С. Ну мы, может, сделаем перерыв, а?!

М.К. Вы опять про перерыв!

В.К. Тише-тише! Сейчас, сейчас, Юрий Александрович! Сейчас. Людмила Олеговна...

Л.Ч. Во-первых, я хочу внести логику в наши рассуждения. Позвольте. Значит, логика... Вернемся вот к тому, о чем мы говорим. Локус – «начало». Виктория Владимировна еще не пишет художественных произведений, но я с ней не могу согласиться по поводу трактовки образа, и мы никогда друг с другом не согласимся, если мы не внесем некоторую ясность и сюда. А ясность – вот простая до очевидности. Есть позиция говорящего и есть позиция слушающего. Что такое коннотация для слушающего – это мы все уже знаем. Это со-значение, которое денотативное значение сопровождает.

М.К. Это старое представление.

Л.Ч. Но вопрос-то ведь... коннотация-то ведь есть у говорящего! И тогда мы переходим в плоскость совершенно иную! Мы переходим в плоскость ассоциаций и образов предметов внешнего мира, явлений, составляющих нашу культуру... повседневную, не знаю... научную и так дальше. И вот мне кажется: разведение двух позиций – образ, идущий к слушающему от текста...

М.К. Вы хотите усложнить коммуникативную еще...

Л.Ч. Нет, я не хочу усложнить! Я хочу упростить, вернув всё к концепции языка и языковой деятельности Щербы. Я хочу упростить. Потому что есть позиция, которая называется «позиция слушающего», и «позиция говорящего». Правда, надо сразу сказать, что мы определяем... мы позицию говорящего только моделируем. Она превращенная, потому что мы имеем дело только с текстом. Мы не имеем дела ни с сознанием просто так и потому не знаем, что оно такое. Мы знаем только одну реальность. И это одна онтология – вот оно написано, и я читаю. Читаю я следующее: «Культурные факторы воспроизводимости в дискурсе». А у меня есть логический образ дискурса, и я сижу, пока вот все идет обсуждение, и думаю, а правильна ли формулировка. Она противоречит моей интуиции дискурса, моей интуиции понятия. Потому что... Мы сейчас о чем говорим? Вот есть речь. Это первая онтология. Единственная, я думаю. А дальше, все прочее – это гипотезы. И даже язык – он реальность какая, как известно? Объективная, но идеальная. Реально, физически существует только речь. Все прочее – наши гипотезы относительно устройства. Была уровневая гипотеза, она сменилась полевой, плавно и незаметно ни для кого. А структура языка? Мы можем только предлагать свои гипотезы. И сейчас мы собрались

для того, чтобы предложить свое видение объекта. Так что же в речи воспроизводится, а что свободно создается говорящим? Вот я думаю... Моя... так сказать... не семантика, а моя прагматика... она вот с чем тут не согласна, с формулировкой? Значит, есть воспроизводимость в речи каких-то фрагментов. Эти фрагменты принадлежат культуре, но культуре множество всяких кодов принадлежит, а мы говорим о языковом коде. Вопрос... Вот для меня дискурс – это и есть те фрагменты... хотите – языкового сознания, хотите... чего хотите... которые воспроизводятся. Вот дискурс – это то, что в речи воспроизводится. Или то, что ограничивает нашу свободу. И вот мы пока... Я вот всё [все рабочие материалы] прочитала очень внимательно... подчеркнула, поработала со всеми материалами, которые получила... Но я думаю, пока мы не договоримся о терминах, пока мы не решим одну конкретную задачу: вот это мы считаем дискурсом, а это – не считаем. Вот это мы считаем концептом, и можно сядь и так смотреть, а это – не считаем. Вот это подлежит семантическому размежеванию, и мы обязаны тут потрудиться. Чем шаблон отличается от штампа? Я знаю, у Виктории Владимировны были статьи... Я хочу, чтобы это... понимаете, вот... мы говорим о симболариуме, но давайте для начала терминологический словарь составим! Словарь понятий, с помощью которых мы и можем смоделировать, соответственно, и описать ту... те факторы воспроизводимости в нашей индивидуальной речи, которые... вот мы как-то и назовем. Назовем ли мы это дискурсом...

Ю.С. Почему же все-таки нет ответа... возражения насчет образа. Я все слушаю... вот образ, образ...

М.К. Ничего подобного. Было сказано...

Л.Ч. Я сказала, образ...

М.К. Была другая предложена процедура описания...

Л.Ч. Нет, я сама могу себя расшифровать.

М.К. Извините.

Л.Ч. Значит, образ с позиции слушающего – это те ассоциации по поводу данного явления... Я не знаю... очки... банальное явление, у меня есть представление об очках... в том числе – и то текстовое, с мартышкой связанное. Я все это в сознании имею. И соответственно, я... вот мое представление о фрагменте действительности... «а сейчас мы будем говорить о высоком... или о прекрасном»... значит, вот этот топик, он уже определяет, какими словами мы будем об этом говорить. Значит, образ прекрасного, мой, он будет направлять мою речевую деятельность. И он будет брать, конечно, уже кирпичи, существующие в культуре и в речи, того, что сказано до меня... И вот я из всего из этого, наверно... в этом смысле Гаспаров прав... вот из этого из всего я буду

варить свою собственную индивидуальную речь и свое собственное предлагать видение какого-то явления. Но видение этого явления и будет направлять мою речь. Вот поэтому я образ с моей, с позиции говорящего...

В.К. Я понимаю, но образ-то...

Л.Ч. А вы расшифровываете.

В.К. ... но образ-то для Вас... это, так скажем, это образ языка? Или нет?

Л.Ч. Ну, знаете, как... Тут вообще-то недавно докторскую одну оппонировала... про образ как раз... Сильная проблема... сильная...

М.К. Языка!

В.К. Не-а!

Л.Ч. Так вот я думаю, что здесь нужно образ как-то отделять. Вот тот след явления в нашем сознании, один образ, перцептивный, если хотите...

М.К. Да.

Л.Ч. ... образ. А дальше... Я лингвистический образ – я и студентам на лекциях говорю – понимаю только там и вижу только там (вполне следуя за существующими концепциями), где есть... буква «а», например... где есть одномоментное видение двух явлений, а это дает только язык. Вот когда говорят, мы...

М.К. Я не спорю, как раз я «за» то, что образ принадлежит области языка.

Л.Ч. ... мы поломаем сейчас фразеологизм и скажем... это не я сказала, это классик сказал... «душа у него ушла в валенки». Но мы-то это ломаем, создавая некий, как Вы сказали верно, новый минисюжет. Значит, мы для чего-то это делаем. Мы что-то хотим еще этим сказать...

М.К. Оживить, может быть.

Д.Г. Смысл этого сюжета понятен, только когда мы знаем старый сюжет.

Л.Ч. Конечно! Это фон – старый сюжет... вот Ваши фразеологизмы, они же действительно... на них играют... и всё... А я знала одну простую женщину, которая пословицами говорила так, как она не говорила... вообще словами... Но интересные были выражения. Она говорила ребенку: «Ты не будь, чем щи-то наливают!» Я нигде никогда не видела вот этого фразеологического...

С.Р. Может, это ошибка? «Хлебают»...

Л.Ч. А? «Ты не будь, чем щи-то наливают!» Почему «хлебают»?

В.Б. «Не лаптем щи...»

Л.Ч. Нет! Она говорила: «Не будь половником!» Пустым предметом в ее системе ценностей.

М.К. Вот этой держалой, этим пустым предметом.

В.К. Но «пустой предмет» – это же не часть языка!

Л.Ч. И какие-то еще вещи... Я не знаю, может, она их сама создала...

М.К. Правильно!..

В.К. Это не часть языка...

М.К. Но образ...

В.К. ... это выражается в языке, оно передается при помощи языка, но...

М.К. Нет, вот можно про образ? Вот все-таки, когда я говорю «как в воду глядеть»... Или «не лаптем щи хлебать» или «не будь тем, чем щи наливают». В этот момент происходит буквализация фразеологизма...

В.К. Все правильно, но...

М.К. Сейчас-сейчас-сейчас... Я воспринимаю фразеологизм, и мгновенно у меня идет отождествление вот этой картинки, которая нам дана буквальным прочтением фразеологизма, да? с той ситуацией, о которой я говорю. «Как если бы ты наливал что-то вот этим неподходящим предметом...» Вот это дано... Вот я это увидела... Наложилось. И этот образ идет в восприятии языкового знака. Говорящий передает слушающему вместе с информацией вот это образ. Он его получил, на это испытал эмоцию... Но! А где культура тут? А культура здесь все-таки...

Л.Ч. А культура – чтобы не хамить слушающему...

М.К. ... другая. Нет-нет-нет! Хотя и это тоже...

Ю.С. Когда мы будем кофедринкать, а?

М.К. Нет, культура здесь, что это нечто пустое, да? Что надо делать другим. Что вот «щи» – символ там того-то, «хлебать»...

Л.Ч. Да-да-да...

М.К. Вот это все из области и культуры, а буквальный образ, который дан в мгновенном видении, – это язык.

В.К. То, что язык, безусловно, является транслятором этого дела, тем, в чем это закрепляется, тем, при помощи чего нам это насаждается, никаких сомнений! Да, однозначно! Двумя, тремя, пятью, десятью руками «за»! Но! Когда мы говорим, что сам образ принадлежит языку...

М.К. То есть ты переходишь совсем к сознанию, ты про это?

В.К. Я думаю, что это то, что за языком стоит.

М.К. Ну, пожалуйста.

Л.Ч. Нет, ну первоначальный образ, конечно, в сознании.

В.К. Вот!

Л.Ч. Нет, ну, конечно, в сознании.

В.К. Вот об этом и речь!

М.К. Но мы его включаем в язык, потому что у нас общение, у нас речь. А язык и сознание – это соединено...

В.К. Язык – это канал, это средство. Это то же самое, что я могу сказать: образ принадлежит краскам. Но краскам он не принадлежит.

Л.Ч. Да, да...

В.К. При помощи красок, при помощи кисти я передаю, создаю и так далее...

М.К. Ну если так, тогда да...

Д.Г. Метафора, конечно, изящная, но, на мой взгляд, не очень удачная.

Л.Ч. Метафора чего?

Д.Г. Нет, ну значение принадлежит языку или нет? Очень простой вопрос.

Л.Ч. Ой, так это ж... (*общий смех*)

Ю.С. Я больше не могу...

Д.Г. Вопрос простой... Значение принадлежит языку? А если значение, то оно не только денотативно, это ж тоже понятно.

В.К. Ну все правильно. Но там гораздо более сложные штуки, которые гораздо шире...

М.К. ... гораздо шире понимания. Там и сознание, и речь, и коммуникация... Вот тогда это язык.

Л.Ч. Значение принадлежит языку.

В.К. Значение – да.

Д.Г. А почему тогда образ?..

М.К. А почему тогда образ не принадлежит языку? Я совершенно согласна с Дмитрием Борисовичем.

В.К. Ассоциации принадлежат языку?

Д.Г. Думаю, да. Они принадлежат значению.

Ю.С. Значение принадлежит языку?! Это довольно жалкое зрелище. Потому что значение – это пустышка.

М.К. Просто для нас язык... Мы его по-разному понимаем. Для Вас язык это только «б-б-б» – слова... (*общий смех*)

Ю.С. Ну понятно... (*смех*) Ничего подобного! И «пальпация» – это тоже язык.

В.К. И что, простите?

Ю.С. «Пальпация».

М.К. Это уже невербальное.

В.К. Так, уважаемые коллеги...

М.К. Юрий Александрович уже третий раз выходит...

В.К. Да, я понимаю, что Юрий Александрович уже третий раз выходит...

Ю.С. Второй раз...

В.К. Да, но я боюсь сейчас объявлять перерыв, потому что мы потеряем этот запал...

Л.Ч. Нет-нет, давайте без перерыва, вот мы закончим...

В.К. Я думаю, что мы закончим, да...

Л.Ч. И подведем какой-то итог...

В.К. Нет, подождите. У меня еще есть несколько проблем, которые мне хотелось бы довести до конца. Мы их как-то затрагивали, но... в ту сторону вообще не шли. Во-первых, это то, о чем говорила Татьяна Борисовна Дианова, и на самом деле это то, что отсылает нас к самому началу разговора: зоны «сгущения» внутри культуры, которые фактически и являются... «порождающими», очевидно, какими-то зонами, на основе которых идет стереотипизация и внутри которых идет стереотипизация. То есть они оказываются актуальными для культуры. А это вопрос, который я Вам задала едва ли не первым, Юрий Александрович: все ли то, что вокруг нас окружает, стереотипизируется? Я уточню сейчас свой вопрос. Все ли то, что нас окружает, стереотипизируется и оказывается актуальным для культуры? Мне кажется, что стереотипизируется в первую очередь именно то, что для культуры актуально.

Л.Ч. Да.

В.К. А остальное у нас «за гранью». Вот в связи с этим и был мой вопрос: всё или не всё?

М.К. Это может быть случайным. Случайное попадание.

В.Б. Ну смотрите, «Мона Лиза»...

Ю.С. Не трогай святую женщину...

В.К. Конечно, «Мона Лиза» не случайна... Она актуальна или нет? Я Вам докажу, что она актуальна...

В.Б. Нельзя говорить о ценностях вот каких-то... недвижимостях...

В.К. Вы знаете, мне кажется, что «Мона Лиза» актуальна, потому что... У нас есть «ниша» «загадочной улыбки». «Мона Лиза» эту нишу заняла. Поэтому я говорю... Например, цитата из фильма «Самая обаятельная и привлекательная»: «Крокодил с улыбкой Джоконды».

Ю.С. Да нет у нее загадочной улыбки!

С.Р. Это не имеет никакого значения.

Д.Г. Неважно, есть она или нет, важно, что она воспринимается именно так.

В.К. Всё! Значит, это уже актуально.

В.Б. Не «Мона Лиза», а пародирование, карикатуры на «Мону Лизу». Вот они актуальны, а сама она...

В.К. Нет! Актуальна сама «Мона Лиза»!

С.Р. Они не были бы актуальны, если бы не была актуальна она сама!

Д.Г. Здесь просто надо уточнить, действительно, потому что здесь большая проблема, с которой мы сталкивались. Это то, о чем мы с Викторией Владимировной много и долго говорили, когда обсуждали прецедентный текст, да? Что такое прецедентный текст и в чем отличие нашего понимания, скажем, от понимания Караулова... Когда мы говорим о прецедентном тексте, речь идет... давайте я сейчас просто скажу – об «образе текста»... и не буду вдаваться в детали... максимально упрощенном. И текст «Обломова», конечно, прецедентный для русских, хотя его читало... хорошо, если пять процентов... Поэтому могу сказать совершенно точно – имя... мы проводили анкетирование...

В.К. Да.

Д.Г. Замечу, там много было информантов в пяти разных местах... причем мы сознательно старались занижать средний уровень... там из ПТУ были товарищи... вот один был из ПТУ... Надо было объяснить, кто такой был Обломов (сейчас не буду объяснять подробно – долго рассказывать)... Вот, он написал: «Герой романа Тургенева». Вот. После чего следовало: «Он называл своего друга Обломовым, потому что... (продолжите предложение)» – «он все время лежал на диване и ничего не делал». То есть он совершенно точно понимает, какой образ стоит за этим именем, понимаете? И он вообще содержание текста знает... что лежал на диване и...

М.К. Самое главное.

Д.Г. Опять же «Джоконда» для нас существует... Понятно, не картина Леонардо да Винчи... это предмет искусствоведов, культурологов и прочее... А существует, да, Вы правы – карикатура и редуцированный образ. И это не только загадочная улыбка. Замечу, там есть еще одно значение... Это... я бы сказал, это «шедевр живописи»...

В.К. Безусловно.

Д.Г. Вот это вот так вот надо рисовать. (*общий смех*)

С.Р. Так же, как и Венера Милосская.

Д.Г. Да.

С.Р. Кто ее видел и кто может ее внятно описать? И никто не делает карикатуры на «Даму с горностаем» Леонардо да Винчи... хотя мне она нравится больше... но никого она не интересует. Никого не интересует Венера Книдская, которая рядом с Милосской стоит... на мой взгляд, гораздо интереснее... Потому что не входят...

М.К. Вот и случайность попадания.

С.Р. ... не входят вот в эту самую актуальную... актуальный набор...

В.Б. Можно к другому предмету для примера вернуться? Уже такие примеры были, такого типа... «танталовы муки», «сизифов труд», да? Та же «варфоломеевская ночь», тот же «план Барбаросса»... Все адекватно здесь употребляют, да?

С.Р. С ограничениями...

В.Б. Да. Но! Ничтожный только процент коммуникантов, да?..

С.Р. ... может объяснить...

В.Б. ... знает и может объяснить, откуда это все взялось... Миф ли его источник или событие его первоисточник и так далее.

В.К. А у меня вопрос: а это мешает коммуникации?

М.К. Это...

В.Б. Нисколько!

М.К. ...это объясняется только уважением к авторитетам.

В.Б. Нисколько [не мешает]!

С.Р. и В.К. Ну вот!

В.Б. Вот еще один пример. У меня очень любопытный пример... Я неоднократно спрашивал... «Здесь будет город заложен назло надменному соседу...»

Л.Ч. Кому? (*смех*)

В.К. Хороший вопрос. (*смех*)

В.Б. Это слова Петра в исполнении Пушкина...

Л.Ч. Нет-нет-нет, Вы нам можете не пояснять.

М.К. Это мы знаем.

В.Б. ... обращенные по отношению к шведам, да? Так вот, я заранее могу сказать, что внутреннюю форму этого слова сидящие за столом [преподаватели], все могут восстановить... а вот эта вот половина, помоложе [студенты]... никто не сможет эту внутреннюю форму восстановить, если только кто-то специально не обучался...

В.К. Я не понимаю, к чему это... я, наверное, упустила...

М.К. «Надменному соседу»...

В.Б. Я на протяжении пяти лет ставлю студентам один и тот же вопрос: покажите мне внутреннюю форму слова «надменный». Ни одного ответа не было правильного, понимаете? Для нас, для нашего поколения здесь нет проблемы. Вот еще такой пример... к тому, о чем говорили...

В.К. Но вместе с тем я предполагаю, что это совершенно не мешает общению. Вы сами подтвердили это...

В.Б. Да.

В.К. Совершенно не мешает общению. Более того, излишние знания иногда... Как раз излишние знания иногда мешают, да?

М.К. Да!

В.Б. Так вот, знаете, что я хотел в этой связи заметить? То, что в языке открыты были уже во второй половине XX-го века воспроизводимые структуры, воспроизводимые единицы не только на уровне фонем, морфем, слов, а и далее, да? Этому толчком были работы Пермякова по паремиологии... и дальше – прецедентные тексты, которые могут полностью воспроизводиться, да? как анекдоты, да? или короткие сказочки. «Жили-были дед да баба, и была у них курочка Ряба...» И все это почти всегда расскажут до конца правильно, почти слово в слово, да? Вот. Ну, так же тексты, которые частично воспроизводятся, да? Это понятно, да? Вот. И коммуникацией фрагменты этих текстов могут точно так же повторяться, как и фонемы, и морфемы, и слова... и фрагменты текстов, которые отсылают к каким-то уже известным текстам... и тем ситуациям, которые были дискурсивно все-таки выражены. Вот. Понимаете? Все-таки они были выражены когда-то дискурсивно.

Ю.С. Не дискурсивно, а тогда уж ди-скурсно.

В.Б. Они не плавали никогда в воздухе.

Л.Ч. Тогда уж диску-рсно. (*общий смех*)

В.Б. Те истории, те наши ссылки на исторические события, они были дискурсивно оформлены. В дискурсе.

В.К. Вы знаете...

В.Б. Да, так вот. Здесь у меня такое возникло... зародилось сомнение... по поводу доли... Вот, Юрий Александрович заметил правильно, на мой взгляд... здесь автоматизмы очень большую роль играют в коммуникации.

Ю.С. Ну, это не я... (*смех*)

В.Б. Нет, ну это вопрос как ставить... А вот... Есть и другая сторона применения языка... в качестве орудия рефлексии. Я почему говорю «рефле-ксия»? Потому что «сугге-ствия» мы говорим, да? Ударение, по-моему, здесь вот лучше.

В.К. Давайте мы не будем об этом...

В.Б. Так вот, в коммуникации меньше всего рождается новое. Оно рождается в процессе рефлексии. В процессе творческой рефлексии. Понимаете, в чем дело? Размышление человека... И дискурсивный процесс – это не только размышление в виде звучащей речи, но в виде внутренней.

О.Г. (Оксана Герасименко, V курс). А разве внутренняя речь – это не коммуникация?

В.Б. Это не коммуникация.

В.К. Нет! Это коммуникация, извините.

В.Б. Коммуникация – это стереотипы. И если что-то остроумное творилось, то это плод не коммуникации, это плод рефлексии. Это вот та самая рефлексия схватила какое-то противоречие.

Л.Ч. Это не противоречие. Это просто, по Канту, частное в общем. Вот и все. Остроумие – это просто частное в общем.

Д.Г. Нет, ну, про остроумие много чего написано...

С.Р. Рефлективное усилие, необходимое для порождения остроумия, тем не менее мотивируется процессом коммуникации...

Л.Ч. Конечно!

С.Р. ... потому что человек хочет сострить! А иначе ему и не надо было бы...

Д.Г. Это зависит от человека, от ситуации...

Л.Ч. Это же операция с сознанием слушающего: он же хочет как-то повоздействовать.

В.К. Конечно! Но здесь...

М.К. У нас готовы уже структуры к этому, они готовы уже это принять.

В.К. Да, здесь единственное только я сразу хочу...

Ю.С. Здесь есть возражения...

В.Б. Вот здесь вот идет разрушение стереотипов...

В.К. Вот до разрушения стереотипов, к которому мы перейдем...

М.К. И созданию новых...

В.К. ... изначально я хочу с Вами ... не то, чтобы поспорить, но серьезно [Вам] возразить. Ни одно прецедентное высказывание не воспроизводится как фонема. Вот, извините, это мое святое убеждение.

Д.Г. Это так...

В.К. Конкретный пример: «быть или быть», «пить или не пить», «жить или не жить» и так далее... И это только один маленький пример...

Д.Г. Здесь я тебя поддержу, естественно. Потому что с фонемами и морфемами мы вообще очень сильно ограничены. Я не могу начать импровизировать с фонемами... (*общий смех*) если я хочу быть понятным.

В.Б. А почему? Поэты очень даже импровизировали...

Л.Ч. Это совсем другое!

В.Б. Нет, не совсем другое. Та же деятельность.

Л.Ч. Там другая деятельность речевая.

В.К. Это первое. Теперь...

В.Б. Ну, другая... но на том же уровне...

В.К. Теперь вторая мысль. В принципе это то, о чем мы уже говорили, и теперь мы снова возвращаемся к этому. С моей точки зрения, в

основе всех единиц, которые мы так или иначе воспроизводим, лежит... это уже здесь сегодня звучало, так что просто повторю... лежит разграничение «свой – чужой». И вот это основная функция, как мне кажется, воспроизводимых единиц и воспроизведения... это реализация отношений «свой – чужой».

М.К. Поиск идентичности.

В.К. Поиск идентичности в том числе. И в связи с этим... опять-таки здесь сегодня об этом говорилось... проблема игры. Проблема языковой игры. Я долго держала как «джокера» в кармане идеи Игоря Васильевича Ружицкого, потому что они как раз сейчас очень хорошо лягут на проблему, как мне кажется, разрушения. Игорь считает так... он идет вслед за Достоевским, как я понимаю... «создать игру – это разрушить культуру». И соответственно, выделяются три основных функции языковой игры: познавательная, создание комического и – третья – терминативная функция, то есть функция разрушения. И вот эта та функция, которая меня на самом деле...

С.Р. Деструктивная?

В.К. Да.

Д.Г. Деструктивная.

В.К. Деструктивная. Это на самом деле вот то, о чем...

С.Р. Это от «терминатора»?

В.К. Да, очевидно, да.

С.Р. Потому что «терминативный» – это вообще «ограничивающий»... я поэтому и...

Л.Ч. Это другой термин.

В.К. Я просто читаю, что здесь написано... «Разрушающий», да.

Д.Г. Ну, автора здесь нет, поэтому...

В.К. Да, автора здесь нет, поэтому не обсуждаем термин. Разрушающая функция языковой игры. Вот меня интересует здесь на самом деле проблема разрушения: действительно ли разрушает норму языковая игра и в том числе... идет ли разрушение стереотипов как разрушение нормы... Я не знаю. То есть еще один блок вопросов, которые мне было бы очень интересно обсудить... не знаю, как Вам... в связи с воспроизводимостью, в связи с единицами хранения, в связи с тем, как мы к ним апеллируем и как мы их воспроизводим. Это проблема разрушения. Проблема нормы и проблема разрушения в связи с этим. Я так понимаю, что это продолжение того, что Вы, Владимир Игоревич, хотели сказать, но [я] позволила себе Вас прервать.

Д.Г. Можно я сейчас попробую?

В.К. Меня прервать? Ну, попробуй. Я вообще сегодня тиха, как украинская ночь.

Д.Г. Да, я сам поражаюсь. (*общий смех*) Просто относительно игры как разрушения, да? и воспроизводимости как игры... Ну, я не буду сейчас вдаваться в постмодернистский дискурс... или что...

М.К. Или что?

Д.Г. ... где это используется, конечно, весьма активно. Я просто замечу... не так давно такой довольно известный журналист... Его размышления, очень короткая заметка по поводу... ну старшее поколение точно помнит... знаменитое выступление Курехина с Шолоховым по поводу «Ленин – гриб». Он очень резко выступает против этого явления... При все при том, что сам он постоянно играет с этими смыслами... Но он как раз говорит, что здесь проблема в том, что... да, он осознает эту игру, говорит, что да, она сделана, но проблема в том, что... (извините, у него это изящнее гораздо сказано) что жуткие страницы нашей истории в результате превращаются в фарс, в игру и так далее. И в общем уходит то, что требует действительно глубокого осмысления и прочих вещей... Но! Здесь... замечу, если говорить о воспроизводимости как об игре, то не знаю: разрушение это или нет. Могу сослаться на собственный опыт написания капустников для факультета, где совершенно удивительный эффект – я это видел на зале – представления прецедентных текстов и апелляции к ним. Причем, с моей точки зрения, как бы ничего особо остроумного нет, если бы я это выразил словами обычными, никто бы не смеялся. Но стоит апеллировать к тексту – это вызывает огромный хохот у зала, да? Потому что «вот он, диплом мой, обложечка алая, графики, сноски, листы, а по краям-то все слезы кровавые. Сколько их пролито, знаешь ли ты?» (*смех*) Зал хохочет, понимаете? Ну, понятно, должна быть определенная формулировка контекста, исполнение... Я сейчас не стремился вызвать хохот зала... Но с другой стороны, когда мы говорим о воспроизводимости, я не знаю, до какой степени это игра и еще чего-то... и хранение каких-то «памятей»... я скажу сейчас немножко не в тему, но в принципе отсюда отталкиваясь... Социо-когнитивные движения... вот есть социокультурные изменения, то, о чем Сергей Александрович сегодня говорил... конечно, они отражают языковые какие-то вещи и, возможно, какие-то ментальные образы... Я знаете, над чем стал размышлять?.. Как я к этому пришел, неважно... Вот образ царя в русских сказках, да? Он в красном кафтане – правда? – обязательно, сидит на троне, и к нему приходят и говорят: «А мне вот сапоги худые продали». Да? И он наказывает злого купца за это. Правильно? Вот Вы обратили внимание на встречи президента с народом? (*общий смех*) Я в том году... Серьезно, я был просто восхищен! Я жалею, что я это не записал, потому что это объект для... какого хотите анализа. Значит, сообщение (идет програм-

ма «Время»): «Вчера пенсионерка Аргудяева...» (я фамилию запомнил!) «... позвонила... гаранту Конституции...» (имя сейчас называть не буду)... (смех) «... и сообщила, что она инвалид, живет на окраине Нижнего Новгорода и у нее нет телефона... Ей полгода власти обещают телефон, а она, как инвалид, без телефона жить не может» и всё... И вот! Президент звонит губернатору, губернатор призывает бригаду, в которой эти... кабельщики... я не знаю, я не специалист... (смех)

М.К. Устойчивая модель.

Д.Г. И вот они идут... И интервью... И это десятиминутный сюжет! В программе «Время»! Первый канал! И берут интервью у пенсионерки Аргудяевой, которая говорит «Спасибо большое!» Но понимаете, в чем дело? Мы можем сколько угодно над этим хихикать и хохотать... И посмотрите на рейтинги... в любом случае они достаточно высокие... Здесь проблема в том, что вот чем занимается царь! Понимаете? Вот царь сидит... ну, у нас уже у телефона... слушает жалобы народа... и объяснения генералов и помогает пенсионеркам аргудяевым, инвалидам чумаковым и так далее, и так далее...

С.Р. И инвалиды обращаются именно с этим...

Д.Г. Вот абсолютно точно!

С.Р. Не тогда, когда возникает дискуссия по проблемам законодательства...

Д.Г. Абсолютно точно!

С.Р. ... которое могло быть решить проблемы в том числе и пенсионерки такой-то...

М.К. Это опять речевые тактики...

С.Р. Но все сводится опять к тому, что каждый звонит и говорит: «А вот у нас в доме...»

Д.Г. Вот проблема воспроизводимости. Вот что это? Потому что понятно, что все-таки, прошу прощения, у нас не синкретическое общество... и если говорить уже философские термины... дискурсивное мышление давно развито, и понятно, что мы вообще ушли далеко от традиционного общества. И в общем любой человек, даже не шибко высокого уровня образования, вообще немного представляет, что государство – это сложная модель и что президент – хороший он или плохой – выполняет... ну, все-таки не пенсионеркам аргудяевым ставить телефоны он должен. У него какая-то немного иная функция. Все это понимают, но тем не менее как только... Я просто с нетерпением жду новой встречи... (общий смех)

Л.Ч. Но пенсионерам поставили телефон – и хорошо.

Д.Г. Но ведь постоянно идет вот эта вот...

Л.Ч. Все-таки это же вообще такая базовая, глубинная модель!

М.К. Конечно!

Л.Ч. Вот посмотрите, как... как мы разговариваем... Исключительно модель: «Вы чьих будете?» Она же у нас в сознании! Крепостного права давно нет, а... «А вы с какой кафедры? А, вы с кафедры Ремневой? Хорошо.»

Д.Г. Вот! Вот именно по фамилии.

Л.Ч. «Вы чьи?» Никого не интересует, с какой вы конкретно кафедры. Важно: где вы? у кого? кто над вами? «Вы чьи будете?» Вот это вот крепостная... я не знаю... составляющая... как хотите ее называйте... но это сегодня сильно в нас, потому что это – представление об устройстве. Представление о той власти на уровне повседневном.

Т.В. Можно спросить?

М.К. Может, это не про каждую кафедру так скажут? Ссылаясь на фамилию.

Д.Г. Мария Львовна, подожди, там вопрос.

Т.В. У меня жгучий, наболевший вопрос. Частично – к Людмиле Олеговне, частично... еще раньше... она уже ушла... частично – к Татьяне Борисовне. Все мы понимаем, что миф живет в пост-традиционном, современном обществе, в разных его уровнях... и так далее... Вот меня интересует: где проходит граница мифа применительно к тому, чем мы занимаемся. Вот конкретно научный...

Л.Ч. Это мифология, мифотворчество. В чистом виде.

Т.В. Это научный... научный разговор. Меня поразило немножечко сравнение, которое она [Т.Б. Дианова] сделала: свадьба как пространство, плотная зона метафоризации, символизации мифа и современная наука – это... как это?... зона того же самого... Так вот, собственно, чем мы занимаемся, как не в некотором смысле активным культурным мифотворчеством?

Л.Ч. Конечно. Именно этим...

В.К. Именно этим мы занимаемся.

Т.В. Вот где начинается анализ? Как?

С.Р. Я бы сказал, что мы занимаемся конструированием все-таки... которое в некоторых зонах оказывается близким к мифотворчеству.

Л.Ч. Но сейчас мы выступаем больше как аналитики.

Т.В. Да, когда переходит одно в другое? Меня вот это очень интересует.

С.Р. Нет, но оно не обязательно переходит. Нет-нет, тут есть нормальное коммуникативное и языковое... опосредующее... я как-то стараюсь все к языку перевести, потому что это то, чем, вообще-то говоря, мы обязаны заниматься... и по идее лучше всего знаем... это составленные речи из готовых элементов.

Л.Ч. Да.

С.Р. Вот. Научная речь – это речь из готовых элементов. Не предполагается активная индивидуальность стиля, потому что она будет мешать процессу коммуникации. В этом смысле...

Т.В. То есть в той мере, в какой мы придерживаемся научной или наукообразной речи, мы занимаемся наукой? *(смех)*

С.Р. Да-да-да.

Т.В. А той, в которой мы от нее отступаем, мы занимаемся поэтизированием и мифотворчеством?

С.Р. Да. Это может быть удачно, а может быть неудачно.

Т.В. То есть речь идет просто о выделении определенного словарного объема?

М.К. Не о мифотворчестве. Мы разрушаем для того, чтобы создать новое.

Л.Ч. Вот Вы знаете, интересное дело. Вот на нашей кафедре... ведущая кафедра университета – кафедра русского языка... я хочу сказать одну действительно интересную вещь, с которой я столкнулась совсем недавно... Я занималась действительно вот этими проблемами: культура, абстрактное имя, вот что в нем индивидуального... И однажды мне сказала коллега... «Знаешь, я как-то похвалила твою статью в разговоре с коллегой же с кафедры, но мне сказали... (это было давно, правда) мне сказали: “Ты знаешь, то, чем она занимается, это не наука”». Вот меня это очень заинтересовало. Кто устанавливает границы? Где они? То есть получается, что есть магистраль. На этой магистрали стоят столбы. И столпы. На них опирается официально признанная... как магистральная... официально признанное как магистральное направление. Я очень хорошо помню, как проходило обсуждение диссертации Дмитрия Борисовича.

Д.Г. Это была книжка.

Л.Ч. Я принимала в этом креативное участие. Креативное, к счастью. Так вот. Но взрыв парадигмы, взрыв научный, он начинается с обочин.

М.К. Да.

Л.Ч. Есть люди, которые не принадлежат «научным тусовкам», сознательно или бессознательно. Есть люди, которые походили и сами себя отградили от этого мифотворчества. И получается, что эта новая парадигма, которая ... вот она сейчас на гребне... оказывается, что те, которые занимались вот этими смыслами, феноменами культуры, они вот сейчас новую магистраль... Они теперь столпы этой новой магистрали. Что это, как не мифотворчество?

Д.Г. Мифотворчество.

Л.Ч. Это создание авторитетов. Только надо себе правду об этом сказать.

В.Б. Нет, ну можно возразить?

С.Р. Вы правильно здесь слово «парадигма» упомянули, но надо добавить сюда такие термины, как «нормальная наука»...

Л.Ч. Да.

В.К. Простите, у нас здесь давно уже...

В.Б. Разрешите возразить?

Л.Ч. Да-да, пожалуйста-пожалуйста.

В.Б. Дело в том, что получается так, что разговор у нас все время в одной плоскости мы ведем: язык и речь. То есть мы сводим все наши рассуждения к тому, что мы «говорим прозой».

Л.Ч. Простите, а Вы всегда знали, что Вы мифологически относитесь к слушателю, к себе?

В.Б. Нет, подождите.

Л.Ч. А как?

В.Б. Я хочу вот что сказать. Что при помощи нашего языка, который развился до определенной степени, мы можем строить модели разных уровней. Мы не только копии строим, мы строим и модели. И вот научная модель будет относиться к другому классу моделей. Причем это категориальная модель... чем та модель [в отличие от той модели], где фигурирует миф. Строить мифы – это значит [строить] модель типа ирреальности. То есть мы же различаем, где мы в реальности, где мы модель делаем...

С.Р. Простите, а те, которые мифы производят, они думают, что они чушь собачью говорят? Нет!

В.Б. Никогда!

С.Р. Ну так о чем мы тогда говорим? Где этот критерий реальности?

Л.Ч. Простите, но мы же не говорим о мифах как о рассказах о богах и героях!

В.Б. Подождите, дайте я доскажу.

Л.Ч. Да, пожалуйста.

В.Б. Вот смотрите. Классический миф – это все-таки фантазмагория, согласитесь.

Л.Ч. Я сейчас не об этом ... Мы сейчас не о богах. Сейчас о нас, грешных.

В.Б. Вот смотрите. Мы же отличаем модель реальности, которая нас окружает, от квазиреальной модели, о которой мы читаем...

Л.Ч. Вы умеете это разграничить?!

В.Б. В рассказах, например, в повестях...

Л.Ч. Вы умеете это разграничить?

В.Б. Да, я умею это разграничить. Да, потому что я этим занимаюсь, и уже много лет. Уже умею это разграничить. Но дальше. Дальше – модель ирреальности идет, так?

Л.Ч. Минуточку! Вот для Вас модель... Модель «текст – смысл» – это модель реальности? Модель уровневая, модель языка – это для Вас реальность?

В.Б. Для меня модель реальности – это газетное сообщение. Это реальность. Это модель реальности.

Л.Ч. Какой газеты? «Завтра» или «Сегодня»? (*общий смех*)

В.Б. Это информационное сообщение: «В столицу России пребывает такой-то президент...»

Л.Ч. Да где ж Вы такие видели? Газета «Правда» советского времени!

Ю.С. Володя, наука... если уж на то пошло, наука – это не что иное, как веселое занятие.

Л.Ч. Веселое, да!

Ю.С. А если это веселое занятие, то это мифологическое занятие.

Л.Ч. Да, миф! Веселый миф.

Ю.С. Знаешь, почему? Не потому, что что-то происходит на самом деле... Люди ищут некоторую целостность. Они хотят за нее ухватиться. Больше там ничего нет. Вот для этого она [наука] и существует.

В.Б. Давайте не будем смешивать поэтику и мифологию. Поэтика – это творчество, да. И на любом уровне может быть сотворена модель. И на реальном, и на квазиреальном, и на ирреальном, и абсурдная модель может существовать.

Л.Ч. Моделей может существовать сколько угодно. Реальность у нас одна.

В.Б. Нет, не сколько угодно. Пока что выделен только ограниченный класс моделей, который мы способны понять.

Л.Ч. И во главе стоит математическая модель, да?

В.Б. Нет.

Л.Ч. Ну а как?

В.Б. Нет, при помощи естественного языка.

В.К. Уважаемые коллеги! Я думаю, что проблема модели – это отдельная...

В.Б. Что такое модель?

М.К. Может, это и есть объяснение воспроизводимости?

С.Р. Нет-нет, это не об этом...

В.К. Нет, уважаемые коллеги, я прошу прощения, мне кажется, что это отдельная очень большая тема, которой надо посвящать отдельный большой разговор.

Л.Ч. и С.Р. Отдельный разговор.

В.К. ... потому что сейчас мы только скомкаем, в результате не закончим нашу предыдущую тему... Поэтому, если можно, мы перенесем это на следующий раз.

В.Б. Если можно, в этом обсуждении речь идет о копиях, о копировании... Что такое воспроизведение? Это копирование, копирование и копирование.

В.К. Нет! Это принципиально разные вещи! Это принципиально разные вещи!

С.Р. Можно я сейчас...

В.К. Да, конечно!

С.Р. Все понятно.

В.Б. Понятно, да?

С.Р. Да, все понятно. Я думаю, что мы здесь категорически с этим не согласны. Значит [так]... Очень хорошо и удобно... примерно так же, как удобно вкладывать в чужие пустые головы полезные знания... точно так же удобно говорить, что есть воспроизводство, или воспроизведение, и есть разрушение. И кроме них нет абсолютно ничего. Это очень удобно, но ровно так же, как пустая голова, ничему не соответствует. Значит, практически любое воспроизведение усилиями человека – это некое активное действие, которое предполагает минимальное осмысление... в очередной, может быть, сто двадцать пятый раз, но тем не менее применительно к данному контексту, усталости к вечеру и еще чему-то... Вот, человек не может... Чем отличается писец любой от... возьмите рукописную книгу и печатную... Вот, печатный... пятисотый экземпляр, может быть, краска немножко, так сказать, поблекнет, но он будет точно такой же, как и первый, а любая рукописная копия будет с отклонениями от оригинала.

Л.Ч. Обязательно, да!

С.Р. Значит, воспроизводимость никогда не бывает штамповкой.

Л.Ч. Нет, конечно.

С.Р. Ровно так же нет разрушения: «Вот сейчас мы все это к чертовой матери разнесем! И любая карикатура – это уже просто срам и все прочее!» Существует целая градация отклонений от того, что мы принимаем как воспроизведение, хотя оно само по себе уже не такое механическое, но тем не менее оно включает в себя группу, определяя некий диапазон, в котором воспроизведение какого-то повторяющегося элемента мы считаем именно воспроизведением.

Ю.С. Что значит, что человек читает лекции? Сразу чувствуется.

С.Р. Я, кстати, не читаю.

Ю.С. Как?! (смех) Я у нас в институте видел!

С.Р. Ну, это смешно, раз в неделю в течение нескольких месяцев... Это по сравнению с теми, кто здесь, профессионалами, это смешно. Вот между этим воспроизведением, которое, однако, не механическое, и между тем, что мы можем считать полным разрушением, идет...

Л.Ч. ... шкала...

С.Р. ... огромное поле перехода. И чаще всего разного рода отклонения от воспроизведения, они только подтверждают...

М.К. ... то, что существует.

С.Р. ... то, что существует, потому что они как-то обновляются...

М.К. Совершенно верно.

С.Р. ... актуализируют, обращают внимание на это. А разрушение...

М.К. А вот когда разрушение?

С.Р. А вот параметры разрушения – это отдельный вопрос.

М.К. Никогда, да?

С.Р. Нет, нет, возможно.

М.К. Парадоксальное и так далее?

С.Р. Есть некие критические, конечно, позиции, за которыми собрать обратно вот этот образ уже невозможно.

В.Б. А кто говорит о разрушении? По-моему, об этом речь не шла вообще. Речь шла о функции игры, разрушительной...

М.К. А это и есть...

С.Р. А почему же игра разрушительная, когда игра, как известно...

В.Б. Но понимаете...

С.Р. ... подтверждает только реальность?

В.Б. ... это на самом деле не разрушение. Кстати, об этом не вот этот автор говорил, об этом Лихачев писал еще очень хорошо. Смеховая культура на Руси, которая ниспровергает знаковые системы.

В.К. Об этом и Панченко писал, и другие.

С.Р. Но карнавалу сколько дней в году отводится? Классическому? Мало?

В.Б. Да.

С.Р. Ну, в разных странах по-разному.

В.К. Жалко, что ушла Татьяна Борисовна... Но карнавальная культура – это не наша культура изначально, разве нет?

С.Р. Это не наша.

М.К. Не-не-не, смеховая культура была на Руси.

В.К. Ну, смеховая – это другое.

Д.Г. Ну, антиповедение было.

С.Р. Но опять же карнавал ничего не отменяет. Карнавал – не революция!

Д.Г. Проблема-то в том, что антиповедение основывается на некоторой базовой системе.

Л.Ч. На поведение, конечно!

С.Р. Там все есть, конечно! Хорошо, но отличие карнавала от революции в том, что карнавал заканчивается, мусор убирается, и опять все по-старому.

М.К. Вот отсюда и воспроизведение. Воспроизводится база.

Д.Г. В этом все и дело! Тут смысл в том, что я это делаю немного с другим знаком, что вызывает комический эффект, эстетический эффект, какой угодно.

М.К. Да.

Д.Г. Когда в «Московском комсомольце» пишут: «Кучме не сдастся наш гордый «Варяг»... статья о Черноморском флоте, да? Понятно, чем вызван комический эффект, к которому стремился автор... вот изменения, да? Акцент идет на замененные элементы и прочее, но в основе-то лежит... Понятно, эффект трагедии, бурлеска... высокое содержание к низкому и так далее...

М.К. Но базовый текст остается.

Д.Г. Базовый текст остается.

М.К. Он воспроизводится. Он играет. В том-то все и дело.

Ю.С. Но игра еще не только в этом. Вы имейте в виду, что... Смех и игра сцеплены между собой. Да, это так. Но учтите, что игра, по сути дела, это серьезная вещь. Играют не с этими единицами. Играют с базовыми некоторыми единицами.

М.К. Это другой вопрос, и это тоже нужно рассмотреть.

Ю.С. С архетипами, там, где идет вопрос о жизни и смерти.

М.К. Совершенно верно.

Ю.С. Вот тогда это другое дело. Вот тогда можно и смех объяснить.

М.К. Как орудие. Нет, это понятно, Юрий Александрович.

Ю.С. Смех – это страх по сути дела.

Л.Ч. Конечно.

Д.Г. Иногда.

М.К. Они граничат.

Ю.С. Слушайте, ну я больше не могу. Вы как хотите, вы можете продолжать, а я уже выдохся.

Л.Ч. Вы знаете, я все сижу с бумажками [тезисами участников], сижу с этим... не знаю, текстом, который нам раздали. И каждый выразил свое суждение в этом тексте. А у меня вопросы прямо по ходу тексту. Ведь мы же все говорим... Сегодня вот тут вот сгусток научной [мысли]... дискурс, концепт – это вот то, вокруг чего сегодня действительно очень густо... представлено научное... не знаю, сознание, научная

мысль. Вот какой ни возьмешь автореферат... термин «концепт» там не нужен, он ничего там не делает, а есть...

С.Р. Так же как «в системе языка» в свое время, все было «в системе».

Л.Ч. Это все понятно. Все было «в системе». А где там система? Но вот вопрос простой: соотношение сознания... то, что здесь заявлено... вот мы тут читаем очень короткий пассаж: «Выход в концептосферу культуры возможен через анализ языкового сознания носителей языка, когда языковое сознание овнешняется при помощи оречевления сознания в заданной метрике, например, при помощи градуального шкалирования».

В.К. Автор – Евгений Федорович Тарасов.

Л.Ч. Вот у меня сразу... вот этот маленький пассаж дать студентам и спросить, что вы поняли.

М.К. Он воспроизводит себя.

Л.Ч. Мы говорим «понимание». Но это ведь предназначено для научного сообщества. Вот как здесь говорили? знания вкладывают, да? Спросить, что они поняли. Я даю на спецсеминаре куски из наших... из работ наших столпов и прошу: определите, что вы поняли. Вот абзац, вот кусок. Очень интересные результаты... У меня вопрос один здесь: если «анализ языкового сознания носителей языка», когда сознание «овнешняется» при помощи его «оречевления»... У меня вопрос такой: вот знак, он чем в сознание языковое входит?

В.К. Я не поняла вопроса. (смех)

Л.Ч. Очень простой вопрос: вот чем входит языковой знак в языковое сознание?

М.К. Хорошо входит и выходит, замечательно выходит.

Л.Ч. Не входит?..

Ю.С. Я не знаю, что такое сознание, поэтому Вы меня простите...

Л.Ч. Так, дальше. «Культурный концепт» и «стоящие за ними культурные смыслы». При этом здесь же утверждается, что «единица языковая» не равно «концепт». Обыкновенную подстановку делают: «культурный концепт» и «стоящие за ними культурные смыслы». Что тогда такое «культурный концепт»? Если за ним «стоят смыслы»? А смыслы могут стоять только за формой! За материей какой-то. У меня большой вопрос...

М.К. Надо создать словарь.

В.К. Людмила Олеговна, авторов здесь нет сегодня.

Л.Ч. Тогда у меня вопрос к тому, что сегодня здесь главный. Виктория Владимировна, тогда у меня вопрос к Вам. «Когнитивный, метафорический, эталонный, символичный» параметры, но! Для меня, по край-

ней мере... мы ведь все собрались поговорить, чтобы к некоторому единому смыслу прийти... Когнитивный для меня включает метафорический, а метафорический соотносится с символьным как вид и форма.

Д.Г. Да.

В.К. Для меня они так не соотносятся.

Л.Ч. Для меня метафора и символ – единицы одного порядка.

В.К. Понятно.

Л.Ч. Но они тоже связаны с когнитивностью. Или тогда: что есть знание?

В.К. Людмила Олеговна, я отвечаю по пунктам.

Л.Ч. Давайте.

Ю.С. У-у-у!

В.К. Нет, это будет очень коротко. Значит, первое. Эти четыре подсистемы никоим образом не разорваны. Одно перетекает в другое... это просто отдельный и довольно долгий разговор... они взаимосвязаны, поэтому их нельзя разрывать изначально. Просто, *что* находится в фокусе внимания. Вот так будет, наверное, правильнее. Потому что я через когнитивный уровень могу выйти на метафору, на эталон, на символ. Но я могу и от метафоры выйти на все остальное.

Л.Ч. А как через?.. Когда мы моделируем метафору... знание и представление, которое стоит за метафорой... мы уже уходим в когнитивную область.

В.К. Все верно. Это так же, как невозможно рассуждать о языке без самого языка... Смотрите, любая деятельность человека, абсолютно любая, любое проявление человека – это всегда движение. Вот она, эта базовая метафора. Начиная с «жизненный путь» и заканчивая «перевести разговор на» и так далее, и так далее.

Л.Ч. Хорошо.

В.К. Вот это лежит в основе. А уже потом я начинаю смотреть, а что там...

Л.Ч. Но это и есть когниция!

В.К. Нет.

М.К. Нет, это не когниция.

Л.Ч. Тогда что есть знание?

Ю.С. Виктория Владимировна сегодня заявляла, что молчит, а сама разговорилась...

В.К. Я сегодня специально молчала для того, чтобы...

Д.Г. Копила силы... (*общий смех*)

В.К. Нет, чтобы дать возможность высказаться коллегам.

С.Р. У меня есть одно предложение.

М.К. Словарик.

С.Р. Нет, нет.

М.К. Рабочий словарик.

Л.Ч. Да. Это уже назрело.

С.Р. Хорошее такое извинительное рассуждение. Вы знаете, мы сегодня явно сталкивались с целым рядом проблем, и мне кажется, что мы в них не виноваты... (*общий смех*) ... в том, что эти проблемы существуют. От этого нам не легче, к сожалению, но, похоже, что это есть некоторое свойство нашей дисциплины.

Ю.С. Ну, Бог знал, кому голову давал... (*смех*)

С.Р. Вероятно, так. И во всяком случае она ведь одна из самых древних. И как-то это, наверное, сказывается. Во всяком случае, языковедение и вообще филология по многим направлениям довольно далеко уходит вперед.

Л.Ч. От науки понимания к науке непонимания.

С.Р. Это нам жизнь облегчает, славы, к сожалению, не приносит...

Ю.С. А-га! Столбы и столпы...

Л.Ч. А, вот они! Вот они! Диктаты вербализации... (*смех*)

М.К. Это из области культуры...

С.Р. Но очень часто приходится сталкиваться с тем, что языковедение уходит так далеко, что ему не на кого, вот так в сторону, оглянуться. Ну, скажем, простая вещь, старая. Мы уже как минимум двести лет знаем, что были какие-то индоевропейцы, остатки которых сейчас говорят на разных языках от Атлантического океана практически до Тихого. Я беру даже сейчас не по всему миру, [только] старое расселение, так сказать... до Восточного Туркестана. Но до сих пор за двести лет археологи не удосужились нам показать, ё-моё, как же они это сделали [расселились на такой территории]! (*общий смех*) То есть мы им все уже разложили! Ну, вы найдите нам эти кости! Не могут они это сделать! (*смех*)

Ю.С. Так сгнили!

С.Р. Нет! Так в Туркестане же, в Восточном нашли же мумии... Замечательно, ДНК же можно снять с индоевропейца, они голубоглазые. Все сохранилось: голубые глаза, светлые волосы... Представляете? В Китае, в Синьцзяне практически, сидят в песке целые индоевропейцы... Не могут!.. И только вот сейчас они с ДНК стали работать, скажем, да? Или еще с каким-то вещами. Значит, вот за двести лет они совершенно не продвинулись... ну, там на какой-то микроскопический [шаг]... а мы их ждем двести лет: ребята, ну когда ж вы нам вообще отдадите эти материалы. А они вместо этого начинают иногда нас учить, как надо реконструировать язык, утраченное... не в свое дело лезть.

М.К. А нам мумию подавай! (*смех*)

С.Р. Да есть уже все, есть! Тоже благодаря нам.

Ю.С. Какая-то печальная нота...

М.К. Нет, почему печальная?

С.Р. Почему печальная, это оправдательная. Так же и с культурой, и с сознанием. Я согласен с Юрием Александровичем: я не знаю, что такое сознание. И тем более языковое.

Л.Ч. По счастью, что и никто не знает.

С.Р. Ну, я не знаю...

Л.Ч. Никто не знает.

Т.В. А что мы тогда транслируем в процессе обучения, меня тогда очень интересует. Мы воспроизводим свои незнания посредством чего?

М.К. Нет, мы не знаем, что такое сознание, но мы передаем информацию...

С.Р. Но ведь и относительно культуры никто не может до сих пор вот так хорошо ее представить. Есть какие-то у этнографов элементы, но опять же они такими кусочками...

В.К. Но я не уверена, что определения этнографов будут для нас работающими.

С.Р. Но если бы они были, пардон. Если бы они были в полном объеме...

В.К. А невозможно в полном объеме! Сергей Александрович, а Вы можете представить одно-единственное определение, что такое человек?

Л.Ч. Ой, я знаю, что такое сознание! *(смех)*

С.Р. Ну мы-то работаем!

Л.Ч. Совместное знание!

Д.Г. Господа, одну минуточку!

Ю.С. Нас уже выгоняют из аудитории... [Здесь должна быть лекция.]

Д.Г. Да, я знаю. Я только скажу и все. Я как валенок такой, человек глупый и примитивный... Мы очень много и долго говорим о теории... Мы говорим: мы не знаем, что такое культура, что такое сознание, мы очень плохо понимаем, что такое фразеологизм на самом деле...

М.К. Ничего подобного! *(смех)*

Д.Г. И где его границы...

В.К. Нет, где его границы, где переход к прецедентным высказываниям, действительно, плохо [известно]...

Д.Г. ... что такое прецедентность. Нет, я именно это и имею в виду. Ядро – это понятно. Понимаете, есть вопрос такой... Вероника Николаевна Телия, сегодня здесь отсутствующая, очень любит повторять, что

вообще лингвист занимается двумя вещами (вообще все остальное – это от лукавого) – это грамматика и словарь.

М.К. Цитируя Виноградова, говорит она.

Д.Г. Про грамматику пока не говорим. Есть некие единицы... Фразеологизмы есть? Есть. Мы их употребляем. Есть некие устойчивые... как хотите, мы их называем «прецедентные высказывания»... «логоэпистемы» – сейчас вот Костомаров слово придумал (*смех*)... «языковые афоризмы»... я не буду сейчас спорить, как они называются... такого типа единицы есть... Есть некие коды культуры, ну совершенно очевидно, что есть кровь, есть вода... и другие вещи есть... и концепты есть: есть и «честь», и «совесть», и «отвага», и другие имена... за которыми стоят многие высокие вещи. Мы можем сейчас придумать, как их назвать. Вопрос вот какой: это нуждается в словарном описании? Я сейчас очень узко говорю, конкретно: словарное описание, лексикография. Ну, если мы должны это описывать, мы должны писать словари. И вся теория должна, с моей точки зрения, в этой ситуации, и вся терминология, которую мы вырабатываем, должна подстраиваться под эти конкретные вещи. Потому что некие абстрактные рассуждения мы очень долго будем обсуждать. Но вот мне надо, грубо говоря... есть телесный код культуры... я о своем, прошу прощения, то, что я могу сказать... есть нос, есть кровь, есть сердце, есть голова, есть рука и прочее. Мне их как-то надо описывать. Соответственно, я все эти термины ищу под это... Если мне надо...

М.К. Понятно.

Д.Г. ... описать совесть, страх и прочее... Понимаете, Ваш подход, Людмила Олеговна, степановский подход, Вежицкой подход, Телия подход...

М.К. В процедуре описания будет разница.

Д.Г. Они там в чем-то пересекаются, в чем-то расходятся...

М.К. Да.

Д.Г. Понимаете, но я здесь понимаю конкретную задачу, и я вижу, что вот эта теория вытекает вот из этой конкретной задачи. И я призываю, уважаемые коллеги, опираться на конкретные практические ситуации, и тогда, по-моему, получается гораздо лучше.

Т.В. Но тогда получается, что вся теория культуры в итоге воспаряет – или должна воспарить – к нормальной позитивистской классификации.

Л.Ч. Да.

Д.Г. Я считаю, что даже из обратного все идет. Начинается все с элементарной классификации...

Т.В. И лучше уж не воспарять.

Д.Г. ... а потом уже идет...

Ю.С. Я возражаю. Это не к нему. Это не он придумал. Это Шейман...

М.К. Новый, новый термин, чтобы не отстать от жизни: «сапиентема». У меня корректура «Язык и культура» Верещагин и Костомаров, книга выйдет сейчас.

В.К. Чу□дно. Так, коллеги, если Вы позволите, я буду подводить некоторые итоги, потому что времени уже много, и мы уже все немножко устали. Что вынесла для себя сегодня я? Вы, наверное, обратили внимание, что сегодня я в основном молчала и слушала. Обычно я веду себя более безобразно, коллеги знают.

М.К. Так это способ заставить тебя молчать?

В.К. Да. Первое. Сегодня был первый такой, как мне кажется, пробный вариант – [попытка] совместить людей, которые стоят на разных позициях... Людмила Олеговна, как Вы однажды сказали: несмотря на разницу, мы все-таки идем в одном направлении. Вот мне было очень интересно...

Л.Ч. Я тогда была оптимистом. (*общий смех*)

В.К. А, вот так, да? Ну, тем более. Мне было очень интересно в одной аудитории по одним проблемам собрать людей, которые по-разному смотрят на эти проблемы, стоят на разных позициях. И все-таки мне кажется, что что-то общее у нас вычленяется. У меня есть такое большое подозрение.

Л.Ч. Да.

В.К. Это первое. Второе. Я поняла, что очень много вопросов... Мне, например, надо будет еще раз передумывать все то, что я сегодня здесь услышала, потому что интуитивно я чувствую, что на целый ряд вопросов ответы сегодня были. Как это ни смешно. Хотя, казалось бы, была такая «разрозненная» дискуссия, в разные стороны нас тянуло, но все-таки какие-то ответы были найдены. Мне просто надо переосмыслить всё это еще раз – то, что сегодня прозвучало. Вместе с тем я поняла, что есть целый ряд вопросов, блоков вопросов, проблем, по которым нам просто жизненно необходимо встречаться дополнительно и дополнительно говорить. Конечно, проблема терминов... Людмила Олеговна, я сама, благодаря своим учителям – Майе Владимировне Всеволодовой и Веронике Николаевне Телия, я сама «пуристка» в сфере терминов. Я понимаю, что модные термины, к сожалению, есть. И с ними надо каким-то образом разобраться, хотя бы в стенах Московского университета, чтобы мы хотя бы друг друга понимали достаточно адекватно. Это не значит, что я, например, говоря о психолингвистике и рассуждая в терминах и категориях психолингвистики, буду использовать термин

«дискурс» так, как Вы его понимаете. Но мне очень важно знать, как Вы в своей парадигме этот термин понимаете и используете, чтобы не было путаницы. Иначе говоря, есть блок терминологических проблем, которые надо достаточно серьезно обсудить и... речь сейчас не идет о том, чтобы прямо сейчас создать какой-то словарь...

Л.Ч. А я бы черновой вариант, рабочий...

Д.Г. Материалы к словарю.

Л.Ч. Материалы к словарю... И чтобы каждый... каждый, думаю, сможет коротко и ясно изложить.

В.К. Тогда имеет смысл одну из встреч, если такого рода...

Л.Ч. Но определить надо термины...

М.К. Терминологически...

Л.Ч. ... термины, по поводу которых будет встреча.

В.К. То есть составить некий словник, да? Если аудитория согласна эту проблему тоже обсудить в будущем...

Л.Ч. Извините, я сейчас вспомнила «Словарь когнитивных терминов»... Ну совершенно неработающая книга... А это словарь!

М.К. Он просто узкий.

В.К. Нет, там эклектика.

Л.Ч. Да не узкий он! Люди, которые писали этот словарь, плохо понимают, что там за этими терминами стоит.

Ю.С. Я с удовольствием донесу... (*смех*)

Л.Ч. Донесите... Но в аудитории не работает!

Д.Г. Кстати, я сейчас в рамках общего курса кафедрального готовлю тест экзаменационный... я очень коротко говорю... Я, естественно, пользуюсь терминами и, говоря о теории коммуникации, говорю об инференции... ну, неважно... экспикатура, импликатура... и дискурс, кстати... мне это нужно формализовать, да? Чтобы вынести это в контрольную работу. Я полез в этот словарь первым делом.

В.К. Там нет определений!

Д.Г. Да. И с ужасом обнаружил, что я не вижу определений.

В.К. Ну, нету там определений. Мы уже выяснили, что нужно делать свой словарь.

Т.В. Этот словарь – это выход на очень практические проблемы. И его надо делать не только лингвистическим.

М.К. И еще хорошо было бы провести обсуждение такого процедурного исследования, описания конкретных языковых и не только языковых... там коммуникативных... То есть словарь: терминология и процедура...

Л.Ч. Очень хорошо.

М.К. Чтобы показать как. Просто вот взять в руки, ну вот «как в воду глядел» и показать: значение – вот оно, оно интерпретируется в таком-то знании, отсюда вылезает оценка, оно воспринимается так-то, этому сопутствует то-то, то-то...

В.К. Хорошо.

М.К. Просто процедурные описания на конкретных языковых примерах.

Л.Ч. Это было сформулировано уже очень давно, в 97-м году...

В.К. Маш, сформулируй более точно: это процедура описания?

М.К. Да, процедурное описание.

Л.Ч. Процедура описания того, что воспроизводимо.

В.К. На мой взгляд, это уже не одна, а две встречи. За одну встречу мы все это не сможем обсудить.

Т.В. На самом деле, это совсем даже не одна встреча. Эта очень большая работа.

В.К. Да, конечно. Но на первое время. И еще одна проблема, которая в рамках той парадигмы, которая здесь сегодня была заявлена, мне кажется очень интересной – это проблема игры. Не так, как это делает, например, Нина Давыдовна Арутюнова, хотя, конечно, у нее можно многое что взять... но не только... То есть это идея игры как таковой: и языковой, и культурной... во всяком случае, здесь есть еще что сказать...

Д.Г. Но не витгенштейновской?...

В.К. Нет-нет. Теперь по процедуре описания. Сегодня здесь звучало несколько раз: что такое коды культуры? На самом деле ни разу ответа не прозвучало. Наверное, стоит поговорить отдельно?

М.К. А мы и не хотели говорить.

В.К. Мы не хотели. Да.

Д.Г. Я могу рассказать.

Ю.С. Что, сейчас?!

В.К. В следующий раз.

Ю.С. Не надо сейчас...

Л.Ч. Нет, подождите. Мы ведь говорили сегодня... Есть соматический код, гастрономический, да? Ну так и скажите людям, что это такое.

В.К. Да мои студенты знают.

Ю.С. Они всё знают.

В.К. И возможно, уже после терминов, после процедуры и так далее... мне бы все-таки очень хотелось поговорить о проблеме концептов и концептов культуры.

М.К. А это как раз к терминологии... там это все.

В.К. Нет. Там это начнет проясняться, но, думаю, что мы выйдем на отдельный разговор.

М.К. И процедурное на это и выйдет. И то, и другое выходит на концепт.

В.К. Может быть. Так, хорошо, тогда я...

В.Б. И еще одна проблема. Неточная воспроизводимость.

М.К. Это игра. Игровая ошибка...

В.К. На самом деле это проблема канона, которую мы тоже хотели обсуждать отдельно...

Л.Ч. И еще я бы предложила типологию знания, уж коль скоро мы работаем в этой самой когнитивной, как теперь говорят, парадигме антропоцентрической. Все-таки какие виды знаний существуют?

В.К. Хорошо, но обо всем этом надо думать. Уважаемые коллеги! Спасибо всем за присутствие и за участие!

Ю.С. Вам спасибо!

В.К. До следующей встречи!